Ч14 3/78

Коммунистическая Партия (большевиков)

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Проф. Г. С. ГУРВИЧ.

ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Выпуск I.

Издание Смоленского Губернского Комитета Р. К. П. (б).

Смоленск 1921 г.

Ц 14 3/78

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

7143
78
3-40

Проф. Г. С. ГУРВИЧ.

ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Библиотека Российского Исторического Музея
№ 1281

Выпуск I.

Издание Смоленского Губернского Комитета Р. К. П. (
Смоленск 1921 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№25398 1970 г.

Прежде, чем пользоваться книжной, исправьте следующие

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
9	13 снизу	уверенности	суверенности
9	16 „	законов	знаков
12	12 сверху	шамаиской	шаманской
30	5 снизу	27	28
35	16 „	понинамие	понимание
53	10 сверху	Маккаа	Маккая
57	1 снизу	данастии	династии
62	7 сверху	финансового	банкового
79	2 снизу	землевладельцу	земледельцу
91	7 сверху	XVIII	XIX
91	12 „	приближается	приближаются
93	7 „	и обще	вообще
115	18 „	попядет	попадает

§ 39, § 40 и последний абзац § 70 относятся *к мелкому шрифту*.

1-й [illegible] ца

Гос. Ист.-Археол. Б-ка
НКП РСФСР
Инв. №
193 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ [illegible] ИЧНАЯ
ИСТО[illegible]Я
БИБЛИОТЕКА

Сф. 9363

Содержание.

Стр.
Оглавление . . . . . I—VII.
Предисловие . . . . . 1—4.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.
Понятие конституции, как основного закона 5—12.

1. Что такое конституция —2 Конституция есть закон.—3. Значение конституции, как закона.—4. Конституция есть основной закон.—5. Значение основных законов вообще.—6 Значение основного закона государства.—7. Две конституции и их различие.—8. Этого различения не существует в науке права.—9. Так ставятся вещи на голову.—10. Где надо искать основной закон государства?—11. Фактическая сила, действующая в государстве, как его подлинный основной закон, это—экономический интерес господствующего класса —12. Конституция в основе своей есть отражение и выражение экономического интереса.—13. Туман и путаница в буржуазной науке.—14. Буржуазная конституция и буржуазный карман.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Стр.
Сущность советской конституции и ее содержание . . . . . 13—21.

15. Движущая сила советского государства.—*16.* Экономическая необходимость власти пролетариата.—17. Ги-

гантское перемещение сил.—18. Советская конституция—произведение самой жизни.—19 Она выростала.—20. Ей необходимо предшествовала декларация прав —21. Декларации прав имеют свою весьма поучительную историю.—22. Декларации прав, как общее выражение нового экономического интереса.—23. Декларации прав буржуазии.—24. В чем смысл нашей декларации?—25 Она-то семя, из которого выросла конституция.—26 Некоторые исторические данные.—27. Единство конституции.—28. Описание конституции.—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Стр.

Государство Его происхождение и характер. 22—34.

29. Статья девятая.—30. Что скрывается под понятием государства.—31. Необходимые черты государства.—32 Всегда ли существовало государство?—33 Родовой (до-государственный) строй.—34. Падение первобытного коммунизма. Образование классов.—35. Зарождение классовой розни.—36. Вырождение родового строя. Необходимость государственной власти.—37. Государство—средство эксплуатации.—38. Насильническая сущность государства: а) древний мир—39. б) средневековье.—40 в) новое время.—41. Настоящее историческое место государства.—42. Оно есть отношение между людьми.—43 От Аристотеля до наших дней.—44. Государство в германской философии.—45. Лассаль и его последователи.—46. Анархизм против государства.—47. Требуют ли анархисты разрушения государства?—48. Неясность и незаконченность воззрений Бакунина.—49. Анархистские определения государства.—50. Каковы же задачи пролетариата по отношению к этому чудовищу?—51. Борьба Маркса-Энгельса с верой в буржуазное государство. Опыт коммуны.—52. Критика Готской программы.—53. Предисло-

...„Рождение" внуке во Франции".—54. Маркс в Женеве.—55. Работа для Маркса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стр.

Классовое государство, как орудие угнетения . . . . . 35—46

56. Классы—основа государства.—57. Понимание государства его предшественниками.—58. Происхождение государства.—59. Отмирание государства.—60. Общественный характер производства.—61. Он обусловливает не только по форме своей, но и по смыслу его значение.—62. Индивидуальный характер присвоения.—63. Буржуазия дала ли ей возможность достигнуть определенной цивилизации, все-таки обществу не было бы лучше, а, пожалуй, хуже.—64. Что пользы от вмешательства буржуазного государства?—65. Пролетариат.—66. Его экономические интересы.—67. Его политические задачи.—68. Исчезновение государства, как следствие новых производственных отношений.—69. Средства борьбы.—70. Падение власти над людьми.—71. Переходный период.—72. Моральное оздоровление правящего класса.—73. Конфликт личных и общественных интересов.—74. Цивилизация и вырождение.—75. Анархия в военном.—76.—Все это иллюстрируется текущей действительностью.—77. Капитализм изжил себя.—78. Двусторонний кризис буржуазной государственности.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стр.

Диктатура пролетариата, как государство, как организация временная . . . . . 47—55.

79. Пролетарское государство—последнее государство.—80. Его основная цель.—81. Государство против

государства. Сокрушение буржуазной машины.—81. Что нужно сломать?—83. Анархистские требования отмены государства.—84. Позитивное вопроса.—85. Энгельс об отмирании пролетарского государства.—86. Маркс о разбитии буржуазного государства.—87. Выводы.—88. Возражения одних анархистов теряют силу....—89. Без ложения других отпадают....—90 Третьим несколько мо чему поучиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Стр.

Государственная власть и диктатура . . . 54—63.

91. Вопрос о власти в буржуазной науке.—92 Путаница понятий.—93. Действительное содержание государственной власти.—94. Что она защищает?—95. Отношение власти к интересам подчиненных классов.—96. Отношение власти к интересам господствующих классов. —97. Разбор обычных возражений. Всеобщее избирательное право, как орудие властвования.—98. Бессилие рабочих объединений.—99. Обоюдоострый характер кооперативов —100. Социалисты в парламентах.—101. Истинная демократия.—102. Что значит „буржуазная демократия“.—103, Демократия, диктатура, империализм.—104. Безраздельное господство капитала.—105. Начало буржуазной диктатуре положено давно.—106 Рост государственной власти за вторую половину XIX ст. 107.—Расцвет буржуазной диктатуры.—108. Что же такое диктатура?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Стр.

Диктатура в Советском Государстве . . . 64—67.

109. Диктатура с гражданская война.—110. Диктатура большинства.—111. Диктатура пролетариата являлась самой революционной властью и ею же с каждым днем упрочивалась.—112. Буржуазный ученый о

революционной диктатуре.—113. Маркс и Энгельс выработали теорию пролетарской диктатуры.—114. „Словечко" Каутского.—115 Диктатура в „Коммунистическом Манифесте".—116. Диктатура в „Борьбе классов во Франции."—117. Как вынашивалось Марксом понятие диктатуры. Поворотный „пункт."—118 Переходный период и его содержание.—119. Назначение пролетарской диктатуры.—120. Энгельс и опыт коммуны.—121. Диктатура, как способ, определяемый целью.—122. Отказался ли Энгельс от революционного насилия?—123. Диктатура и демократия в Советской России.—124. Что говорят в защиту буржуазной демократии?—125. „Общая воля."—126. Пролетариат или крестьянство?—127. Буржуазный характер октябрьских революций.—128. Пролетарская революция в октябре 1917 года.—129 Правительственные мероприятия в области земельной носили социалистический характер.—130. Пролетариат—вождь и учитель.—131. Его отношение к крестьянину—середняку.—132. Волков бояться, в лес не ходить.—133 Кому властвовать?—134. Течения внутри пролетариата.—135. Остатки буржуазных классов.—136. Отношение пролетариата к самому себе.—137. Умышленное замазывание шептунами действительного существа Советской Республики.—138. Диктатура над собой и для себя.—139. Отношение к интеллигентским спецам.—140. Отношение к буржуазным паразитам.—141. Пролетариат и его партия.—142. Других путей проведения диктатуры нет.—143. Соблазны власти.—144. Как предохранить себя от этой опасности?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Стр.

Представительное правление в буржуазном государстве . . . . . 88—113.

145. Республика Советов.—146 Монархия и республика.—147. Абсолютизм.—148. Конституционное государство.—149. Дуализм и парламентаризм.—150. Непосред-

...ельную решимость.—151. Наука и практическая полезность.—152. Различие мнений по отдельным вопросам.—153. Интеллигенция—плохой путеводитель.—154. Ни в коем случае не...—155. Широкие всем и каждому права.—156. Права национальностей.—157. Право на Финляндию.—158. Народовластие через ... выборным началом.—159. Как ... ...ии.—160. Отношение ... ...ия.—161. Как ... ...ется.—162. ... ...ше ...ство.—163. Из ... ...ство.—164. Отношение ... ...ственности.—165. Опыт ... ...ти.—166. Меньше ... и ...ти.—167. Парламентаризм ...ти.—168. Отношение ... ...ственности.—169. Опыт ... ...ти.—170. Неспособность ... ...ти.—171. Не ... ...ти.—172. Наука и ... ...ти.—173. Потеря ...ти.—174. К ... ...ти.—175. Не ... ...ти.—176. В Англии ... ...ти.—177. В Америке ...ти.—178. Законодатели—только, которые приведены.—179. Не ... ...ти.

биржи".

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Стр.

...ти.—114—131. 180. ... ...ти.—181. Советская Республика—общее дело.—182. ... ...ти.—183. Их организация.—184. Их ... ...ти.—185. Исторический характер ... ...ти.—186. Власть и органы ... ...ти.—187. Выборность ... ...ти.—188. Советы—высшая ...ти.

Совет и высший орган. с.—139. Органы и связь с ними.—140. Разделение власти и суверенитет народа.—141. Разделение власти и функциональная система.—142. Советский [illegible] по [illegible] [illegible] [illegible]

Предисловие.

Прошло два года с тех пор, как преподавание Советской Конституции стало по закону обязательным во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики. А между тем, словно в насмешку над законом, счастливым изъятием из общего правила являются те школы и учебные заведения, где изучается основной закон государства.

Объясняется это очень просто: Советская Конституция не только для широких пролетарских слоев, но и для многих партийных товарищей является в некотором роде „прекрасной незнакомкой". Ее все очень любят и очень хвалят, но редко кто может похвастать знакомством с нею. Не говорю уже о так-называемой советской интеллигенции: Конституция Р. С. Ф. С. Р. для нее такая же „земля незнаема" как и . . . всякая другая, впрочем. Мало знаний, мало любознательности!

Но если бы даже такая любознательность явилась,— она уже появляется,—вопрос чем утолить ее? У нас нет повидимому, ни одной сколько нибудь сносной работы, которая освещала бы вопросы конституционного права с марксистских точек зрения.

Книжка Ленина „Государство и Революция" при всех своих несравненных достоинствах не есть, конечно, чтение по Конституции: это, если угодно, источник социалистического права, но не изложение права. К тому же, она предполагает читателя уже солидно подготовленного.

Так что же читать по Советской Конституции? Как вести преподавание ее? По каким источникам? По каким

руководящим лицам? Что дать в руки ученикам и слушателям? Все это вопросы, которые с каждым днем становятся острее и назойливее.

Назначение предлагаемой работы — удовлетворить эту насущную потребность. Я старался передать лишь основные черты Конституции, имея в виду, что Конституция эта есть организм, для которого еще не пройден период роста и развития. Детали меняются и будут меняться, но существо остается.

Я рассчитывал свою работу на читателя, уже подготовленного слушанием партийной школы — тот главным образом, что я имел в виду. Но обширный опыт показал мне, что именно эта публика так легко увлекается предметом, что ее, без риска наскучить, можно ввести в лабораторию толкования и деталей вопроса. Помимо этого, совершенно необходимо удовлетворить и лектора. Преподаватели Советской Конституции находятся в особо беспомощном положении, и облегчить их тяжелую участь было моей параллельной задачей. Этим двум целям и должно соответствовать деление текста на два шрифта: крупный — для учащегося, мелкий — для учащего и для тех из учащихся партийных школ, которые, едва со школьной скамьи, уже сами учат и иногда не без успеха.

Первый выпуск „Основ" исчерпывает содержание Конституции менее, чем наполовину. Во второй имеют войти близкое рассмотрение советской организации на местах и в центре, система избирательного права, задачи федеративного устройства, вопрос о политических гарантиях и о тех особенностях нашей Конституции, которыми обусловливается ее исключительная гибкость. Я намерен также показать, почему и как Конституция эта является правовым документом, источником нового права.

Это первый опыт связного и научного изложения основ Советской Конституции. Как и всякий первый опыт, он, конечно, полон шероховатостей и недостатков. Прошу принять еще во внимание на редкость трудные

условия, в которых книжка писалась, то недостатки эти будут вполне извинительны.

Если же предлагаемый выпуск настолько заинтересует партийных и советских работников, что побудит их поделиться со мной своими наблюдениями, своим опытом и просто критическими замечаниями, я сочту себя за труд вознагражденным.

Г. Гурвич.

Глава первая.

Понятие Конституции, как основного закона.

1. Что такое конституция? Есть много понятий, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, не задумываясь, что, собственно, они означают. Один ученый монах первых времен христианства на вопрос: что такое время?—ответил: когда меня не спрашивают, я знаю. То же, пожалуй, принуждены будут ответить и многие из так—называемых образованных людей, если их спросить, что такое конституция. Сказать: конституция это—основной закон, значит сказать очень мало, почти ничего, ибо этим только вводятся два новых понятия: основы и закона, которые в свою очередь нуждаются в раз'яснении. А этого раз'яснения нет и в науке. Много конституций создала буржуазия, много потрачено времени и сил на изучение конституционных законов—этим занимается особая наука, наука конституционного права,—и все—таки *напрасно было бы искать в этой науке верного понимания того, что такое конституция вообще.*

2. Совершенно верно, что конституция есть закон. Она исходит от государства, от которого исходят законы вообще. Она имеет силу закона: соблюдение конституции обязательно для всех, нарушители ее караются. Отменяться или изменяться она может только в законодательном порядке. Все это признаки закона. Законы—вот общая группа, общий род явлений, к которым относится и конституция. Но ведь всякое определение так именно и создается, что сначала ищут общий род (напр.: чело-

век есть животное, относится к роду животных), а потом указывают признак, выделяющий определенный предмет из общего рода (напр., человек есть животное общественное. Неспособность человека жить и развиваться вне общества—вот отличительный признак человека среди других животных). Имеет ли конституция, как закон, такой отличительный признак, разделяющий ее из массы других законов? И в чем он заключается?

3. Значение конституции, как закона.—Возьмем любую буржуазную страну. Законов наберется чуть ли не каждый день. Постепенно вырастают десятки толстых книг,—все это действующие законы страны. Знает ли их обыватель, будь—то буржуа или пролетарий? Интересуется ли ими? Очень мало. Он узнает о законе лишь тогда, когда он непосредственно его, обывателя, коснулся. А это бывает довольно редко. И можно прожить целую жизнь не имея никакого понятия о законах своей страны.

Но представь себе, что в этом непрерывном законодательном потоке проскользнул закон, сам по себе очень незначительный и внимания не заслуживающий, но о котором целая группа юристов выразилась, что он не согласуется с конституцией страны. Газеты это замечание подхватили, в общественных кругах об этом заговорили, а там—слово вылетело и пошло по стране. И все от крупного банкира, ворочающего миллионами, до последнего приказчика в лавчонке,—все закричали, что „конституция в опасности", что „уже посягают на конституцию", и что надо скорее спасать конституцию.

4. Конституция есть основной закон. Таким образом в сознании общества (или, говоря ближе, в сознании того класса, который господствует, задает тон в государстве, конституция не просто закон. *Она несравненно выше и больше всякого другого закона.* И не только непросвещенная публика, так же смотрят и ученые правоведы и государственные деятели, и они-то, составляя конституцию,

ция, устанавливает особый [illegible] или дополнения. Всякий закон, будь [illegible] важности, изменяется [illegible] это предполагает [illegible], которое, вообще, уполномочено [illegible] требу[illegible] изменения конституции, [illegible] нительных поправок [illegible] ное затруднение [illegible] для того, чтобы [illegible] конституции, тем [illegible] изменений [illegible] ституции.

[illegible] вилиями, [illegible] кона и выше [illegible] в ней сосредоточивается [illegible] ной жизни, его фундамент, [illegible] ство. Короче, это основной закон.

3. Значение основных законов. [illegible] обстоятельно, значит [illegible] ло нужно [illegible] ется, во 1-х, *практически*, во 2-х [illegible] ными. Цель всякой науки [illegible] новных, объединяющих [illegible] ления вещей. [illegible] ли [illegible] ся с [illegible] мер, движением [illegible] солнца, а [illegible] ставит вопрос [illegible] ку, это [illegible] каждую [illegible] же оно имеет [illegible] и тогда мы [illegible] ближайшие [illegible] ней мере, будущее. [illegible] основной закон, [illegible] движения [illegible]

какими мы их наблюдаем. И пока не погухнет солнце движение это не изменится.

6. Значение основного закона государства. Вот такой-то основой для жизни государства служит его конституция. Она есть некая деятельная сила, направляющая все то, что происходит в государстве. Как идет производство, как организовано распределение, как действует предприниматель, как живется рабочему, как судит судья, как думает законодатель, как управляет администратор, как учит учитель—все это не случайно, все это определяется той деятельной силой, которая зовется основным законом, конституцией.

7. Две конституции и их различие. Но спрашивается: что же служит в государстве этой деятельной силой? Ведь лист бумаги, на котором написано „конституция", очевидно, совсем не сила. Это всего только выражение в словах и знаках той силы, о которой идет речь. И сила эта нисколько не изменится сама по себе, если мы даже сожжем или иным каким-нибудь способом уничтожим бесследно все экземпляры конституции. Сила эта остается и попрежнему в любую минуту даст себя чувствовать. Нужно, следовательно, строго различать две вещи: *конституцию материальную и конституцию формальную*, ту фактическую силу, которая действует в государстве, и от которой зависят все явления жизни этого государства, и документ, акт, бумагу, в которой выражены свойства и характер этой силы.

8. Этого различия не существует в науке права. Но буржуазное конституционное право блещет именно такой наивной верой в лист бумаги. Товарный фетишизм, определяющий во многих отношениях психологию буржуазного общества, сказался здесь с разительной наглядностью. У Еллинека конституция есть порядок, согласно которому создается и исполняется воля „постоянного союза, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему". [1] Далее мы узнаем, что „общее правило составляет у культурных народов порядок, санкционированный правом, составляющийся из совокупности правоположений", и что такая совокупность правоположений и образует современную консти-

туцию—писаную- или конституцию в формальном смысле. А далее уже все время речь идет именно о конституции писаной. Именно лист бумаги наделяется чудодейственной силой создавать, ограничивать, регулировать и т. п., одним словом, управлять. О различении же конституций материальной и формальной в указанном выше смысле нет и речи, а тем более нет ни потребности ни попытки понять и определить ближе ту силу, которая создает самую конституцию, как лист бумаги, и является действенным всенаправляющим фактором государственной жизни. В этом отношении еще непосредственнее и наивнее выражается Брайс: „Когда мы говорим о конституции какого-нибудь государства или какой-нибудь нации, мы разумеем под этим словом те правила или законы, которыми устанавливается форма правления и которыми определяются права и обязанности правительства по отношению к гражданам и граждан по отношению к правительству".[2]

9. Так ставятся вещи на голову.—Как видим, общество покоится на законах, а не наоборот. Государство по конституции, а не конституция по государству! Но ведь всякая конституция есть прежде всего клочек бумаги или собрание таковых. Каким же образом клочек бумаги может являть собою „порядок", создающий „волю постоянного союза"? Как может он „устанавливать" „форму правления"? Здесь мы вступаем в область истинных чудес, которые, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказываются обыкновенным шпагоглотательством буржуазных ученых. Ибо к чему же иному, как не к оборотению листа бумаги, может привести занятие идеями, как самостоятельными сущностями?[3] Ведь на этом листе запечатлены идеи! Детская вера авторов подобных определений в магическое действие типографских знаков, если они сверху имеют сакраментальный заголовок „Конституция", а внизу украшены соответствующими подписями и печатями, неизбежно вытекает из догматического утверждения суверенности мышления, определяющего бытие, из постоянной недооценки, а то и полного игнорирования единственно реального—экономического—базиса социальных явлений. Действительное фактическое существо конституций остается тайной для буржуазного мышления.

10. Где надо искать основной закон государства? Легко открыть эту фактическую силу. Всякая писаная конституция, будь то единый акт или ряд разрозненных документов, источником своим имеет материальные условия человеческой жизни. Прежде, чем мыслить и рассуждать, „погружаться в искусства, науки, предаваться любви и страстям", человек должен обеспечить себе кров, пищу, одежду, защиту от стихий и от диких зверей. И так по-

основано ближе всего на первых годах существования Советского общества. *Экономическая власть принадлежит в данном обществе, как производится и кем распределяется произведенное, всегда составляет основу.* Эта основа—экономический отдел общества—определяет все общественные отношения, политику и государство и все то, что в государстве происходит. На первом плане стоит интерес производства, хозяйственные нужды и потребности. В ходе исторического развития появляются деление на свободных и рабов, на господ и на подданных, на эксплоататоров и эксплоатируемых, на управляющих и управляемых. Каждый из этих экономических потребностей в зависимости от степени развития производительных сил, в данный момент станет определенные классы на место организатора производства, руководителей технической—экономической. Таким образом, экономические требования эпохи и экономический интерес класса—организатора производства—одно. Он задает тон, и он делает музыку. Музыка—это общественные отношения, работа общества в сфере науки, искусства, религии и политики. *Все эти отношения выделяются из экономики и, вместе, образуют некую ряду сложной надстройки.* Для защиты экономического интереса организатора производства

II. Политическая сила, действующая в государстве, есть в каждый данный основной закон, это—экономически господствующий класс. В государстве буржуазии борются за преобладание три враждебных класса: класс помещиков собственности на орудия производства. С этим классом связана необходимость свободы хозяйственной деятельности. Буржуазия должна иметь развязанные руки в области хозяйства. И требует она только то, что ей нужно. Без права частной труд, он не может существовать, не эксплоатируя чужого труда, т. е. не присваивая себе прибавочную ценность. И он требует этой свободы для трудящихся масс.

12. И более буржуазная теория конституции в основе своей есть отражение и выражение юридического интереса собственности, как коренного условия буржуазного государства. Вполне характерно для буржуазного правосудства, что исходным моментом этого производства и всех общих политических целей служит, как уже указано выше, писаная конституция. И вместе с тем в ней к тому же по здравомыслию основного понимания отдают пальму. На писаную конституцию, или на существующую опору? И что же ужасного в [illegible] провождающих такие надежды?

13. Такая [illegible]

зации (большой успех в сравнении с вышеприведенной знаменитостью, Дайси, который, повидимому, лишь в благодетельных последствиях таких импровизаций разочаровался!), но источником конституции считают „предсуществовавшее государственное право". Знает ли он, какое такое „предсуществовавшее государственное право" послужило источником хотя бы французской конституции 1789—1791 г. или американской 1787 года? С другой стороны, тот же исследователь, отказывая конституциям в способности создавать новые формы правления и весьма искусно обходя навязывающийся вопрос, что же именно, если не конституция, создает эти новые формы, приписывает им—листам бумаги—способность „освящать и закреплять" эти новые формы[8]. Какие пустые и жалкие фразы! Как много нужно шаманской веры в вещи, чтобы утверждать, что буржуазные конституции, ежечасно нарушаемые и попираемые, что то закрепляют и освящают!

14. Буржуазная конституция и буржуазный карман Но вера в творческую роль писаных конституций—именно, в творческую—остается, все же, господствующей. Она умрет лишь вместе с буржуазией, как родилась с ней. Американский публицист во французской конституанте, Томас Пэн, обмолвился крылатым словом о конституции, который нет, если ее нельзя положить в карман. Молодому, начинавшему жить буржуазному обществу такое открытие пришлось в высшей степени по вкусу: как часто после этого буржуа клал в карман конституцию, как свою священную, неотъемлемую собственность, лишь только пролетарий протягивал к ней руку! И этот своеобразный фетишизм листа бумаги идет через весь XIX век, век писаных конституций. Как может буржуазный ученый вполне отречься от веры в движущую и созидающую силу записанных норм и правил, запечатленных идей? Ведь только в том случае, если они записаны их и можно положить в карман.

Глава вторая.

Сущность Советской Конституции и ее содержание.

15. *Движущая сила Советского государства.* Все сказанное выше о конституции формальной и материальной и об их различии, применимо и к Советской конституции. В нашем социалистическом государстве действенной силой, создающей и определяющей его строй и отношения, служит хозяйственный интерес господствующего класса, т. е., пролетариата, Сила эта сложилась и выросла независимо от воли отдельных людей: рабочий класс властвует не потому только, что он этого хочет, или что этого хотят его вожди. Хозяйственный интерес собственников во всем капиталистическом мире перестал быть господствующим, противоречия капитализма выступают с особенной очевидностью, буржуазия из организатора и руководителя производства явственно превратилась в тунеядца и паразита, следствие: буржуазия не может больше управлять.

16. Экономическая необходимость власти пролетариата. Но результат этот ярче и скорее, чем где бы то ни было, сказался в России.

Перефразируя слова Маркса о Германии его времени, можно сказать, что российская буржуазия очутилась на уровне европейского упадка, хотя она никогда раньше не стояла на уровне европейской эмансипации[9].

После губительного во всех отношениях хозяйничанья помещиков и чиновников в России до—военного времени, после разорительного трехлетнего участия в мировой войне, обогатившей отдельные группы предпри-

нимателей, но довершившей обнищание и одичание широких трудящихся масс, особенно сельских, наша капиталистическая буржуазия — еще молодая, неорганизованная и хищническая — была неспособна была заново организовать производство и наладить хозяйство. Эта задача, как показывают события текущего времени, не под силу и могущественной, сравнительно, буржуазии богатых стран старого капитализма. Вольно или невольно, но при дальнейшем руководительстве классов собственников Россия неминуемо должна была бы подпасть под неограниченное влияние империалистического запада, стать его покорной данницей, его колонией, из которой высасывают соки, ничего взамен не давая. Это участь Индии, Ирландии, Кореи. Наши капиталисты не так уж много потеряли бы от этого, но над трудящимися классами нависло бы иго экономического рабства более тяжкое, чем в худшие времена царизма. А превращение в эксплоатируемую колонию такой огромной и богатой всеми сырьем страны вдвое бы усилило и укрепило в ужасающей степени империализм запада. Социальная революция была бы отсрочена заведомо надолго.

17. Те восемь месяцев, которые протекли между февральской и октябрьской революциями, были временем *гигантского перемещения сил*. Во время революций история движется быстро. Революция — суть ее диалектики, сказал Маркс[16]. В этот период обострения классовой борьбы, по мере того как обнажались от всех покровов классовые противоречия, приобретала решительную ясность и выпуклость экономическая ось развития страны. И становилось все более очевидным, что *интерес помещающей страны и интерес пролетариата, как класса, совпадают*. Задолго до октябрьского переворота, уже в первые месяцы после февраля, можно было предугадать, что останься буржуазной революция не сможет, пойдет до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует пе-

ов вперед, к социализму. Ибо иначе итти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплоатируемых нельзя“[11].

„Никакая новая структура не может родиться прежде, чем она стала объективной необходимостью. Капиталистическое развитие и крах капитализма завели общество в тупик, прекратили производственный процесс, самую основу существования общества. Возобновление производственного процесса стало возможным только при господстве пролетариата.....“[12].

18. Советская конституция — произведение самой жизни. Таким образом, Советская Власть стала хозяйственной необходимостью. И она возникла. С весны 1917 г. до осени 1918 г. шла организация Советских государственных форм. Больше года Советы — органы новой социалистической власти — строились и жили без всякой конституции. И во второй половине июля 1918 г. центральные и местные Советские организации уже окончательно сложились во всех своих основных существенных чертах. *Конституция Р. С. Ф. С. Р., ставшая 10 июля законом, ничего не создала.* Это был более или менее точный фотографический снимок с того, что уже есть. Если оставить в стороне агитационно-пропагандистские цели, которым она тоже должна удовлетворять, то ей главное назначение: подвести итог сделанному, охватить и осмыслить завоевания революции и тем самым дать примерный план, черновой набросок дальнейшего революционного строительства.

Более всего приложимо к нашей конституции то, что сказано в „Коммунистическом Манифесте“ о теоретических положениях коммунистов: она, как и они, „не основывается вовсе на идеях, на принципах, изобретенных или открытых тем или иным исцелителям мира“. Она является „лишь общим выражением действительных условий существующей классовой борьбы, совершающегося на наших глазах исторического движения“[13].

19. Она выросла. И так как конституция эта „не составлялась в кабинетах, *не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии*“, а „*выросла из хода классовой борьбы, по мере созревания классовых противоречий*“[14], то она лучше всякой исторической конституции

схватила и запечатлела тот фактический основной закон государства, ту движущую, действенную силу, о которой говорилось выше: жизненный экономический интерес господствующего класса.

20. Ей необходимо предшествовала декларация прав. —Замечательно, что этот интерес получил ясную и точную формулировку еще до появления конституции. 16 января 1918 года В. Ц. И. К. опубликовал, а 23-го января III Всероссийский С'езд утвердил *„декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа“*.

21. „Декларации прав“ имеют свою весьма поучительную историю. Средневековый мир их не знал, как не знал, вообще, права равного для всех и обязательного для всех. Разделенное на профессиональные, политические, социальные группы, средневековое общество располагало не правами отдельных личностей, которых не было, а правами сословий и корпораций, отделенных от государственного целого и конституировавшихся, как особые общества в обществе[15]. Это были привилегии, и многочисленные хартии сословий, городов, корпораций, цехов, монастырей были, если можно так выразиться, применяя поздний термин, „Декларациями привилегий“. Но уже эти „декларации“ выражали и воплощали не что иное, как определенный экономический интерес то одного, то другого „общества в обществе“, что особенно подтверждается историей тех хартий, которые американские колонии Англии получали от английских королей или от своих частных владельцев. Происхождение их от торговых привилегий весьма бегло отмечает Еллинек[16], но заметим здесь кстати, что именно эти хартии и бывали впоследствии превращаемы в конституции отдельных штатов, что они значительно повлияли (в смысле готовых образцов)[17] на конституционное законодательство Франции эпохи великой революции и еще ранее —на конституцию федеральную. Впрочем, американцы уже давно и торжественно засвидетельствовали, что их конституцию вызвал к жизни торговый интерес[18]. В сущности, это почти экономический материализм! Но, как известно со времен Мольера, не великий говорящий прозой, знает, что он говорит прозой. И справедливость требует отметить, что до этой прозы дорос ли весьма немногие: большинство ученых все еще сознательные поэты, как напр., А. Э. Вормс, который именно из исторического исследования деклараций прав выводит заключение о „роли идеалов в истории“[19].

Буржуазия уничтожила феодальную раздробленность средств производства. Еще раньше, чем „вырвать из под ног промышленности национальную почву“, она вырвала из-под ног промышленности почву

сословную и корпоративную. „Декларации привилегий" потеряли смысл: „феодальное общество было разложено до самой своей основы, до человека", и новое общество создалось на почве нового экономического интереса—свободы индивидуальной хозяйственной деятельности. Этот новый интерес требовал измышления новых прав—„droits naturels inaliénables et sacrés de l'homme"—они были измышлены. Их нужно было выразить—они были выражены в „Декларации прав человека и гражданина".

22 „Декларации прав", как общее выражение нового экономического интереса.—Когда новый общественный класс ходом хоз. естественного развития принуждается взять в руки политическую власть, он совершает это дело далеко не сразу. Свои экономические потребности, как законы своего существования и развития, он должен предварительно формулировать, сказать о них во всеуслышание. Высказанные, они приобретают осязаемую яркость и конкретность, становятся достоянием масс. Мало иметь потребность,—нужно еще осознать и осмыслить ее, нужно, чтобы новая мысль, выражаясь словами Маркса, ударила в живую народную почву.

23. Декларации прав буржуазии.—

Такими то озаряющими молниями и являются „Декларации прав". Во время великой французской революции „третье сословие"—буржуазия—когда почувствовала, что должна из ничего стать всем, выразила свой назревший экономический интерес в „Декларации прав человека и гражданина". Но непосредственно к политической власти пришла она лишь спустя пять лет: через крушение монархии, провозглашение республики и падение Робеспьера. Эта декларация лучше и прежде всяких конституций провозгласила определившиеся нужды нового господствующего класса. Революционные конституции сменяли одна другую, но „Декларация Прав" вплоть до самого 1799 года непрерывно возглавляла каждую из них. И в наше время, хотя она и не предшествует основным законам 1875 года,—„кто же, однако, осмелится утверждать, что она не входит в состав действующей конституции Республики?"[32].

24. В чем смысл нашей декларации? „Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа" отделена от конституции Р. С. Ф. С. Р. промежутком в шесть месяцев. Но между этими двумя разновременными актами существует самая тесная внутренняя связь. Декларация впервые суммировала все [illegible] завоевания революции. Она выявила все революционные достижения, в немногих словах (четыреста девяносто три слова) оценила их целиком, показала их смысл, [illegible] и закономерность. Впервые в точных и твердых выражениях закон прошли перед массами дела и лозунги революции. После этой декларации классовый интерес пролетариата, его конкретные нужды, его намерения, экономический и политический строй его государства, его международная политика—все это приобрело видимую ясность и определенность, столь необходимые как для самых сознательных, так и для самых несознательных членов класса.

25. Она послужила, из которого выросла конституция. И сравнивая ее с конституцией в собственном смысле, с теми положениями, которые заключаются в (т. ст. 9—97), легко увидеть, что она в сжатом виде содержит в себе все эти положения. Она предвосхитила их так, что все они одно за другим последовательно и неизбежно вытекают из нее. Наша конституция и наша воля и, так сказать, без ведома ее составителей оказалась естественным продолжением декларации, ее развитием, ее истолкованием, рядом практических мер и ее общим положением.

26. С этой точки зрения не лишены интереса следующие *исторические данные.* [illegible] Р. С. Ф. С. Р. для нашей советской конституции выдвинула из своей среды три подкомиссии, которые работали совершенно независимо друг от друга и по собственному плану, не сообщаясь между собой и приходя в соприкосновение лишь на пленарных заседаниях Комиссии. Одной из этих подкомиссий и было поручено специальное задание: составить проект „декларации прав и обязанностей трудящегося". Выработанный этой подкомиссией (состоявшей, кстати, из одного только лица) проект, после весьма обстоятельного рассмотрения и [illegible]

ума, решено было в окончательной виде предложить Съезду. По [illegible] изменения были пересмотрены и отредактированы — в правилах [illegible] по сложности и ясности формы и богатству [illegible] — это поистине гениальная марксистская [illegible] новым образом. Коммунистический Манифест — [illegible] это было книжное произведение, [illegible] выдержанный [illegible] теоретического характера, которым он первоначально являлся, не смотря даже на включение в него [illegible] практических революционных мероприятий, вполне [illegible] существенных к тому времени. Понятно, что [illegible] вполне [illegible] его с тех пор, стилем и описанием, как [illegible] документом, который III Съезд обнародовал [illegible] „Декларации прав Трудящегося и эксплуатируемого народа" — [illegible] потребовалось [illegible]. Ведь это был голос самой [illegible], ведь это был собственный рассказ [illegible] собственных делах! — Вопрос решался сам собой.

27 *Единство конституции.* V Съезд Советов, соединяя в одно целое два вышеуказанных акта, руководствовался их несомненным и действительным единством. Это не механическое соединение. Советская конституция — единый и цельный акт, так основные части которого связаны между собой общей целью, общей мыслью и общим настроением.

28 *Описание конституции.* О внешней стороны Конституция Р. С. Ф. С. Р. распадается на девяносто статей, распределенных между шестью разделами и семнадцатью главами.

Раздел первый (статьи I—IV) заключает в себе „Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа".

Второй раздел (статьи V) определяет основные положения. Как подробно сказано будет в своем месте, эти два раздела являются общими по характеру и содержанию своих норм. Первый намечает интересы трудящихся масс в сфере экономической, таким образом, второй касается собственно политического выражения этих интересов, являясь, таким образом, естественным продолжением первого. В дальнейшем изложении, говоря о „Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа" мы

будем разуметь под этим наименованием не только первый, но и второй раздел конституции.

Раздел третий (главы VI-XII) посвящен организации власти в государстве. Он подразделяется на две части: А и Б. Часть А знакомит с организацией центральной власти, при чем главы VI, VII и XI говорят о построении, составе и компетенции высшей законодательной власти—Всероссийского с'езда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, а глава VIII—касается высшей исполнительной власти республики—Совета Народных Комиссаров. Необходимо, однако, тут же оговориться, что конституция не разделяет и не противополагает этих двух родов власти, и самый термин „власть исполнительная" в конституции отсутствует. Если мы здесь этими терминами пользуемся, то лишь для удобства классификации*).

Часть Б содержит организацию советской власти на местах. Это главы X, XI и XII. Из них первая излагает состав, порядок созыва и характер власти С'ездов Советов—областных, губернских (или окружных), уездных (или районных) и волостных, а также Исполнительных Комитетов. Вторая говорит о Советах депутатов и их Исполнительных Комитетах. Третья—о предметах ведения Советов, С'ездов и Исполнительных Комитетов, а также (ст. 63) об отделах—органах технической работы,—образуемых при Советах.

Раздел четвертый посвящен изложению основ советского избирательного права. Право участия в выборах характеризуется как положительно, так и отрицательно. Глава XIII исчерпывающим образом перечисляет в двух статьях—64 и 65—категории граждан правоспособных и неправоспособных. Глава XIV лишь самым общим образом намечает порядок производства выборов, предоставляя в ст. 70 ближайшую разработку избирательной системы местным советам, действующим по инструкции

*) См. главу IX.

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Глава XV устанавливает ряд положений, цель которых охранить правильность выборов и обеспечить действительный контроль избирателей за деятельностью депутатов (ст. 78).

Раздел пятый излагает основы финансового хозяйства Республики. Раздел шестой и последний содержит описание герба и флага Республики.

Глава третья.

Государство. Его происхождение и характер.

29. *Статья третья.* Со стороны внутренней, [illegible] стороны своего содержания, советская конституция [illegible] красна характеризуется статьей 9 (Разд. II, гл. V).

Основная задача, рассчитанная на настоящий переходный период, [illegible] рной конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в форме мощной всероссийской советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и установления социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти *).

Все характерные черты советского государства [illegible] казаны. Отмечается, прежде всего, его временный характер, когда разрушено уже буржуазное общество, но не народилось еще общество социалистическое, подчеркивается единственно возможная форма власти в таком государстве — советы, и характеризуется сущность этой власти, как диктатуры трудящихся масс, ставятся цели пролетарского государства, ближайшая — упразднение класса эксплуататоров [illegible] дальнейшая —

*) Нет сомнения, что статья эта, столь существенная и важная по смыслу своему, построена отнюдь не удовлетворительно. Она отличается тяжеловесностью стиля и, что гораздо хуже, словоупотреблением. Редактировавшие текст Конституции сами, по себе, конечно, полный отчет в несовершенстве конституции установить диктатуру. Но... мы говорим и всегда повторяем, что „и в Воронеже солнце восходит", очень хорошо зная, что сказка неположена.

возрождение социализма. С уничтожением же классов государство умрет само собой.

30. Все это, однако, нуждается в ближайшем рассмотрении, и прежде всего нужно выяснить, *что скрывается под понятием „государство“*.

Все без исключения руководства и учебники государственного права при рассмотрении в этом отношении раз навсегда установленного шаблона сначала делается попытка определить государство, ответить на вопрос, что такое государство. Затем, обыкновенно, рассматривается его юридическая природа, государства, как организации власти, как юридического отношения, и, наконец, исследуется вопрос о происхождении государства. Иногда еще к этому присоединяется более или менее обширная литература и обильный указатель изданий о целях и задачах государства,— и вот общая часть исчерпывается.

Конечно, и тот, кто станет вопрос о происхождении государства, т. е. правильное разрешение этого вопроса дает возможность без труда ответить и на то, что такое государство, как явление социальное, и на вопрос его цели и задачи. Происхождением государства следовало бы, значит, заняться прежде всего, памятуя, что все остальное приложится. Но дело в том, что высказания буржуазных ученых в этой области очень бедны и малообоснованны, выводы, к каким они приходят, очень малоубедительны, что им, действительно, никак нельзя обосновать ни существование государства, ни задачи его. Мало того, нужно быть в известной степени изворотливым ученым, чтобы совершенно обойти или обрисовать происхождение государства. Тяжелый труд! Ничего не знать о происхождении государства, нельзя знать что-нибудь о существе его. А если так, то всегда будет ветвиться и разрастаться вопрос о том, что существует и, главное, почему оно существует.

Правильное определение государства не должно ограничиться указанием на чисто внешние, хотя бы и необходимые, черты государства, каковы территория, население и власть. Оно должно исходить из познания действительного внутреннего существа государства, как общественного явления. А такое познание дается прежде всего правильным образом изучением происхождения государства.

31. Необходимые черты государства. Несомненно, что основой государства служат, в первую очередь, люди. Люди образуют единую связную организацию—государ-

ство—вследствие общности территории. То обстоятельство, что они населяют некоторую часть земного шара, отделенную известной линией—границей, рубежом—от других соседних частей, уже создает известную общность интересов. Таким образом, соединение людей по земельному—территориальному—признаку, а не по какому либо другому (напр., на основании кровного родства или тесной дружбы) есть первый отличительный внешний признак государства. Далее. Тот порядок, который установился в том или ином государстве, нуждается в постоянной охране. Потребностям охраны удовлетворяет особая, отличная от всего населения, вооруженная сила. Эта вооруженная сила,—регулярная армия и полиция в различных видах—хотя берется от народа, но рядом искусственных мероприятий отрывается от него и, в случае нужды, противопоставляется ему. Для содержания этой силы с неизбежно сопутствующими ей придатками (тюрьмы) нужны значительные средства. Эти средства берутся с того же населения путем принудительного обложения. Налог—источник жизни для государства. Правительство и налог—одно и то же.[21] Войска и подати суть вторая и третья отличительные внешние черты той организации, которая зовется государством. Эти три черты делают государство, без них нет государства.

32. Всегда ли существовало государство? Зная, чем отличается государство от всякого иного общественного образования, можно задаться вопросом, как и когда возникло оно. Государство далеко не вечно. Человеческое общество существует не менее 200.000 лет, государству же не более 3.000 лет. Предшествующей ему формой общежития был родовой строй, основанный на чисто личных отношениях, на кровной связи. *) Несколько родов образовывали братство, несколько братств—племя.

*) действительной или воображаемой.

33. Родовой (до-государственный) строй. Общественный уклад родового строя крайне прост и несложен. „Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, нет ни судей, ни темниц, ни процессов".[22] Род—мужчины и женщины—избирает старшину и военачальника, которых вправе сменить во всякое время. Военачальник распоряжался только на войне. Власть старшины не опиралась ни на какие принудительные меры и средства, тем не менее, он пользовался огромным авторитетом и всеобщим уважением. В каждом роде собирался совет, сходка всех взрослых членов рода без различия пола. Этот совет— **верховная власть рода.**

Простота и стройность этой общественной организации питалась простотой и согласованностью экономических отношений. Труд и необходимости был общим. Этого требовали разные условия: отсутствие совершенных орудий труда, бедность опыта и знаний, враждебные непонятные первобытному человеку силы природы, опасность со стороны хищных зверей. Что производится и употребляется сообща—дом, огород, лодка—то составляет и **общую собственность.**

Родовое хозяйство носит коммунистический характер.

34. Падение первобытного коммунизма. Образование классов. Однако, дальнейшее развитие производства требовало разрушения первобытного коммунизма. Производительность труда непрерывно росла. Вместе с тем росло общественное разделение труда, которое до того времени наблюдалось лишь между мужчиной и женщиной. *Было три великих разделения труда:* сначала от земледельца отделился пастух-скотовод, потом ремесленник; возникает и развивается правильный обмен продуктами производства,—между потребителем и производителем вырастает посредник-купец. Повышение производительности труда и рост разделения труда сопровождается напряжением и развитием частной собственности. Как следствие перво-

общественного разделения труда, явилось рабство: первое расчленение на классы. Следствием второго разделения труда было появление имущих и неимущих — второе деление на классы. И наконец, продуктом этого класса в го общества, непосредственным произведением его позорной атмосферы является новый класс, который, ничего не производя, распоряжается всем производством: это — **купцы.**

35. Вырождение классовой розни. Интересы рабов и господ, богатых и бедных, продолжают и покуда имущих противоположны. В новом классовом обществе прежнее единство превратилось в противоречие, во вражду и антагонизм. Вместе с тем, торговля, новые способы приобретения, обмен участками привели к подвижности и изменчивости местного населения. Члены родов перемешались друг с другом все чужеземцами. Общественные отношения непрерывно усложнялись. Управлять, законодательствовать, судить становилось все затруднительнее.

36. Вырождение родового строя. Необходимость государственной власти. Могло ли сохраниться родовое устройство?

„Родовой Союз родился из такой общественной формы, которая не знала никаких внутренних противоречий, и сам он не был приспособлен к господству над этими противоречиями".[22] Новому, раздираемому несогласиями, обществу как бы представлялось на выбор: либо непрерывная открытая „война всех против всех", либо порождение особой власти, которая положила бы эту открытую борьбу, допуская ее лишь в экономической области. Так явилось **государство.**

Но уже раньше органы родового быта выродились. Народный военачальник стал постоянным чиновником. Благодаря учащению грабительских войн усиливается власть и значение его и других военачальников. Каста в нем становится экономической необходимостью, ибо некогда земледельцу или ремесленнику заниматься во-

ениым делом. Он предпочитает снабжать средствами особый класс людей, давая им возможность предаваться военному ремеслу без ущерба для их хозяйства. То же происходит и с общественным управлением, законодательством, судом. Иногда эти дела берет на себя то же воины, иногда особая каста—жрецы. А с неизбежным ростом их общественного значения, росла их власть, и „органы родового быта из пополнителей народной воли обращаются в самостоятельные органы притеснения и господства".[21]

37. Государство—средство эксплоатации. Но вот возникает государство. Так как оно рождается среди классовой борьбы, то власть, в общем, сосредоточивается в руках сильного экономически класса. Должествовавшая, казалось бы, быть надклассовой, созданная для примирения классовых противоречий, государственная власть оказывается сама орудием эксплоатации, от пользования которым господствующий класс не имеет оснований отказаться. „Рабство есть первая, древнему миру свойственная, форма эксплоатации. Ей соответствует крепостничество средних веков и рабочий класс нового времени„. Поэтому, древнее государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов; феодальное государство—организацией землевладельцев для подчинения крепостных крестьян; современное—орудие насилия капиталистов над рабочими.

38 Насильническая сущность государства: а) древний мир. Характер государства, его действительная роль и назначение выступают с наглядной явственностью в моменты переживаемой им опасности. Античное государство было основано на рабстве, античное хозяйство питалось рабским трудом. И в те времена, когда экономические основы Греции и Рима не были еще изжиты, трудно было под блестящей, культурной внешностью античного государства открыть его насильническую и эксплоататорскую сущность. Но уже в I веке до Р. Х. экономический перелом обозначается довольно ясно: рабское хозяйство приходит в упадок, античный государственный порядок близится к своему концу. С этим—то переломом и совпадает огромное восстание порабощенного класса, пытающегося раньше времени

разрушить свою тюрьму—государство. В течение двух лет— с 73 по 71 год— весь почти бассейн Средиземного моря находился в неслыханном кипении. Полчища рабов под предводительством бывшего разбойника наносили одно поражение за другим испытанным римским легионам. Эти два года—время смертельной опасности древнего классового государства. И в борьбе за свое существование государство это встало перед нами во весь свой рост. Спартак был уничтожен. Рим уцелел. Но рабовладельческая сущность древнего мира, классовый характер античного государства, как орудия эксплоатации, как огромной машины угнетения и порабощения, сказались с очевидной ясностью.

39. б) средневековье. Такие же моменты классовой опасности, позволяющие распознать действительные цели и смысл государства, переживал и феодальный мир. Уже четырнадцатый век знал два крестьянских движения на чисто-экономической основе: во Франции - жакерия, в Англии—восстание Уота Тэйлора. В шестнадцатом же веке гуситы в Богемии, анабаптисты в Германии, Швейцарии и Нидерландах шли не только против феодальных баронов и помещиков, а и против государства и государственной церкви. И крепостническое государство, видевшее себя на краю гибели, защищалось с той свирепостью, которой блещут только классовые в нем. И князья, и епископы, и рыцарская конница действовали так рьяно, с таким одушевлением, карм, которые обрушивались на восставших, были столь объективно несоразмерны с их преступлением, пытки и мучения, которым подвергали крестьян, и виновных и невиновных, отличались такой изощренностью, как будто государство в этой борьбе против эксплоатируемого классовой целью и не задавалось, как только подчеркнуть явственнее свою эксплоататорскую сущность, крепостничество, как жизненную основу своего существования.

40. в) новое время. Для нового времени таким пробным камнем современного государства может послужить хотя бы борьба его с парижской коммуной. Коммуна объявила себя и была действительно живым отрицанием буржуазного государства. Она уничтожила конскрипцию

и постоянную армию, она сделала ненужным чиновничество, и этими двумя мерами она подсекала в корне государственную налоговую систему. Коммуна уже не была государством. И буржуазное государство прекрасно понял, что на карту поставлено его бытие, как определенной классов й организации. Борьба пошла не на жизнь, а на смерть. И в эт й межклассовой войне, перед ужасами кот р й потускнели эксцессы только что кончившейся между—государственной войны, французское государство—типичное буржуазное государство[25] —показало св е наст ящее лиц , лишившееся всех „надклассовых" личин. Капиталист схватился за свое государство не как за „организм свободы", не как за „воплощение нравственной идеи", а как за организацию насилия, за воплощение и средство классовой эксплоатации. И жестокая машина, освобожденная от всех покровов, которыми окутывают ее в обычное мирное время, заработала на виду бесстыдно и открыто, не заботясь о том, что она выдает сокровенные тайны своего устройства: в минуты классовой опасности не до надклассовых прикрас!

41. Но из того, что мы знаем о происхождении государства, уже не трудно вывести определение его и, вместе с тем, указать *его настоящее историческое место*. Первое уже отчасти сделано выше. При этом, характеристика государства с внешних, более или менее формальных точек зрения, нас здесь мало интересует. Оставив в стороне вопрос о населении, территории и власти, как о составных элементах государства, а также о характере государственной власти—последнее особенно интересует государствоведов—мы ограничимся указанием на существо государства.

42. Государство есть отношение между людьми. Совершенно верно, что государство не есть „какой-либо материальный предмет: оно есть общественное явление", [26]„отношение между людьми". Но какое явление и какое

отношение? На это ответ вытекает из изложенного. Так как оно явилось на известной ступени развития общества, то оно есть неизбежный продукт этого общества. Не прихоть человеческая, не ошибка и случай создали государство: оно возникло, как экономическая необходимость. В известный момент общество увязло в себе, распавшемся на непримиримые классы; оно увидело, что жить и развиваться дальше оно больше не может, если не поставит над собой особую власть, организацию в качестве регулятора. Такой особой организацией, выделившейся из общества, и явилось государство с его постоянной армией, чиновничеством и податной системой.

В этом смысле *государство есть общественное явление.*

В то же время оно есть отношение между людьми. Выделившись из общества и стоя над ним, государство, однако, не стало вне общества. Напротив, оно приняло самое непосредственное участие в той классовой борьбе, из которой возникло, став на сторону сильнейшего. Оно призвано было быть беспристрастным судьей, а оказалось само и заинтересованной стороной и исполнителем своего же решения. Да иначе и быть не могло. Как и всякое общественное явление, *оно могло быть лишь отражением того, что происходит в области производства.* А в области производства мы видим неустанную борьбу собственников с несобственниками: здесь экономически сильные присваивают себе продукт чужого труда, труда экономически слабых. Государство "в целом есть только отражение в сложной форме экономических потребностей классов, господствующих над производством".[8] Следовательно, государство не есть отношение плодотворного сотрудничества, равноправия, гармонии,—оно есть *отношение власти с одной стороны и подчинения с другой*, отношение господства и рабства.[37]

43. От Аристотеля до наших дней. Буржуазных определений государства—великое множество. Привести их здесь нет ни необходимости ни возможности. Замечательным, однако, является то, что почти все эти определения, как ни разнятся они друг от друга и по фор-

не и по существу, прямо противоположна той теплой любви к государству, [illegible] сильным 2500 лет тому назад об'явил [illegible] государство. А в наше время ученый профессор Collège de France. [illegible] „Современное государство" [illegible] серьезным видом и четырьмя [illegible] [illegible] ученый [illegible] государством [illegible] — [illegible] [illegible] не историческим материалистом!

1. Государство и [illegible]. [illegible] Происхождение государства и [illegible] — [illegible] почтения к государству [illegible] [illegible] [illegible]

ской необходимостью. Многие недалеки от признания его случайной фантасмагорией какой-то роковой игрой враждебных сил, уместным туманом, в который нечаянно оступилось человечество, и из которого оно **вынырнет, как только „одумается“.**

47. Требуют ли анархисты разрушения государства? Тщетно было бы, вообще, искать у анархистов сколько—нибудь ясной концепции государства. Здесь у них царит более или менее художественный беспорядок. По свидетельству Эльцбахера, анархизм, в сущности, не отрицает ни права, ни правового принуждения,—по крайней мере, ни у Прудона, ни у Бакунина, ни у Кропоткина, ни у Тукера, ничего этого нет. Неверно тоже будто Бакунин и Кропоткин не желают государства ни в какой форме: „Говорят, что анархизм требует разрушения государства, хочет смести его с лица земли, но хочет государства ни в какой форме, не желает никаких правительств. Если это правильно, в таком случае учения Бакунина и Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархистские, которые только предвидят устранение государства, а не требуют его, нужно счесть неанархистскими“[33] Выходит, что весь спор с анархистами основан на легком недоразумении, на непонимании их учения. На самом же деле „все, как у нас“ в благонамеренной и скромной доктрине анархизма.

48. Неясность и незаконченность воззрений Бакунина Вряд ли, однако, все, как у нас. Нет сомнения, что бакунинские, например, взгляды на государство отличались чрезвычайной туманностью и аморфностью. Бакунин не раз отметил, что государство исторически необходимо. Но оно у него „исторически родилось во всех странах, как плод брачного союза насилия, грабежа и опустошения, одним словом, войны и завоевания“ и притом „вместе с богами, последовательно рожденными теологической фантазией нации“.[34] Здесь все требует расшифровки и еще ненаписанных комментариев, в особенности—„рождение государства вместе с богами и нацией*). В другом сочинении государство характеризуется у него одновременно, как кладбище всех проявлений жизни, алтарь отказания свободы и абстракция, пожирающая жизнь.[35] Нельзя не признать, что точность и ясность мышления здесь явно заклались на алтаре бойкой и хлесткой фразы, где и находят **себе вполне конкретное кладбище.**

49. Анархистские определения государства. Так или иначе, государство выступает в виде какого—то апокалиптического зверя. По самым не „высшая материальная форма личности“, а „самое вопию-

*) Впрочем у Эльцбахера это место читается так: Государство—„с одной стороны. Оно рождено во всех странах бракосочетанием насилия, разбоя, грабежа, коротко говоря, войны и покорения, с богами, которых постепенно создала религиозная фантазия народов“[36] И в таком виде мысль никоим образом не выигрывает в ясности.

[illegible] это относится [illegible] к государству, [illegible] и простран-
ному [illegible] „государство—
самое [illegible] же, и это
[illegible] „государство". И—наконец
до Коммуны [illegible] по отношению к этому
будущему [illegible] — „временный
[illegible] [illegible] [illegible] об-
ществ[illegible] [illegible] [illegible] первый шаг [illegible] Комму-
[illegible] [illegible] [illegible] [

может ли быть речь о „свободном государстве“? Но „как скоро ни один общественный класс не будет находиться в угнетении..., не будет никакой надобности в такой репрессивной силе, как государство [43] — какой же смысл в словах о „народном государстве“?.

53. Предисловие к „Гражданской войне во Франции“. „Последним же словом марксизма“[44], написанным против суеверной веры в государство, оказалось предисловие Энгельса от 18-го марта 1891 г. к марксовой „Гражданской войне во Франции“. Вновь и вновь подчеркивается характеристика буржуазного государства, сделанная в „Анти-Дюринге“ и еще раньше в „Коммунистическом Манифесте“: „современное государство представляет лишь организацию, созданную буржуазным обществом с целью защищать все формальные условия капиталистического способа производства против посягательства, как рабочих, так и отдельных капиталистов; оно даже в своей формальной стороне является по существу капиталистической машиной, государством капиталистов, идеальным представителем всех общих интересов капитализма.“[45] „Современная государственная власть — это только Комитет, заведующий общими делами всего класса буржуазии“.[46] И демократическое государство — такая же машина насилия, как и любая военная аристократия. Поэтому, рабочему классу так же незачем ждать чего-нибудь реального от демократической республики, как и от самодержавной монархии. „И в лучшем случае государство есть зло, которое пролетариат, одержавший победу в борьбе за классовое господство, получит себе в наследство“[47].

54. Маркс в Vorwärts'е. Не лишним представляется отметить, что взгляд на государство, как на зло, Маркс принял уже в 1844 году, еще в пору своего злополучного „гегельянства“. В этом году в парижском журнале «Vorwärts» он видит в самой сущности государства зло. Государство, если оно хочет уничтожить преступным, должно уничтожить самого себя, ибо зло в нем самом. [48].

55. Победа идей Маркса. В конце концов с верой в государство удалось в общем покончить. Мираж „свободного народного государства“ был развеян, и это доказала уже в 1891 году Эрфуртская программа, не упоминающая больше о государстве. В этом отношении программа ознаменовала окончательную победу идей Маркса.

Но одновременно с борьбой против социалистических почитателей государства шла борьба против анархических упразднителей его. Об этом ниже. *).

*) Глава V, §§ 83 и сл.

Глава четвертая.

Уничтожение государства, как конечная цель пролетариата.

56. Классы—основа государства. Итак, государство возникло как результат появления частной собственности и деления на классы. Во все времена оно было орудием эксплоатации в руках господствующего класса. Следовательно, уничтожить классы значит уничтожить государство, сделать его ненужным и невозможным. К этому и стремится пролетариат в наше время, об этом он заявляет в своей конституции.

Но как же он это сделает, и по чьему именно он призван сделать это?

57. Понимание сущности государства есть продукт капиталистических отношений. Да, этого не мог бы сделать ни один порабощенный класс прежних времен, даже если бы он понял действительное существо государства, и преисполнился бы желанием разрушить свою тюрьму. Но даже и понимания этого не могло явиться в прежние до-капиталистические времена. Для того, чтобы такое открытие было сделано, нужно было возникновение особенных производственных отношений—капиталистических, нужна была реальная почва в экономике.

58. Противоречия капитализма. Перепроизводство. Экономический уклад нашего времени обладает весьма существенными особенностями, свойственными ему одному. Из них—главная—противоречие между производительными силами общества и способами производства. Это значит, что средства производства в современном

мире достигли огромной силы и с каждым днем все расширяются и не могут не расширяться. А между тем, продукты производства те или иных товаров, которые вырабатываются в обществе на рынок, общество не в состоянии потребить. Почему? Да потому, что при этих производителем тем, кому принадлежат земля, фабрики, заводы и мастерские, т. е. небольшому, сравнительно, кругу людей. Эти люди могут покупать товары за деньги, деньги же, опять таки, не у всех имеются, не у тех рабочих, которые вырабатывают товары на фабриках и заводах, а только у тех владельцев-капиталистов и директоров, инженеров, врачей, учителей и т. п., в чьих руках сосредоточены орудия производства. Но производство не может остановиться. Капитализм по природе убыточен и расширение должно происходить, должно прогрессировать и лишь расширяя свое дело, он может сбывать товар вообще. С первого взгляда может показаться, что общество просто-напросто производит слишком много, но почему же одновременно с этим в городах от недостаточной работы и заработка остающиеся рабочие семьи, люди сидят без куска хлеба и систематически мрут от голода, холода и отсутствия, а рядом рынки и магазины полны всяких товаров, которые капиталисты прут из себя и тоже: просят и берут.

2. Общественный характер производства. Противоречие это кроется в том, что орудия производства находятся в частной собственности капиталистов. Теперь нет того, что было раньше в средние века, когда каждый производитель для сам по себе из своего ремесленного материала. В наше время огромное число людей сосредоточивается в крупных производственных организациях под наблюдением и руководством капиталистов, в чьих частных интересах. Уже по самой сущности такой крупной отрасли, как добывающая промышленность, как текстильная, металлургическая, химическая, машиностроительная и т. п. вместо прежних мастерских,

где работали сами на себя один, двое, трое и только разве случайный наемник шел на рынок,—теперь колоссальные фабрики, требующие тысячи рук и производящие исключительно на сбыт. Где работал один человек у своего станка или своего кузнеца было, следовательно личное, индивидуальное производство. Теперь работают на одном месте тысячи людей, так что к каждому продукту каждый так или иначе прикладывает руку и никто в конце концов не может сказать: это сделал я, это мой продукт. Производство, значит, стало общественным.

60. Но это общественное производство не только по форме своей, а и по содержанию значения. В наше время весь культурный мир есть один цельный хозяйственный организм. Пар и электричество сокрушили все границы между отдельными странами. Все части этого организма тесно друг с другом связаны и друг от друга зависят. Тут сырье одного рода, там другого рода, здесь нужда в таких то продуктах, там—в иных. Таким образом производство затрагивает общественные интересы, интересы всего человечества. Мы говорим: оно сделалось функцией общественной.

61. Индивидуальный характер присвоения. А между тем, продукт этого общественного труда принадлежит не всему обществу, а капиталисту. Он присваивает себе предмет общей собственности. И так—как производство направляет частный человек частным своим интересом,—то он сообразуется только со своим интересом, а не с нуждами и потребностями всего общества. А ведь его интерес один: прибыль! И этот интерес велит ему производить как можно больше и продавать как можно дороже, но так как это интерес каждого капиталиста, то отсюда бешеная гонка, конкуренция, перепроизводство одних ценностей, недопроизводство других, разорение предпринимателей, бедствия потребителей и рабочих. Нет планомерного руководства, нет точно расчитаной схемы, по

которой производилось бы только то, что нужно, и в таком количестве, в каком нужно.

62. Неустранимость анархии производства. Опыт показал, что попытки такой планомерной организации в рамках капитализма, т. е., при сохранении частной собственности на орудия производства, ни к чему не приводят. Борьба между отдельными капиталистами или их союзами должна продолжаться.*) Современный капитализм принял монополистический характер: это значит, что каждый капиталист — единичный или коллективный — вынужден стремиться во что бы то ни стало вытеснить противника и самому захватить его место. И стремление это приводит все к более и более грандиозным столкновениям, в которых участвует уже весь мир, потому — что весь мир втянут в капиталистическое хозяйство. Эти столкновения ослабляют обе стороны, — и тогда потеха начинается сначала.

„*Финансовый капитал* уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран. Вместе с тем отчасти не уничтожилась ли анархия капиталистического производства вообще, ли конкуренция капиталистических производителей. Эти явления не только остались, но и углубились, воспроизводясь в рамках *мирового хозяйства*"[45].

*) Союзы капиталистов — все эти пулы, картели и тресты, в особенности тресты, нисколько не ослабляют конкуренцию, они только систематизируют ее, сообщают ей более организованный, а следовательно, более суровый и непримиримый характер. Не только между отдельными трестами, — внутри самого треста отношения основаны исключительно на соображениях силы и только силы. В этом смысле чрезвычайно показательна характеристика треста, исходящая из такого крайне отсталого источника, каким является министр барон Гукка. Это, по его словам, группа непримиримых врагов, которые „сошлись в данной тесной комнате, плотно затворили ее, и теперь душат друг друга за руки, и только поэтому не убивают один другого. Но каждый из них зорко ждет момента, когда можно будет напасть врасплох на временного и вероломного союзника, обезоружить, уничтожить его, и каждому друг, рядом с ним, кажется опаснее врага за стеною". (Приведено у М. Горького „Статьи 1905—16 г. г". Изд-во „Парус", стр. 20.)

63. Но если бы даже и удалось достигнуть такой организации производства, все-таки обществу не было бы лучше, а, пожалуй, хуже. Ибо пока средства производства остаются в частной собственности,— продукты тоже принадлежат отдельным лицам, а тогда погоня за прибылью остается во всей силе. Прибыль же создается неоплаченным трудом рабочего. Капиталист продолжал бы преследовать одну цель—наживаться, и эксплоатация народных масс нисколько бы не уменьшилась. Напротив, она выиграла бы в систематичности. То сдирали шкуру с населения каждый сам-по-себе и нещадно друг другу, а то сдирали бы согласованно, дружно, без оторопи, поделивши заранее, что и где кому драть, и уж драли бы на чисто. Легче ли было бы от этого рабочему люду?

64. Чем польза от вмешательства буржуазного государства? И если бы даже государство выступило на сцену и, продолжая оставаться капиталистическим государством, взяло бы в свои руки все производство, оно сделало бы это, конечно, в интересах капиталистов—господствующего класса,—а не всего общества. В царской России, например, виноурение и продажа вина были целиком в руках государства: оно монополизировало эту отрасль производства. Но так-как это было государство помещиков и капиталистов, то рабочим и крестьянам „монополька" принесла такой же вред, если не больший, что и старые кабаки. То же и с почтой и с железными дорогами. Только государство трудящихся, пролетариат, организованный в господствующий класс, может совсем отменить плату за почтовую корреспонденцию, за железнодорожные перевозки, или же временно до отмены держать эту плату на таком сравнительно низком уровне, что и почта и железные дороги будут действительно обслуживать народные массы. Выработку же спирта рабоче-крестьянское государство и совсем прекратит, ценя рабочие силы, видя полезный материал, и не имея нужды наживаться на спаивании населения.

Таковы в самых общих чертах особенности капиталистического производства. Оно целиком состоит из противоречий. Отражением же этих противоречий служит современная классовая борьба: антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

65. Пролетариат. Так как капитал создается прибылью, а прибыль предприниматель выжимает из рабочего, то ясно, что буржуазия не может существовать без наемного труда. Эксплоатация наемного труда—одна из главных жизненных интересов буржуазии. Во времена до—капиталистические наемный труд наблюдался лишь в виде исключения. Теперь он—общее правило, рычаг всего производства, он превратился в единственное занятие рабочего. Постепенно у рабочего были отняты все средства производства. У него не осталось ничего, кроме рабочей силы, которую он и продает предпринимателю. Но армия пролетариев—людей лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу,—неудержимо растет в то время, как класс капиталистов численно убывает. Пореформенный класс, как и пролетариат нашего времени, имеет истинно общественный характер: он рекрутируется из всех слоев общества. И разорившийся, не выдержавший конкуренции предприниматель, и проторговавшийся купец, и обедневший крестьянин, и опустившийся интеллигент—все они делаются пролетариями.

66. Его экономические интересы. Интересы этого класса прямо противоположны интересам буржуазии. Пролетарии лишены собственности; нет такого рода собственности, на которой основывалось бы благополучие пролетариата, как класса; они, следовательно, вынуждены хотеть уничтожения частной собственности на орудия производства. Лишенные собственности, они и не заинтересованы в эксплоатации чужого труда; напротив, пока труд не станет делом всеобщим, до тех пор не исчезнут пролетарии, как класс. И более кого бы то ни

было страдает он от анархии производства; их интерес, следовательно, велит им стремиться к упразднению свободной хозяйственной деятельности и к замене ее планомерной организацией производства и распределения.

67. Его экономические задачи. Но первая и непосредственная задача пролетариата — обобществление орудий производства. Сделать это он должен не только потому, что того требует его классовый интерес, что для него нет другого средства выбиться из униженного положения, но и потому, что этого требует интерес всего общества. В наше время уже достигнута та ступень, на которой способ производства бросает прочь оковы обмена. Производительные силы общества: орудия, припасы, рабочие руки — все это требует использования и не может быть использовано, пока не превратятся в капитал. И вот, так как отдельные капиталисты не в состоянии справиться с этими общественными производительными силами, то само государство вынуждено все чаще и чаще вмешиваться: оно берет в свою собственность сначала крупные средства сообщения — почту, телеграф, железные дороги, а потом и средства производства, наиболее ему нужные: оружейные и пушечные заводы.

68. Постепенное создание новых производственных отношений. Таким образом, подобно тому, как социализм вырос в недрах капиталистического общества, так и государственный социализм тоже заранее указывает, что при капитализме надо превратить средства производства сперва в государственную собственность. Конечно, для этого пролетариат должен предварительно взять государственную власть. Но если уничтожена частная собственность на орудия производства, исчезает самая основа для разделения общества на эксплоататоров и эксплоатируемых, исчезает деление на классы, и гаснет классовый антагонизм. Что же станется тогда с государством? Не ясно ли, что и оно должно исчезнуть? Ведь само по себе оно не имеет никакого

значения, и само по себе оно никому не нужно. Оно явилось в процессе классовой борьбы, как хорошее средство подавления классовых противников, когда же некого и незачем будет подавлять, государство отомрет, развалится, исчезнет постепенно и незаметно. Со временем исчезновения государства и орудия производства перейдут окончательно в общественную собственность, в распоряжение всего трудящегося общества. Они находятся в руках государства лишь в течение того переходного периода, пока пролетариат—господствующий класс—применит свою власть для организации производства по новому, для подавления остатков враждебного класса и привлечения на свою сторону промежуточных классов. Конец этой работы будет и концом государства.

69. Сущность задачи в следующем: признать, что современные производительные силы имеют действительно общественный характер, и что поэтому, производство, присвоение и обмен должны тоже иметь общественный характер. Это и значит определить силами природы, которые с этого момента перестанут действовать слепо и разрушительно, а будут подчинены разумной воле и руководству человека.

70. Падение власти над людьми. Тогда исчезнет власть товаров над товаропроизводителями, и сам человек перестанет быть товаром, т. е., вещью. Тогда и управление людьми перестанет быть не только нужным, но и возможным, а это и означает конец политической власти, замену власти над людьми властью над вещами.

Это и означает замену государства учетно-счетно-контрольной организацией, назначение которой: руководить только социалистическим хозяйством, социалистическим производством и распределением.

„Роль правящих непобежно должна уменьшиться с каждым днем и, наконец, ограничиться областью контроля и надзора“, говорит Дюги,—но не потому, что „все экономические и социальные функции понемногу рас-

пределится между различными классами"[50]. Как думает этот наивный человек, берущий на прокат социалистические теории с тем, чтобы вымостить их социалистическую сущность, а потому, что самые классы исчезнут или, вернее, в связи и параллельно с их исчезновением.

71. Переходный период. Но между капиталистическим государством и социалистическим обществом лежит переходный период, период полу-государства. Это время наполняется и политической и хозяйственной работой. Политический аппарат государства, аппарат власти, подавления и устрашения, направлен против вчерашних эксплоататоров, еще сохраняющих силу сопротивления; хозяйственный аппарат организует и увеличивает производительные силы страны; все, вообще, усилия государства направляются на привлечение к управлению широких пролетарских масс. Научить всякую кухарку управлять государством![51] Этим путем воспитывается новое поколение, которое освобождается уже в новых условиях и сможет спокойно отказаться от подавления, принуждения, устрашения. Но к тому моменту, когда созреет эта возможность отмирания, государства уже не будет.

72. Моральное банкротство и паразитизм классов. Этическое смягчение. И так, пролетариат должен завоевать государственную власть. В наше время для этого имеются все экономические предпосылки, а следовательно и политические. Уже Энгельс в „Развитии социализма от утопии к науке" отметил политическое и умственное банкротство буржуазии[52]. Действительно, класс, потерявший экономическую руководящую роль, перестающий быть кормильцем и поильцем общества, еще долго может сохранить политическую власть: его поддерживает сила инерции, бюрократия, буржуазная воля и навык к власти, бессознательное доверие и уважение масс, привычных видеть в нем хозяина. Но неуклонно совершается, однако, в нем процесс этического гниения, который подвергается наблюдениям с самых различных точек зрения, и который есть не что иное, как отражение его экономического падения. Касаясь, между прочим, внутренних движущих сил революции, Л. И. Петражицкий дает очень много для характеристики господствующего класса, не договаривая, правда, до конца свою мысль и сопровождая ее разными оговорками, характерными для буржуазного ученого; революция

„обыкновенно ускоряется и обеспечивается тем, что пользующиеся существующим правовым строем, извлекающие из него материальную пользу (напр., из рабства, как это было до соответственной американской революции, из феодальных привилегий, как это было до французской революции)*) или поддерживающие его по каким-либо иным расчетам и соображениям без этической оценки со стороны интуитивно-правовой совести, без веры в святость и справедливость своего дела или даже вопреки противоположным указаниям своей интуитивно-правовой совести, подвергаются неизбежному этическому осуждению и упадку: происходит этическое гниение соответствующих верхних слоев общества и государственного механизма, появляются и распространяются компромиссы злоупотреблений, умножается и растет число честных и выдающихся, действующих с верой и энтузиазмом, то есть т. д.“[33].

73. Конфликт личных и общественных интересов. Вспомним слова Фихте, что чем выше сословие, тем больше в нем безнравственности, Лассаль об'ясняет это явление постоянным конфликтом между нравственным долгом и личным интересом, который переживает высшее сословие, и в котором верх берет именно личный эгоистический интерес: „Развитие народов, дух истории с каждым новым шагом вперед больному и больному учит жестокосердой, гордым правящим высшим сословиям их положение, как решить, господствующих сословий. Поэтому, желание сохранить это положение или личный интерес не удается каждого члена этих сословий сам в полноте этой борьбы отношение к развитию народа, к преуспеянию просвещения и науки, к успехам культуры, ко всем великим и добрым интересам жизни. Это противоречие между личным интересом высших сословий и культурным развитием нации и создавало личину глубокой и злой безнравственности высших сословий. Стоит только представить себе, в какие условия ежедневно ставит их такое существование, чтобы понять необходимость глубокого и полного вечного лицемерия. Это ложная жизнь, говорю я, как во время оно стали, и против этого лицемерия свой же собственный народ и инстинкт постоянно хитрить и скрывать что ты смотришь иначе, чем как раз должно. Противоречие свою необходимость или менять все это против голоса собственной совести и собственного разума, или заглушить в себе навсегда этот голос, чтобы он больше не смущал, или, наконец, никогда не знать его, никогда

*) „из пробивной ценности, как это происходит сейчас в буржуазном мире,—можем мы добавить. „Стражницкий осторожен и вежлив—о присутствующих он говорить умеет, но нарисованная им в последующих строках картина говорит сама за себя. И описана она должна быть не только за счет южно-американских плантаторов, феодалы и общества царской России помещичьего государства, но и за счет буржуазного классового государства.

не знать ничего лучшего, кроме ... своекорыстия. Только жизнь ... целиком губит в нас все прекрасные начала в одной всепоглощающей жажде Своекорыстия и наслаждений"[51]

74. Империализм. Тот же конфликт видит Каутский, когда он говорит: „Чем дальше, однако, [...] моральные положения современного общества [...] от экономического развития и всех тех сил, которые [...], которые требуют иных нравственных [...] Тем больше обострялась пропасть между господствующей [...] и угнетенной [...] и тем сильнее [...]. В результате [...] либерализм [...] от [...] исторической [...], реакционным, либо [...]. По одновременно [...] „Империализм [...] связи с [...] интересами, [...] в [...] и особенности интересов. И только [...] сумеет [...] в революционной борьбе [...] и [...] найти [...] собственную [...]. Все это [...] в [...] до [...] классах только [...] которые [...] оценивать [...] с [...]"[52]

75. Империализм и война. То же [...] Каутский уже неоднократно [...] об [...] империалистской политической [...]. „В [...] пролетариат, [...] пролетариату, [...] сознанию, что в [...] роль [...] покорность и беззаветность, [...] [...] и [...]. Он [...] серьезнее в свое дело и [...] каждый [...] раз [...] дальность [...] все более [...] свое [...] и [...]". „Их интерес к [...] вопросам [...], и [...] их [...] больше...". „У [...] передовых [...] и [...] государства, которым [...] борьбе [...], у [...] людей [...] интерес к [...] и [...] отнимает [...] интересом к своей собственной личности"[53].

Перед нами [...] в [...] [...], исходящих из [...] [...] и [...]. Ясно, в [...] тождественных.

76. Империализм и [...] Относительно [...] действительно [...] в [...] с [...] [...] [...] [...] в [...]. Живое [...] [...] русской [...] [...], [...] [...], французском [...] [...] [...] открыто [...] [...] [...] [...], [...] [...] [...] [...]

промышленностью. И там и тут собственника заступает и заслоняет его приказчик. Личность капиталиста играет все меньшую и меньшую роль[57].

Существование класса капиталистов становится все более ненужным, его господство все менее прочным. Вернейший признак его неминуемой близкой смерти—пропасть, которая все резче отделяет его от классов противоположных. Маркс говорил, что господство класса тем прочнее и опаснее, чем более он способен принимать в свою среду выдающихся людей из угнетенных классов[57а]. В наше время правящая буржуазия обосновалась на высокой и тесной скале, с которой можно свалиться, но на которую невозможно взобраться. Это видят все. „Нашему теперешнему обществу грозит опасность все более и более уподобиться лестнице, в которой сверху и снизу много ступенек, а средние ступени прогрессивно исчезают"[57б].

78. Двусторонний кризис буржуазной государственности. В конце концов оба сражающиеся друг против друга класса—и класс правящий по названию, но уже оторванный от фактической власти, и класс, не правящий еще юридически, но уже действительный „король политического порядка"[58]—оба они охватываются своеобразной политической индифферентностью. Формы своей государственной власти буржуазия уже не уважает и не ценит ни во что. Она извернулась во все политические режимы, уже не способна ни только чтить, но и искать новые конституционные формы и уставы. Как-то Клемансо признался, что не может больше управлять. Где найти в наш век политического скепсиса такие конституционные учреждения, которые он собой поднять энтузиазм?—меланхолически вопрошал буржуазный ученый[59]. И рабочему классу этот политический упадок духа передается, но передается не совсем так, как бы это хотелось буржуазным идеологам: он тоже ставит крест над государственностью, но только над государственностью буржуазной. Чуждый буржуазного бессилия, полный новых возможностей и нового духа, он подходит к политической власти с тем, чтобы с обнищать ей совершенно новое содержание и принципиально иные цели.

Глава пятая.

Особенности пролетарского государства, как организации временной.

79. Пролетарское государство- последнее государство. Из сказанного в предыдущей главе следует, что задачи пролетариата по отношению к государству резко отличаются от задач буржуазии да и всякого, вообще, другого класса. Буржуазия, господство которой основывается на собственности, на классовом разделении общества, нуждается, конечно, в государстве как в постоянно действующем орудии угнетения. Она склонна, поэтому, считать государство вечным, ибо ей приятно тешить себя мыслью, что царствию ее не будет конца. Мы же, напротив, утверждаем в своей конституции, что господство пролетариата временно, и что государство его—организация переходного периода, за которым последует безгосударственное состояние.

80. Основная цель. Понятно, что пролетарское государство, одна из целей которого стремление к собственному уничтожению, существенно отличается от государства буржуазного. Это, прежде всего, господство организованного большинства над меньшинством. Экономические основы этого меньшинства—частная собственность, наемный труд, вольная хозяйственная деятельность—с каждым днем ослабевают,—меньшинство это должно, следовательно, неуклонно таять. Во вторых, государство это чуждо желания кого бы то ни было угнетать и порабощать. Государственная машина и в руках

пролетариата, остается мнимой наукой права, но самый смысл нашей борьбы с ней состоит в использовании своей власти для уничтожения в будущем имущественных отношений, являющихся социально-классовой основой хозяйства, уничтожить самую возможность эксплоатации, решительно и систематически проводя в этом деле осуществление действительно всеобщий интерес, интерес большинства населения. Вот смысл этого термина. Чем же тогда будет отличаться разница между нашей и буржуазной наукой? Вор-бандит, грабящий кошелек на большой дороге, и вор-финансист, делающий то же самое путем биржевой спекуляции, будут, с точки зрения буржуазного права, одинаково преступниками. Первое—насилие, преследуемое уголовным кодексом, второе-предпринимательство.

Вот что дает нам ключ к пониманию [illegible] и критики [illegible].

81. Господство права собственности. Буржуазная и пролетарская наука. Очевидно, что право, являясь ресурсом с тем, чтобы в данных [illegible] упразднить его, [illegible] Что же [illegible] Можно ли в данном случае [illegible]?

Ведь [illegible] говорит нам [illegible] свой о том, что марксизм „хочет [illegible] высоты своей [illegible] мость „Мрсу и [illegible] можно [illegible] смерть на [illegible] смертельного удара [illegible] в [illegible] Но в [illegible] права, [illegible] [illegible] [illegible]

Конечно, легче всего завладеть буржуазным государством и просто повернуть эту громоздкую машину

„...с ее бюрократической, военной, судебной и всякой другой организацией, с ее чиновничьей, буржуазной государственной машиной, с этим собранием паразитов, появившихся вокруг с[ло]ящего класса, как узлы и струпья-паразит, обвивающий тесно сетью тело французского общества и затыкающий все его поры...„[61]

так, чтобы от случая к случаю ее обезвредить, пролетариат не может. *Государство не должно быть только существовать.* Оно должно быть как пригодно к последующему отмиранию, оно должно быть ручным инструментом, чтобы сразу, и навсегда из вековой связи, которая существует и в нем есть нужда, и безвредно удалять за ненадобностью. На такую роль существующее государственное тело никак не подходит. Пролетариат отбрасывает от себя как ненужный,—в решительную минуту он ощущает и выражает свою непримиримую ненависть к нему. Пролетариат первым революционным делом *разбивает старое государство.* Для этого, понятно, нет надобности крушить и ломать с маху,—достаточно вынуть два-три винтика, ослабить несколько пружин,—и обессиленный зверь сдается на милость победителя.

82. Что нужно сломать?—Именно, такими винтиками решающими является армия, полиция, суд. Именно, с помощью армии и чиновничества, или, вернее, в лице армии и чиновничества, государство всегда было машиной для угнетения. В государстве третьего типа армия заботливо ограждалась от проникновения в нее масс, в государстве же диктатуры пролетариата роль постоянной армии играла вооруженная масса, опять-таки, трудящихся поголовно вооруженным народом. Если же и тогда пытались пользоваться наемниками из среды самого народа, то в этих наемниках превращались в специальное орудие для, привлекая

ных к своему вождю. Он увлекал их победами, жизнью, полной рискованных приключений и славы, возможностью награбить и разбогатеть, во всяком случае, пожить весело. Оторванные от народа, эти солдаты (от слова sold—жалованье, значит—получающие плату) легко научались смотреть на него с презрением и ненавистью. Буржуазное же государство не имеет уже нужды заманивать отдельных добровольцев из народа деньгами и обещанием развеселой жизни. Теперь машина настолько сильна, настолько могущественна, что может просто принудить граждан выделять каждый год потребное число рекрутов, которые будут служить не за совесть а за страх. В строю молодого крестьянина ждет ступившая муштровка, жестокая палочная дисциплина, мучительные и унижающие наказания. Он оказывается бесправной вещью в руках офицера. А чистота командного состава блюдется строго. Туда не проникнуть ни крестьянину ни рабочему Таким образом, и современную армию ничего не стоит направить против народа, на карательные экспедиции, на расстрел забастовщиков.

Разрушение царской армии, т. е. государства, начала буржуазная революция. Пролетариат только овладел этим движением, и благодаря ему, старая армия не наделала, рассыпаясь, непоправимых бед.

Всякий рабочий, всякий крестьянин знает, что такое же дело угнетения, надувательства и издевательства вершило и чиновничество- вторая главная сила государства. Февральская революция этой силы не затронула, но октябрьская—рабоче-крестьянская—сбила и чиновничество с позиции, покончила со старой бюрократией, и если и правда то, что создалась бюрократия новая, то, все-таки, она уже по одному тому лучше старой, что находится на службе у народа и ему непосредственно подотчетна. А главное, советская система сама по себе—отличный противовес и самой плохой бюрократии. Но об этом, как и о других существенных особенностях советского государства скажем в своем месте.

83. Анархистские требования отмены государства. Лишь выяснив себе задачи революционного пролетариата по отношению к буржуазному государству, можно сознательно разобраться в старом споре с анархистами по поводу пресловутой отмены государства, как организации авторитарной вообще. Как упоминалось выше*), требования анархистов сводились и сводятся к немедленному упразднению государства, лишь только революционные массы одержат верх: отменить государство „с сегодня на завтра", такой с прямой формулировал эту политическую программу Энгельс.

84. Постановка вопроса. В вопросе этом имеет большое значение, впрочем,—самое важное—его постановка. Правильная же постановка дана Лениным в его книге «Государство и революция». Обычная дискуссионная формула: „мы-де признаем государство, а анархисты нет", в которую должен вылиться весь, якобы, суть, разногласий, по справедливости характеризуется Лениным, как мещанство и пошлость. Спор такой формулой не разрешается, не исчерпывается и даже не определяется. И та и другая стороны сходятся на необходимости того или иного государства и в этом отношении марксисты так же мало „признают" его, как и анархисты. Но какое именно, государство погибает и погибнет, не оставив преемников? Какое именно, чье государство будет „отменено", если и не декретом, то ходом событий, которые последнее, конечно, декретов?

85. Энгельс об отмирании пролетарского государства. На оба эти вопроса давно даны исчерпывающие ответы. К ним только почему-то мало прислушивались. Ряд мыслей, сила которых ничем пока не ослаблена, и правильность которых ничем пока не опровергнута. Маркс и Энгельс доказали, что пролетариату нужно государство революционной и преходящей формы для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии. И в „Анти-Дюринге" и в „Происхождении семьи" и в предисловии 18 марта 1891 г. писал Энгельс об известном периоде „засыпания" или «отмирания» государства после перехода власти в руки пролетариата, власти, которой он воспользуется для экспроприации производства, „для ниспровержения тех экономических устоев, из которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство". „Пролетариат овладевает государственной властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. Но тем самым он прекращает свое существование, как пролетариата, уничтожает различия классов и их антагонизм, а также само государство, как государство". (Цитируется из «Развития соц ализма от утопии к науке» по прекрасному переводу В. И Засулич)[62]. Здесь ценно только слово «овладевает» (в подлиннике «ergreift») выражает действие однократное, мгновенного характера. Слова же «превращает» и «уничтожает»

* §§ 46 и след.

(в подлинном смысле этого слова) [illegible] практически ряд последовательных фактов [illegible] Окончательной же определенности [illegible] Энгельс в предисловии к гражданской войне во Франции. Учитывая опыт [illegible] и исходя из анализа Коммуны Маркса, он констатирует, что [illegible] класс, достигнув власти [illegible] для своих целей старую государственной машиной»[61].

86. Марксова разбивка буржуазного государства. И это только подтверждение [illegible] основных указаний Маркса, сделанных в «18 Брюмера» и в Гражданской войне[62] и неоднократно повторенных в 1871 году в письме к Кугельману: разбить сломать старую бюрократическую военную машину. Все революции до сих пор только совершенствовали ее, передавая ее [illegible]. Назначение [illegible] разбить, сломать это именно, и этим и было [illegible] Коммуна [illegible] как все прежние [illegible] с особыми [illegible] и существенно [illegible] форма»[66].

87. Вопрос. Таким образом, государственная машина, конечно, должна быть и будет уничтожена [illegible] сегодня на завтра,—это [illegible] Но как конкретно [illegible] мешать этому кто не [illegible] бы? Но в [illegible] форм, и [illegible] ряд встает на [illegible] место, не [illegible] [illegible] ему уничтожить [illegible] очень [illegible] [illegible] дает время. Она [illegible] в тиски [illegible] за [illegible] [illegible] паразитический [illegible] на его [illegible] за [illegible] характер этого государства [illegible] [illegible] государства» (отсутствие [illegible] [illegible] возможность, выборность [illegible] всех [illegible] [illegible] жаемых как [illegible] [illegible] Что оно [illegible] [illegible] мирно, [illegible] он [illegible] [illegible] существует [illegible] уже с [illegible] [illegible] растягиваемость.

*88. Возражение [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] постановке [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] прежде всего, [illegible] [illegible] [illegible] следующей: [illegible] [illegible] [illegible] государственной власти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] революции. [illegible] [illegible] машина, старый [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

им лучшего „будущего". „Двери открыты, и незачем в них ломиться никто не хочет пользоваться старую машину, и менее кого бы то ни было ждут марксисты „чудес" от этой машины за еще „вдруг".

89 Возражения друзей отпадают. Но больше того: из спора немедленно должны выпасть те анархисты, которые, как Прудон, чуждаются насильственного уничтожения государства, будучи, вообще, одержимы страхом перед революцией. Ведь они верят в силу идей, которые постепенно завоюют себе вечество для будущего федералистского строя! Нет особенных оснований длить спор и с какими-нибудь индивидуалистами, в роде Тэкера или Мальи: они тоже отрицают насильственный переворот, но все же надеются на переворот и притом мгновенный. Что ж! Их можно успокоить тем соображением, что историк будущих времен все-таки сумеет положить грань между безгосударственным обществом и государством переходного типа; оглядываясь назад, он авторитетно укажет водораздел между ними, назовет какой-нибудь последний официальный акт умирающего государства, и этот момент можно будет, пожалуй, назвать и переворотом и даже мгновенным. Чем бы дитя ни тешилось...

90 Третьим необходимо кой-чему научиться. Останутся, следовательно, одни бакунисты. Эти будут, так сказать, последовательнее. Они ждут гибели государства от катастрофического и насильственного переворота, который,—есть все основания думать,—вызовет обильное кровопролитие. В этой кровавой революции и должно погибнуть безвозвратно государство.

На деле-то в том, что с ними, вообще, спорить не может, так как нет общего языка. Как было упомянуто выше (§ 46 и сл.), их представления о возникновении государства далеки от ясности. Надо не смутно догадываться, а точно знать, что государство не явилось, как „бог из кулиски", что не извне навязано оно обществу, а возникло из известной ступени развития экономических и семейных отношений,— тогда будет ясно, что уничтожить его сразу, еще до изжития породивших его предпосылок, нельзя. Следовательно, доказывать им приходится не конец государства, а его начало. Но это уже переносит спор из одной плоскости в другую.

Впрочем, они, как сказано, ждут бесповоротной гибели государства от своего рода кровавого потопа. Быть может, размеры этого потопа будут так вы, что уж ни одного апарнического ковчега не пощадит он? В этом случае, государство, конечно, будет уничтожено сразу и окончательно. Но только в этом случае..

Глава шестая.

Государственная власть и диктатура.

91. Вопрос о власти в юридической науке. Временное пролетарское государство, как и всякое государство, есть машина насилия. На языке государственного права это значит: организация властная. Если древние государствоведы и юристы-философы пытались определить государство, как „соединение людей под законами права“ (Кант) или „организм свободы“ (Гегель), то новейшие не могут не видеть, что государство есть, главным образом и в первую очередь, отношение властвования и подчинения, душа государства—власть, это наиболее существенный его признак, и известный французский юрист Дюги выдвигает этот признак на самый первый план [22].

Если это столь важное черта государства, то юристы, понятно, хотят включить ее существо. Завязался длинный и бесплодный спор: что такое государственная власть. По мнению одних, это воля государства, как особой личности, по словам других—воля, но не государства, а людей, входящих в состав государства, по заверениям третьих сила, основывающаяся на том, что одни люди чувствуют себя зависящими от других, по возврению четвертых—просто сила, факт обладания наибольшей силой.

92. Путаница понятий. При этом, юристы в своих исследованиях обращаются с понятием власти в высшей степени поразительно. Они, напр., сплошь да рядом смешивают власть политическую (государственную; политический значит государственный)[23] с властью вообще, с тем, что в общежитии известно под названием влияния власти (влияние)

сильного характера над слабым, высоко развитого интеллекта над ограниченным, энергичного человека над простодушным, любимого над любящим. Именно на этом сходстве и основывается идущее от немецкого ученого Гумплowicza и распространенное в русской, напр., науке (Коркунов, Лазаревский) мнение, что источник власти — в сознании не активной стороны, своих властвующих, а пассивной, подвластных.

93. Действительное содержание государственной власти. Все это, конечно, пустое словопрение. Надо знать, что государство есть организация господствующего класса. Основное дело государства — защищать и расширять условия эксплоатации подчиненных классов. То, что государство предпринимает для выполнения этой задачи, и есть проявление государственной власти, и те органы, чрез которые действует государство, суть органы государственной власти. Это армия, полиция, суд, тюрьмы. Значит, *государственная власть есть, прежде всего, насилие.* Господствующий класс не просто властвует: властвуя, он угнетает и подавляет. Поэтому, не годятся такие определения, как „воля", „сила": они не исчерпывают предмета. Не всякая воля непременно давит, не всякая сила непременно насилует, зная ту или иную государственная власть есть орудие только угнетения.[70]

94. Что они защищают? Во все времена существования государства целью политической власти было защищать интерес господствующих классов. Мы знаем содержание экономического интереса буржуазии. Не ясно ли, к чему сводится деятельность органов власти в буржуазном государстве? Пусть попытаются рабочие экспроприировать фабрику,— они узнают, что *на страже буржуазной собственности стоит власть.* Пусть рабочий, которого голод вынудил подписать явно грабительский контракт с работодателем, попробует не выполнить его,— пред ним встанет угроза штрафа, неустойки, и он узнает, что *эксплоатация чужого труда защищает власть.* Пусть рабочие сожгут не годные машины, лишающие их заработка, делающие их ненужными, пусть они попробуют восстать против тех или иных технических

усовершенствований, позволяющих предпринимателю сократить рабочие кадры, он узнает, что *на стражесть* классовой диктатуры *власть стоит власть*. Во всех этих случаях они, если зайдут достаточно далеко, последовательно познакомятся с полицией, судом, тюрьмой, а то и с армией.

95. Отношение власти к интересам подчиненных классов. Никогда и в никаком случае не считалась государственная власть считалась с интересом подчиненных классов, и не считается с ним. Бывали моменты, когда рабочий класс вынужден был уступить голоду, отвоевывал ту или иную позицию, которой и пользовался исключительно в своих интересах. И тогда при поверхностном взгляде на дело могло, пожалуй, казаться, что государственная власть приняла беспристрастный, „надклассовый“ характер: ведь она допустила такую меру, которая противоречит интересам экономически сильного класса! Но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что добрая воля государства тут ни при чем: шла борьба между землевладельцами и промышленниками, и в этой борьбе рабочий класс, предлагая свой союз то одной стороне, то другой, получил временный выигрыш. Следовательно, государственная власть только по видимости „уступала“ рабочим, только по видимости шла навстречу их интересу: в действительности она удовлетворяла притязания тех из имущих классов, который одерживал верх, и с которым на этот раз оказались рабочие. И успех был, обыкновенно, более или менее кратковременным. Как только аграрии и промышленники находили почву для соглашения, точно же усилия власти направлялись на то, чтобы свести на нет завоевания рабочего класса.

96. Отношение власти к интересам господствующих классов. Всегда в ее глазах только экономические потребности господствующего класса заслуживают внимания

и удовлетворения.*) Всякий закон, не отвечающий этим потребностям об'является противным закону, нравственности, здравому смыслу, а то и просто невозможным, утопичным. Рабовладелец возмущается, если ему говорили, что раб его—такой же человек, как он, и потому такое же, как и он, нуждается в личной свободе. И государственная власть должна рабов освободить почитала деянием противозаконным и карала за них по соответствующим статьям закона. Буржуа, которому нужен свободный рабочий, не владеющий средствами производства, нашел рабство безнравственным, бесчеловечным,—и власть похерила крепостное „право", об'явив его бесправием. Тот же буржуа находит требование экспроприации орудий производства вредной, гибельной для общества бредней,—и власть спешит издать законы против социалистов, хватает рабочих вождей, душит рабочую прессу. В советском государстве интересы пролетариата требуют планомерной организации хозяйства, обобществления орудий труда,—власть борется с так называемой свободной торговлей, лишает буржуазных паразитов-эксплоататоров.

Политическая власть служит затем, чтобы классовый интерес господствующего класса не просто властвовал бы, а беззаконно бы властвовал.[71] Она уничтожает его соперников, она подготовляет удобный момент для боя, в решительную минуту она пускает в ход вооруженную силу, она действует всеми средствами, зная, что классовый интерес все оправдает и освятит.

Ограничена ли эта политическая власть какими—нибудь законами? Конечно, нет. Ведь законы создает Государство, т. е. господствующий класс, и создав, ставит

*) Очевидность этого факта не мешает, однако, самым беззастенчивым подлаживаниям со стороны ораторов буржуазии. Князь Бисмарк, великий мастер всех родов власти, жестокий враг социал-демократии, боровшийся с ней исключительными законами, об'явил 9 января 1882 года в рейхстаге: „Принимать всякий вмешательство в борьбе сторону слабого—традиция той династии, которой я служу".

их под охрану власти. Это значит, что власти предоставляется применение и истолкование законов. Таким образом, если бы и случилось, что правящий класс обмолвился законом, вредным для его интересов, и может его отменить, если же это почему-либо не удобно, он может его исказить, перетолковать, а то и просто обречь на бездействие. Закон в массового государства это—узда в руках всадника. Ограничивает ли всадника узда?

Обычное возражение, которое в таких случаях выдвигается, следующее: может быть—говорят—в государстве демократическом это и так. Там правящие классы знают только свой интерес, и всякий другой просто задавливается. Но это неверно в применении к современному демократическому обществу. В современном конституционном государстве при всеобщем избирательном праве, при свободе слова, печати, союзов, собраний и т. д., нет безраздельного властвования одного какого-либо интереса. Господствующие интересы буржуазии первенствуют, но и интересы рабочих тоже уважаются законом, их защищают сами рабочие в своих союзах, за них борются депутаты-социалисты в парламентах, о них пишет рабочая пресса. При наличности всего этого, как же можно говорить о безраздельном властвовании интереса?

Все эти возражения настолько ходки, что на них нужно остановиться подольше.

97 Всеобщее избирательное право, как орудие властвования. В самом деле, если бы буржуазия пожелала осуществлять свой интерес диктаторски, зачем бы она мирилась со всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом? „Почему во Франции и в Соединенных Штатах экономически господствующая буржуазия терпит всеобщее голосование, способное, по меньшей мере, причинить ей большие хлопоты?“[72].

Но в том-то и дело, что только сапожникам или явно недобросовестным подголоскам буржуазии может казаться, что буржуазия мирится со всеобщим избирательным правом и „терпит“ его. Она как раз и не мирится с ним в действительности и не терпит его. Подробный анализ этого института дается ниже, здесь же отметим, что нигде в западных демократиях не существует всеобщего избирательного права в смысле такой системы голосования, которое давало бы трудящимся массам фактическую возможность выявить свое лицо. То, что в буржуазном государстве слывет под именем всеобщего избирательного права есть на деле прекрасное орудие господства над массами, которым буржуазия с успехом пользуется.

98. Бессилие рабочих объединений. Но как же рабочие союзы? Ведь их-то буржуазия могла бы просто запретить, закрыть, разгромить

вооруженной силой? Но зачем, спрашивается, пошла бы буржуазия на такой шум и гром? В ее руках оружие, которое действует тише, вполне "прилично", но несколько не хуже. Это — предпринимательские союзы. Они вынуждают рабочих создавать свои союзы, капиталисты легче и успешнее справляются с пятью битвами и многим конкурентом, а нежели с одним умеренным и аккуратным Каутским вместе или против „очень легко приобретают такую силу, что бороться с ними не легко и рабочим союзам"[73].

99. Обособленный характер кооперативов. Но что же кооперативы, которые приносят рабочим столько выгод? Ведь это уже кусочек социализма! Что же может быть враждебнее для буржуазии? Однако, она их терпит. И на этот счет найдется любопытное рассуждение у того же Каутского. Оказывается, что кооперативы не только не вредят крупной буржуазии, но, напротив, не ее ли мельницу льют водой, так-как направляются против мелкой буржуазии, с которой крупная сама находится в борьбе. Они-то и „отвлекают от пролетарского движения некоторые слои склонные к пролетариату слои мелкой буржуазии"[74].

100. Социалисты о капитализме. Как бы то ни было,—скажут,—а уж социалисты-то буржуазии не пустили бы в парламент, если бы утверждали свое безраздельное господство. Социалисты—депутаты много крови испортили господствующему классу, а нем тем он их терпит! И число социалистов в представительных учреждениях все увеличивается **за счет буржуазных депутатов.**

Вот об этом-то мог бы кое-что порассказать тот же Каутский. Именно, на примере Каутского и ему подобных всякий пролетарий может видеть, что в момент, когда крупным интересам буржуазии грозит серьезная опасность, происходит резкое расхождение социалистов на терпимых, и очень даже терпимых буржуазией и с чести ее нетерпимых. И тогда оказывается, что терпит буржуазия лишь тех социалистов, которые в трудную минуту защищают ее—более или менее безкорыстно—от ея классового врага, рабочего. Для подлинных же представителей рабочего класса у буржуазии нет другого оружия, кроме разгромов, пыток, виселиц, и этим оружием она пользуется во всю. Ш. И. Милюков в своей „Истории второй русской революции" один из Отделов назвал так: „Социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической". Этот прием, а не красивый, прекрасно оценил и осуществил работу русских социал-соглашателей в период между февралем и октябрем 1917 г. Тов. Ленин в книге: „Пролетарская революция и ренегат Каутский" утверждает, что Керенский должны бы оправдать Каутского за его контр-революционную деятельность. А ведь Каутский не чета Керенскому. Что же сказать о прочих терпимых социалистах?

Они терпимы. И вопреки храмой, чтобы не сказать домом, терпимости стала их „мать-питательница"—II Интернационал!

Те, кто любит говорить про увеличение числа депутатов-социалистов в парламентах, не видят даже такого многознаменательного явления, как общепризнанное падение авторитета и силы законодательных учреждений. За последние десятилетия XIX века это стало совершившимся фактом. Сила, власть, руководство политической жизнью из парламентов ушли*) Депутатам социалистам, проникшим, наконец, в парламент, буржуазия бескорыстно предоставляет танцовать после бала.

Нет, отнюдь нельзя видеть, будто буржуазия терпит социалистов.

Что же касается так-называемых конституционных свобод, которыми тоже опровергают факт буржуазной диктатуры, то их анализ дается в своем месте.

101. *Иллюзии демократии.* Современное буржуазное государство с самого своего возникновения присвоило себе название демократического. Но название это не должно бы никого обманывать. Правда, демократия означает много хороших вещей. Это, в первую очередь, народовластие, принадлежность власти всему народу, т. е., участие всех в управлении. Далее, это—равенство всех пред законом, право каждого свободно выражать свое мнение, право никого не подвергаться ни наказанию ни, вообще, преследованию без судебного суда и т. д., и т. п. Но на самом деле все эти разнообразные права и свободы только провозглашаются, в жизнь же никогда не проводятся. Самые простые наблюдения это доказывают. Может ли участие в управлении быть особенно там, где три четверти мужского населения осуждены на тяжкую борьбу из-за куска хлеба? Где массы не имеют ни времени ни средств научиться как следует думать, не то что осуществлять свои избирательные права? Может ли быть действительное равенство между нищим тружеником и сытым толстосумом? Тут равенство перед законом превращается в горькайшее издевательство. Если даже непредвзятый судья и готов будет судить по всей справедливости, сможет ли забитый бедняк доказать свою правоту? Ведь он не знает законов,

*) См. главу VIII.

не умеет обмениваться и тем, конечно, не получит такого бойкого вождя, какой найдет себе его достойный противник.

102. *Что значит „буржуазная демократия"?* Потому-то мы и называем ее буржуазной, равно этим подчеркивая, что без экономического равенства не может быть чистой демократии (если бы только, вообще, возможна была „чистая" демократия!). Эта демократия — для господствующего класса, для богатых, для сильных. И так-наз. „полноправная" участие в управлении, гражданская свобода, господство твердых всем открытых законов — дело хорошее и выгодное, и так-как его целиком себе забирает правящий класс, то этим и объясняется факт, повсеместно наблюдаемый: чем сильнее развита демократия, тем грубее подчиняет себе управление (и законодательную власть, парламент, и исполнительную, министров) банкиры.

103. *Демократия, диктатура, империализм.* И в наше время, время широко развитых буржуазных демократий, финансовый капитал и не нужна лучшая оболочка для своей диктатуры. Он свергает чужое вмешательство, чтобы свое правительство с биржей и властвует безраздельно. Он вооружает и двигает миллионные армии, он громоздит миллионы пудов гниющего человеческого мяса.*) Он диктует свою особую, ему одному свойственную политику. И имя ей: империализм. А „империализм есть самая последняя стадия капитализма и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана вырастающим буржуазным обществом, как оружие его освобождения от феодализма, и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в оружие порабощения труда капиталу"[3].

*) По последним данным потери всего Общества включая социальных последствий войны число убитых и умерших от ран и в время мировой войны достигает сорока миллионов. Если считать средний вес мужского тела только в 4 пуда, то это составит около двухсот миллионов пудов гнилой человечины.

104. Возрождение господства капитала.—Новейшее капиталистическое развитие закрыло и путь временных успехов пролетариата. Земельная рента и капиталистическая прибыль уже пережили период кризиса. Благодаря отчасти акционерной форме предприятий, аграрий в качестве акционера крепко связался с промышленностью. С другой стороны происходит сращивание[76] банковского капитала с промышленным. В результате рента и прибыль обезличиваются, сближаются между собой под общей формой прибавочной стоимости, и интерес землевладельца, промышленника, финансиста становится единым. Государственная власть отбрасывает все прикрытия, демократия распыляется, как мираж, и все яственнее выступает господство денежного интереса, интереса об'единенной собственности. Так как интерес этот становится все более противным интересам всего общества, так как противоположность между группой финансистов и всем трудящимся человечеством все более обостряется, то власть не может уже заботиться о разных прикрасах и вымыслах. Она знает, что массы уже разгадали ее тайну, что они уже увидели подлог на месте права, своекорыстие вместо справедливости, классовый обман в виде преподносившейся им общечеловеческой истины. И зная это, она выступает, как открытое насилие. Опираясь на захваченные крепости, на штыки и пушки, на армии наемников—специалистов, обслуживающих ее за золото, она действует явным, голым насилием, железной рукой подавляя всякое сопротивление. Это диктатура собственности.

105. Начало диктатуре положено давно. –Сам аппарат буржуазной государственной власти устроен таким образом, что в критические моменты он с легкостью облагодетельствует показной демократией и всецело служит диктаторской сущности этой власти. В конце XVIII и начале XIX столетий великие исторические события, разыгравшиеся во Франции, отразились по свидетельству буржуазного исследователя, весьма своеобразно на системе правления в Англии: они „придали этой системе в ее последней фазе резко выраженный характер классового гос-

подства"! Свободомыслящий Питт, обнаруживавший чрезвычайную склонность ко всякого рода демократическим реформам, „этот самый Питт превратился в черствого и неумолимого диктатора во внутренней политике"[77] Правительственную политику великий адвокат того времени Эрскин характеризовал, как „неожиданную грозу", разразившуюся над обществом „без всякого серьезного основания"[78] Конечно, он ошибался: основание было, и достаточно серьезное. Но он не понимал его, как не понимал тот несчастный, осужденный за противоправительственную агитацию, который безуспешно восклицал на суде: „Неужели же то, что считалось патриотическим в 1782 году будет считаться преступным в 1793 году?"[79] А что сталось с пресловутыми противоречиями внутри правящего класса мешающими ему, якобы, осуществлять диктатуру? „С настоящим энтузиазмом об'единялись все группы и фракции господствующего класса для борьбы с французскими идеями во всех областях политической жизни".[80]

106 Рост государственной власти за вторую половину XIX века. С тех пор прошло много лет. И государственный аппарат не стоял на месте, он прогрессировал, он неуклонно совершенствовался в этой примерно-демократической и архи-конституционной Англии все в сторону наилучшего осуществления нарастающей экономической диктатуры финансовой олигархии. В 1867 году Бэджгот,[81] в 1885 году Мэн,[82] в 1906 году Лоу[83]—все англичане и все отнюдь не социалисты—резко констатируют последовательно растущую силу исполнительной власти, силу и власть слуг государства. Мэн не обинуясь говорит, что приближаются времена якобинской диктатуры..

107. Расцвет буржуазной диктатуры. И времена эти настали. Еще и не начался штурм крепостей капитала, еще одурманенный пролетариат хранил благонамеренное спокойствие и свято соблюдал все законы и заповеди „гражданского мира", а уж диктаторская, насильническая и террористическая сущность буржуазной государственной власти встала в свою натуральную величину Клемансо во Франции, Ллойд-Джордж в Англии рабски творили волю диктаторского капитала при общепризнанном ничтожестве почти упраздненных представительных учреждений.

108. Политическая власть, открыто оберегающая безраздельное господство экономически сильного класса, неограниченная никакими законами, действующая решительно и сурово, вплоть до насилия подавляющая всякое сопротивление есть диктатура..

Глава седьмая.

Диктатура в Советском государстве.

109. Диктатура и гражданская война. В Советском государстве, так и во всякой стране, [illegible] власть привыкла служить интересам [illegible] класса—пролетариата. Выше мы выяснили историческую необходимость власти пролетариата—рабочих и беднейших крестьян. Остается выяснить, что власть эта не может быть иной ни какой, как диктатурой.

Но это следует уже из одного того, что [illegible] буржуазии, еще властвующей в других странах, [illegible] ничего, кроме диктатуры ее, против себя не видит. Пролетарское государство родилось и вышло в атмосфере *гражданской войны*. Буржуазия не [illegible] только на Западе, но и в самой России. Оперируя русская *буржуазия еще сильна* своими международными связями, своим техническим, военным и общим образованием, своим навыком в управлении и воле к власти, сильна деньгами и имуществом, оставшимся в ее руках, сильна тем, что мы не можем обойтись без ее знаний и руководства буржуазных специалистов, сильна нашей слабостью, сильна всеми остатками еще не разбитого капиталистического строя.

110. Диктатура пролетариата. Конечно, трудящиеся массы Республики составляют большинство. Значит мне, казалось бы, диктатура, т. е. гнет и насилие, этому большинству! Но нельзя смешивать большинство количественное и качественное. Класс, который

о лишении буржуазии избирательных прав.

Для того, чтобы добить буржуазию, разбить открытых противников, устранить тайных и самому пролетариату раскрыть глаза, на что объективные условия, чтобы была *власть беспощадная, быстрая в своих решениях, неуклонная и бесконечная на деле.* Пусть диктатура.

112. *Буржуазный ученый о революционной диктатуре.* Но вот вопрос: ведь после революции „слабейшая монархия" сменяется, и тогда возникают все прелести власти новой республики, которой приходится бороться и с диктатурой, и с анархией, и с происками партий, и с повсюду возбужденными честолюбцами, и с неопытностью людей и горячностью учреждений. С такой опасностью сталкивается слишком трудно; потребность перейти или к реакции, или к диктатуре. В обоих случаях свобода значительно теряет, если не уничтожается совершенно. Такой потребности дать призвать народного легкомыслия; это неизбежный закон, результат естественного хода вещей. Но диктатура, возникшая из потребности, служить, вместе с тем, и средством упрочить перемену, революцию, которую не умели вызвать из себя власти, способные остановить анархические стремления и восстановить порядок, оставаясь законными, тогда как преобразования, закрепленные диктатурой, имеют за собой постоянное право, даже при последующих реакциях".

Откуда эта странная цитата? Этот содержательный и серьезный голос, всего с 1 июля изменивший в необходимость революционной диктатуры? Назовем два-три слова, и можно подумать, что перед нами в первый раз Ленин или Троцкий. Нет, как ни удивительно, но это — ученый, профессор права, Б. Н. Чичерин[39]. Конечно, буржуазия во все времена отличалась способностью оценивать положение. Она имеет чудесных своих революционных теоретиков, которые обстоятельно обосновывают законность буржуазной диктатуры. Но пролетариат примирится с диктатурой буржуазии.

113. *Практическая неизбежность диктатуры пролетариата* подробно обоснована Марксом и Энгельсом, *но они-то и выработали и теорию пролетарской диктатуры*, как форму государства переходного периода.

114. *„Спасение" Каутского.* В своей брошюре „Диктатура пролетариата", вышедшей в 1918 году, Каутский утверждает, что вопрос о необходимости и правильности пролетарской диктатуры в новых условиях „спасен" Маркса. Действительно, Маркс в 1875 году в „Критике Готской программы" сказал: „Между капиталистическим

к коммунистическим обществом лежит период революционного пере-
устройства одного в другое. Этому соответствует и политический пере-
ходный период, во время которого не может быть иного государства,
кроме революционной диктатуры пролетариата. [83] Несмотря на это
„слово", Каутский настаивает, что Маркс имел в виду не
форму правления, а „состояние, которое по необходимости должно
наступить там, где пролетариат завоевал политическую власть.
Тов. Ленин ниже „Пролетарская революция и ренегат Каутский"
дает должную оценку Каутскому, к которой прибавить нечего.
Скажем только, вот что, отметить, что данный Каутским —
реформистское — с начала до конца — самым чудовищным образом противоречит
Каутскому революционному дню—революционному—Марксисту и рабочему
вождю. В своем „Пути к власти", написанной в 1909 году,
читаем у Каутского следующие строки: „Они (т. е. Маркс и Энгельс)
ввели в политический словарь понятие *диктатуры пролетариата* (курсив подлинника)
которое они в 1891 году, незадолго до своей смерти, упорно
отстаивали, говоря о политическом единовластии (Alleinherrschaft)
пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществить
свое господство" [83] Вот, видите ли, каким не было еще никогда
ренегатом Маркса и Энгельса подчеркивает, по-нашему,—
что новое пролетарской диктатуры выковано (какое чудесное слово!)
ими, и что, говоря в одном случае вообще, они вовсе не
речь у них шла именно о форме государственной власти, т. е., последней,
а никак не о форме правления и уж, во всяком случае, не о
состоянии общества.

III. Диктатура в „Коммунистическом манифесте".
Полное пролетарское понятие диктатуры, данное
Марксом и Энгельсом. Что „Коммунистический
Манифест" говорит о грядущем „завоевании демократии
пролетариатом" и „установлении пролетариата господствующим классом".
Что это означает. Что „завоевание демократии" есть
„возвышение пролетариата до положения господствующего класса",
пролетариат использует свое политическое господство
для „вырывания у буржуазии капитала", в осуществление
„экономических мероприятий". Кому не ясно, что это значит?
Не ясно ли от начала до конца, что диктатурой пролетариата,
завоеванием демократии, мог быть осуществлен
только в экономическую жизнь внести что-
либо иное, кроме диктатуры пролетариата,—политической
власти, железной власти, насилием завоеванной и насилием поддерживаемой?

110. *Диктатура „Труда власти не боится“.* Даже, уже в первом [illegible] „Рабочей Газеты“ в сентябре-октябре 1917 года, Марк [illegible] диктатуру [illegible] „[illegible] дальнейшую [illegible]“[1]

117. *Исторический [illegible] революции.* Исторический „[illegible] революции [illegible] „Ко [illegible] „В [illegible] [illegible] [illegible]

пролетариат и перестает классовые рамки, оно питается универсальными, общечеловеческими потребностями, ибо пролетариат—единственный класс, который должен и может поставить в себе задачу уничтожения себя самого, как класса: „тогда выступает, наконец, во всей своей полноте и со всею яркостью решения и задачи девятнадцатого столетия—уничтожение пролетариата“[92].

11 8. *„Переходный период“ и его содержание.* А двадцать пять лет спустя, мысль Маркса, работавшая все в том же направлении и сочетавшая новый и последний практический опыт—парижской коммуны,—достигает еще большей четкости. „Переходный период“—это недостаточно характерно. Это может навести на мысль, будто пролетариату достаточно лишь возгласить свою власть, чтобы классовые различия быстро и сами собой начали стушевываться, расплываться, исчезать. Нет, коммуна показала, что буржуазное общество не может без тяжких мук родить из своих недр коммунистическое, что пролетариат не может просто овладеть капиталистической государственной машиной и пустить ее по социалистическим рельсам. Этот переходный период разрастается и удлиняется в целый период, период непрестанной и последовательной ломки, коренных изменений и превращений чисто экономического характера. Движение непрерывное беспокойное, постоянно опрокидывающееся, постоянно критикующее само себя, возвращающееся вспять и снова идущее вперед, движение революционное—вот узел и содержание этого периода. Так революционным путем превращается капиталистическое общество в коммунистическое. Отражением же этого превращения в политике, отражением экономической диктатуры пролетариата, является его политическая диктатура. „Государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата“. Политический переходный период, следовательно, совершенно необходим.

119. *Назначение временной диктатуры.* И в этот период [illegible] будет цупена машина госуд[illegible]ва. Диктатуре трудящ[illegible] будет важно пользоваться, [illegible] для [illegible] [illegible] [illegible]

120. *Энгельс о опыте коммуны.* [illegible] все точки над i Энгельс. Указывая на пролетарскую коммуну, он говорит прямо, „в настоящем смысле слова ужас при этих „диктатуре пролетариата“ [illegible] знать буржуазные государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата.“[66] Этим указанием на опыт, [illegible] и он подчеркивал, что подлинно пролетарская [illegible] то и есть, Энгельс хотел как будто [illegible] вых государей, пугающих от страха перед [illegible] ровой диктатурой. Но тут же Энгельс [illegible] „Вправе допустить ли то, что они сами [illegible] вместе с своим авторитетом“.[66] Конечно [illegible] шел бы он, если бы коммуна еще [illegible] по „рукам, ногам и шее“ и чтобы [illegible] вернуть своего господства за [illegible] Пошел ли он тогда на оружие“.[66]

121. *Диктатура, как способ [illegible]* Так [illegible] непременный спутник диктатуры. [illegible] и характер этого насилия не могут быть [illegible] ряжены: это есть нечто из повседневных [illegible] ний, повторяемости. Это хорошо сознавал Энгельс [illegible] 1873 году, а уже вполне серьезно стали [illegible] тов, как в двадцать лет спустя, в 1893 году [illegible] письме к Зорге говорил: „Но почему, в каждой [illegible] лучшая тактика это та, которая [illegible] приводит к цели“.[67] Понимал это и Каутский, [illegible] в 1906 году: „Конечно, нельзя указать наперед [illegible] мы, которые должна принимать классовая борьба пролетариата в каждой отдельной стране [illegible] гражданской войны и диктатура пролетариата [illegible] вопрос „по отзыву классовой борьбы“).

*) Ср. Каутский, „Представительная система“, Соб. 1905, стр. 6. „Когда пролетариат достигнет политической власти, то в своих мероприятиях и установлениях он станет руководствоваться фактическими

Плеханов, утверждая, что социал-демократия отнюдь „не должна отказаться от диктатуры пролетариата". Ибо „когда люди твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели, выбор средств зависит уже не от них самих, а от обстоятельств. И именно и тому, что социал-демократы не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевать свое господство, они не могут принципиально отказываться от насильственных средств".[99]

122. *Отказался ли Энгельс от революционного насилия?* Знаменитые слова Энгельса о „рукописных шпеках и крепких мускулах", на которые социал-демократия „надеется" на „законности", написанные в 1895 году,[100] и выставляемые оппортунистами, как действительное отречение Энгельса от революционного насилия, в действительности совсем не имеют того значения, которое им приписывают. Под жестким гнетом партии в Германии было в ту пору таково, что Энгельс не мог высказаться открыто и избегал всего, что могло бы послужить правительству козырем против социалистов. Зато в письме к Каутскому от 1 апреля 1895 года он энергично протестует против „позорного впечатления" будто он—„поклонник законности".[101] Несомненно, в области применения насилия Советская Республика оставила далеко позади себя Парижскую Коммуну. Но Коммуна была гораздо счастливее в смысле внутренних условий, ибо царь буржуазии успел бежать в Версаль за „орлами французской" пролетарата, наши же буржуазии были бессильны, по крайней мере, вначале, были отрезаны, и защищалась и защищается она с энергией прижатого к стене зверя. И русский пролетариат не жалительничает с убийцами и предателя-

отношениями, какие он застанет в момент своей победы, и с которыми он будет соображаться: он станет поступать сообразно своим потребностям, средствам и пониманию"...

ми. Он широко пользуется против них своими ружьями и пушками, своим „революционным авторитетом".

123. *Диктатура и демократия в Советской России.* В Советской России диктатура пролетариата, больше чем где бы то ни было, есть не уничтожение демократии, как говорят враги пролетариата, а засосание ее для широких трудовых масс. Совершенно верно, что пролетариат урезывает, ограничивает, даже сводит на нет буржуазную демократию, т. е. демократию для имущих. Но необходимость этого может быть доказана простым соображением: интересы имущих классов противоположны интересам трудящихся; мы живем во времена обостренной классовой борьбы, а „всякая классовая борьба есть борьба политическая". Можно ли рассчитывать, что имущие классы не станут пользоваться своей сохранившейся демократией, как средством политической борьбы, во вред интересам рабочих, т. е., во вред демократии пролетарской? Конечно, нет. Значит, сохранение буржуазной демократии прямо противоречило бы основной цели пролетариата: расширению демократии, распространению ее на народные массы, на всех. Остается, следовательно, одно из двух: либо признать за буржуазной демократией право на жизнь и в этом случае никогда не достигнуть демократии для масс, либо же согласиться, что *борьба за пролетарскую демократию включает в себя борьбу против всех препятствий на пути к ней,*— и в этом случае объявить беспощадную войну демократии буржуазной, как одному из таких препятствий.

124. *Что говорят в защиту буржуазной демократии.* И в общем, с марксистской точки зрения на общество, как на арену классов и борьбы между имущими и неимущими, тут никаких недоразумений и колебаний быть не может. 1. Не Маркс ведь сказал: демократия означает равенство. Маркс сказал: буржуазная демократия означает равенство в среде имущих для имущих,—*равенство между эксплуататорами и эксплуатируемыми и не суще-*

тецет. 2. Не—марксист скажет: демократия это—охрана воли меньшинства. Марксист возразит: нет меньшинства и большинства, есть эксплуататоры и эксплуатируемые,—можно ли серьезно говорить об охране воли эксплуататоров, т. е. большинства эксплуататоров,—о подчинении воли рабочих этой воле? 3. Не—марксист возразит: но ведь капиталист просто человек, есть человеческие права, которые требуют уважения! Да, и крупный собственник, и рантье, купец, ростовщик, взятый вне своей экономической, именно, классовой, отграниченной от всей остальной сферы, от своего классового интереса, есть просто человек, но ведь таким он в классовом обществе никогда не бывает! Где то положение, где то обстоятельство, при которых буржуа не есть и быть буржуа, а стоит и просто человеком? Разве классовая борьба не пронизала во все поры современной жизни, разве она не наследила и не все своего отпечатка? Мы не, именно, хотим, устранив из сферы, сделать бывшего только класса просто человеком и вернуть ему отнятые права.

Но дело в том, что даже и не марксизм, если только он не является чем-то совершенно недобросовестным, не мешает утверждать, что демократия служит защитой меньшинства.*)

---

*) Не вполне отражающий идеалов А.-Э. Прене анализ и его отношение к этому вопросу см. в его сочинении: „De l'essor du gouvernement democratique". Brux. 1895. P. 95. Ср. Г. К. Гогорин. „Основы современной демократии". М. 1906. стр. 45: „Надо сказать, что идея равенства в своем практическом и полном осуществлении будет стоять на пути всякого прогресса, всякого развития, ибо в природе человека заложено неравенство способностей, и всякий общественный строй, желающий возвысить человека, должен будет считаться с этим фактом. Мысль Ж.-Ж. Руссо, что неравенство [illegible] ... [illegible] мысли на тех, кто ... будто бы ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible]

125. *Общая воля* [illegible] демократического государства основывается [illegible] выражает [illegible] действительности [illegible] воли [illegible] воли и классовых [illegible] грубейших фикций. Поэтому, [illegible] утвердить Руссо [illegible] своей [illegible] принимать ему [illegible] Типкин. [illegible] Терьяк. [illegible] общую [illegible] демократия — [illegible] Однако, [illegible] легкого [illegible] и роль [illegible] *сами, то общей воли освобожденного человечества.*

126. *Пролетариат и воля преступника.* [illegible] Советской Республике [illegible] сельского [illegible] диктатуры [illegible]

[illegible] В. Зиновьева [illegible] Конгрессе III Интернационала. Ср. „Вопросы [illegible] № 5).

[illegible] Он [illegible] общую и волю всех [illegible] отдельных воль, [illegible] интересы. Воля не [illegible] индивидуальные интересы. И вот, [illegible] граждан [illegible] тот закон, [illegible] Но [illegible] общей воли. Однако, [illegible] воля [illegible] Jean Jacques Rousseau „Du contrat social", publié par G. Beaulavon, Paris [illegible] 4-me, ch. II, p. [illegible] 2, et livre I, 2-me [illegible] давно [illegible] общей воле. Новейшие [illegible] от своих предшественников [illegible] Бемон называет парадоксом (см. проф. А. Эсмен „Общее [illegible]

этого большинства. В связи с этим может, однако, возникнуть вопрос, нуждающийся в рассмотрении,—вопрос о чистоте пролетарской диктатуры у нас.

Иными словами, можно ли говорить о диктатуре пролетариата в стране, где большинство трудящегося населения—крестьяне-земледельцы, и не скрывается ли в Советской России под диктатурой пролетариата диктатура мелкобуржуазного крестьянства?

127. *Буржуазный характер до-октябрьской революции.* Но во всем этом тесная связь с вопросом о характере нашей революции, вообще. В самом деле, пока городской пролетариат выступает в революции совместно со всем крестьянством, до тех пор революция носит буржуазный характер, так как крестьянство в массе своей—мелкий производитель, держащийся товарного производства. Такою и была свергнутая революция 1905 года. Такою же оставалась и свергнутая революция 1917 года: *Пролетариат присоединил к себе все крестьянство в целом и,* частью при нейтралитете, частью и при контрреволюционности городской буржуазии, разрушил под действительною монархию и помещичье землевладение.[102]

128. *Пролетарская революция в октябре 1917 года.* Если бы революция наша на этом остановилась, как того страстно хотелось буржуазии и правым социалистическим партиям, не могло бы быть речи о диктатуре

ституц. права". Спб. 1913. стр. 128). А Орлу пытается разложить народную волю на волю общую—все население, и волю командующую—правящая часть нации (M. Hauriou., Principes de droit public P. 1910). В добрый час! Еще несколько шагов по этому пути,—и от пресловутой общей воли останется лишь голое воспоминание. „...общая воля Руссо остается химерой, или, если угодно, мечтой, не осуществимой на грешной земле с ее личным и классовым эгоизмом, с ее страстями и печалями." (С. А. Котляревский. —Власть и право.— М. 1915, стр. 255). „Ведь общая, единая, как говорят юристы, воля (Gesammtwille) является простой фикцией: никакой подобной воли не существует". Людв. Гумплович. Общее учение о государстве. Спб. 1910. Стр. 320.

бежно колеблется между буржуазией и пролетариатом,

„Основной закон о социализации земли“ 6/19 февраля 1918 г. до Учредительного собрания передает все земли с всем частновладельческим имуществом советам под наблюдением федеральной советской власти.

120. *Пролетариат—вождь и учитель.* Теперь спрашивается, кто же играл и играет руководящую роль в связи с социалистической революцией? Кто организовал первую борьбу с бедностью и с ее помощью справился с чехословацко-кулацким восстанием летом и осенью 1918 г.? Кто организует „коллективное хозяйство в земледелии“, о котором говорит закон о социализации земли? Кто доставит крестьянам, у которых не хватает орудий для мелкого производства, земледельческие машины для коллективной обработки земли? Кто уже поставил несколько тысяч коллективных и советских хозяйств,*) и поставит их еще больше, покроет сетью их деревенскую Россию, кто тысячами развяжутся руки для мирного, созидательного труда? Кто докажет крестьянину, что на уравнительном земельном основании с национализацией земли нельзя остановиться, а необходимо и тем и другим для легкого и прямого перехода к социализму в земледелии?[103]

Ответ один: пролетариат.

Культурность — эксплуататорская часть деревенского населения — пролетариат — вот та великая сила, которая обеспечит весь будущность земледелия. Это тот слой, который больше всех собирался взять от революции, чтобы потом поставить точку для широкого расцвета капитализма в России. Это он бы основал „средне-буржуазное“ фермерское хозяйство с наемным трудом, улучшенными способами обработки земли и с наличием здесь же ряда огромного слоя полу-пролетарского крестьянства и с.

*) К третьей годовщине октябрьской революции насчитывалось 10.575 коллективных хозяйств (705.368 едоков на 1.122.140 десят. земли). Советских хозяйств к тому же сроку 4.096 с площадью в 2.23.567 десят. (Цифры взяты из брошюры „Три года советской власти“, стр. 12).

И что же? „Кулак вступил в революцию, окрыленный самыми розовыми надеждами и предчувствиями, а вышел из нее общинным даже на ту часть своей собственности, которой он располагал до революции“.[106] Кто же, как не пролетариат, сумел спаять пролетарские и полупролетарские слои деревни, обезвредить середняка и нанести кулачеству ряд сокрушительных ударов?

Стоит лишь раскрыть глаза пошире, ознакомиться с ходом революционного движения и присмотреться к существующему положению, чтобы увидеть на всем протяжении твердую руку пролетариата, неуклонно ведущего за собой сельскую бедноту.

Это и есть диктатура пролетариата.

131. *Отношение к крестьянину—середняку.* Да, пролетариат играет в настоящее время трудную и сложную роль. Он не только ведет за собой деревенскую бедноту, но он принужден то и дело считаться с зажиточным крестьянином, середняком. Этому слою пролетариат делает частичные уступки, с ним он вступает в очевидные соглашения. Но роняют ли эти компромиссы диктатуру пролетариата в общем и целом? Нисколько. Оппортунистической, т. е., соглашательской, половинчатой политика рабочего класса становится тогда, когда „уступки делаются господствующему классу, которому они облегчают возможность оставаться у власти“.[107] Но ведь в Советской России у власти стоит пролетариат. *Где же тот господствующий класс, с которым он вступает в соглашения?* А чтоб удержать власть, надо быть не только сильным, но и мудрым. Властвовать не значит только гнуть, ломать и крушить; это значит еще—воспитывать, развивать, вращивать. Никаких уступок, последовательная борьба за плюм, подавление, угроза, смерть—это диктатора! Товарищеская помощь, деловой пример, убеждение и руководство—отсталым рабочим и крестьянам!

Внушить земледельцу, что „только падение капитализма может освободить крестьян; только диктатура пролетарское правительст-

с каждым днем), то все-таки он и только он должен был бы стоять у

лебается, и увлекается мыслью о социалистическом будущем, и пугается традиций революционных сил. Но нужно отметить, что „в ходе развития нет грани между авангардом и этим очень обширным слоем“:[112] передовые отряды все растут, так как уровень масс неуклонно повышается. Интеллигент—агент приобщается к общеклассовому интересу и, хотя и остается беспартийным, по сознанию, уже не может. Гарнолужницкие, бессознательно перерастают в сознательных, а этот слой отчасти переходит к делу и втягивается в сознательный авангард.

135. *Остатки буржуазных классов.* Рядом с этой пролетарской массой стоит техническая интеллигенция, получившая у нас собирательное имя „спецов“. С ней граничат те, кто до революции составлял интеллигентскую аристократию: это предприниматель, помещик, „генерал“ промышленного и финансового мира—директора фирм и банков, заправилы компаний, магнаты дворцов и путей сообщения, талантливые администраторы всех областей. Наконец, еще правее расположились бывшие паразитические слои (помещики, денежные мешки, всех родов спекулянты, ренте, живущие на доход с капитала).

136. *Отношение пролетариата к самому себе.* И вот, наряду с этими группировками пролетарская диктатура должна действовать по трем, или точнее по двум основным направлениям. В общем и целом она есть организованное государственное принуждение. По отношению к рабочему классу, к первой группе она действует как *самодисциплина и самопринуждение*. Понятно, что чем революционнее и сознательнее та или иная группа, тем менее чувствуется принуждение, и, обратно, в наиболее отсталых группах на него приходится наибольшее количество, хотя в действительности государственный пресс давит равномерно, не разбирая, что под ним.

137. Все эти разговоры шептунов о „диктатуре над пролетариатом", все вопли лицемерных „друзей демократии" об „аракчеевщине" и т. п.—все это основывается на замазывании [illegible] и притом, в большинстве случаев, сознательном, *умышленном замазывании действительного существа советской республики.* Не видят или не хотят видеть, что ни когда еще ни одно государство не ставило перед широкими и сильными таких колоссальных задач, таких великих перспектив! Никогда ни где не делалось так много в области народного воспитания, просвещения, оздоровления! И никогда ни одно государство не возбуждало одновременно столько ненависти и непримиримой вражды, с одной стороны,—восхищения и участия, с другой. Но ведь все это вот потому, что речь идет о государстве трудящихся, о государстве, где господствующим, правящим классом выступают рабочие и крестьяне, и то, что делают эти рабочие и крестьяне, они делают *только для себя, исходя только из своих нужд и потребностей.* Самая умная, самая просвещенная и умеренная буржуазия в самом демократическом государстве, делая что-нибудь для подчиненных классов, действует по тому соображению, что [illegible] народа, то потому, что *ей* нужен грамотный рабочий, если заботится о жилищных условиях, о больницах и амбулаторных для [illegible], о дешевых столовых, то потому, что *ей* нужны здоровые и сильные новобранцы и выносливые рабочие. Ей нужно [illegible] с наибольшей выгодой, и все—от детских яслей до парламента—превращается в прямое или косвенное орудие эксплуатации. И каждый дар буржуазии пролетариату сопровождается вычетом, по которому она требует расплаты с шейлоковской точностью и неумолимостью.

138. Диктатура над собой и для себя. В советском государстве пролетариат становится, наконец, господином самого себя, хозяином своих судеб. Он вышел на волю из под своеобразной власти буржуазии. Но разве именно эта воля, понимаемая не по-рабочему, не по-холопски, а по-рабочему, по-пролетарски, не [illegible] долгих усилий, упорной борьбы? Не есть ли [illegible] *Быть самому себе господином, значит—взять самого себя в свои руки.* Батрак, работавший раньше на [illegible], он работает теперь на самого себя. Не значит ли это, что по плану [illegible] и по иному взмахнуть топором? Быть хозяином своей судьбы, значит направить ее по-своему, организовать свою жизнь, по своему, по строгому плану, все предусмотреть и предупредить, *обуздать и дисциплинировать самый случай.* Но ведь это и есть самопринуждение, самодисциплина. Да, с такой точки зрения, с [illegible] пролетариат диктатурствует прежде всего над самим собою, и в понятии диктатуры пролетариата неизбежно заключается диктатура над пролетариатом. Рабочим, сказал Маркс, „придется перенести пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет гражданских войн и битв народов

не только чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих и сделать способными к политическому господству". [113].

118. Отношение к интеллигентским спецам. По отношению к буржуазной интеллигенции пролетарская диктатура действует как принуждение чисто внешнее, как нажим со стороны. Пролетариату она необходима, так как она в большой степени вобрала в себя знания, опыт и технические навыки капиталистического периода. Эту силу он может использовать для своих нужд. Успешность же и плодотворность принуждения в этой группе находится в прямой зависимости от успешности самих принуждения в среде пролетариата. Почему же так?

Дело в том, что буржуазная интеллигенция, как нечто промежуточный, не имеет самостоятельного экономического интереса. Одним концом она тесно примыкает к пролетариату, другим—к собственнической буржуазии, а своей почвы нет. Октябрьская революция сокрушила и снизу часть подпорок, на которых держалась интеллигенция—высшую, владеющую и властвующую буржуазию. Интеллигенция пошатнулась и одной ногой осталась висеть в воздухе. Такое неустойчивое положение она занимала, конечно, и довольно долго. Довольно долго покачивалась она своей головой и туловищем то в сторону Колчака, то в сторону Деникина, ожидая, что кто-нибудь подведет под нее сокрушившиеся подпорки и ноша будет опять стать устойчиво. Но каждый раз не оправдывалась, и болтавшуюся ногу приходилось постепенно подтягивать налево. Теперь она обеими ногами стоит в стане пролетариата, захлестнутая массами уже со всех сторон, и начинается процесс перевоспитания и перерождения пролетариатом этого инородного, но удобрительного, вместе, тела. К последнему времени попытки спецов определялась их неустойчивым бытием: делил ряды отличный пролетариат, и давили и старые навыки, старые привычки к окладному блестящему времени. Сейчас есть уже полная возможность выпрямить это кривое сознание, обработать спецов, уничтожить интеллигентскую

линеицию, как класс, но для этого нужно, чтобы та пролетарская толща, внутрь которой попали эти, сама была на высоте самоорганизации, самопринуждения и самодисциплины.

140 Отношение к буржуазным паразитам. Что же касается третьего элемента—буржуа-паразитов, не участвовавших в производстве,—то они не имеют самостоятельного значения, и пролетарская диктатура не придерживается по отношению к ним какой либо особой тактики. Для существования их не имеется ни смысла ни возможности. Поэтому часть из них, наиболее ценная, или даже просто бесполезная, задохнется в атмосфере советского государства, другая—жизнеспособная в новых условиях—всосется и переработается другими группами.

Во всяком случае, им необходимость соглашений с середняком, не нужда в услугах интеллигента, ничто не отпугивает у Советской власти от рабочего характера и у диктатуры—пролетарского.

141. *Пролетариат и его партия.* И диктатура пролетариата никогда не теряет своей классовой природы от того, что руководящую роль во всех областях государственной жизни и прогрессивно-коммунистическая партия. О роли и значении Р. К. П. будет сказано особо, здесь же нужно отметить то возражение, которое иногда слышится со стороны: в Советской Республике осуществляется, дескать, диктатура не рабочего класса, а коммунистической партии. В такой формулировке, которая часто встречающейся, возражение это не имеет, в сущности, никакого смысла. Можно ли противопоставлять целому классу партию, которая в подавляющем *большинстве* состоит из рабочих и крестьян*)?

*) Противопоставление возможно, но лишь в таком смысле, в каком сделал это т. Ленин в своей речи на заседании 2 конгресса Коммунистического Интернационала: партия и класс „относятся друг к другу, как сознание и объективная масса, или же как сторона и то, которые вместе образуют целое."[11]

Если бы Российская Коммунистическая Партия состояла из интеллигентов—профессоров, адвокатов, журналистов („академиков" как в русских интеллигентных в германских социал-демократических кругах), тогда можно было бы сделать существенное различие между рабочим классом и его вождями. Но ведь этого нет. „У нас в партию входят 600 700 тысяч лучших рабочих, передовой отряд пролетариата,"[115] и диктатура партии устанавливается сама собой, именно как следствие диктатуры пролетариата. Таким образом, *диктатура партии есть, правда и выражение диктатуры рабочего класса*" [116]

112. Тех же, кто возражает и против такого положения, против того, чтобы рабочий класс осуществлял диктатуру через свою рабочую партию, т. е. через своих лучших членов, можно спросить: *какие же существуют иные пути проведения диктатуры?* Их нет. Когда политически сознательный уровень масс достигает такой высоты, что все трудящиеся или пролетарское большинство их, сознают свой классовый интерес и смогут принять участие в управлении государством—это будут уже последние дни государства, и последние дни диктатуры, а следовательно—и всех иных партий, кроме одной партии.

А пока, то, что мы имеем, есть, конечно, диктатура пролетариата.

113. Соблазны власти. Ну что ж, говорят противники пролетарской власти,—тем хуже. Диктатура, террор, насилие—всем этим нельзя пользоваться безнаказанно. Это острое, опасное оружие буржуазии, которым пролетариат отнял, может, поранит своих неприятелей, но и самого себя ранит на смерть. Что хорошего, если в рабочем классе разовьется вкус к насилию, жажда власти? Пролетарии из канцелярии, пролетарский участок, пролетарская квартира все же остаются канцелярией, участком и квартирой, которые годны в полицейских бурбонов чиновных, полицейских и

военных. Мы подождем, мы подождем, и увидим рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, как пролетариат, отравленный ядом власти, вырождается, теряет свою честную простоту, прямую, суровую доблесть, и только не возмем его голыми руками.

141. Как предохранить себя от этой опасности? Не будем обманывать ни самих себя, ни других: опасная опасность с этой стороны, действительно, грозит нам, но и преувеличивать эту опасность значило бы впасть в кармать по—пусту. Пролетарии—это, прежде всего, люди труда. И власть они берут не как дворянство, купец, в теплым местечком чиновник и помещик, а как рабочие, весь смысл жизни которых есть в производительном труд. Нет! Без упоения и без торжества идут они в канцелярии, а как на тяжелую повинность, отрывающую их от главного дела; от казармы же к станку и от станка к казарме одной и с всего один шаг,—это показал опыт недавних дней. Пролетарии, как говорил еще Энгельс, не могут спрятаться ни за какое наследственное учреждение, на котором можно сосредоточиться дворянство, ни землевладельцы, ни владельцы капитала. По этому „четвертое сословие..."*) тождественно со всем человеческим родом".[117] „Каждый другой класс,—говорит Каутский—может при известных условиях ограничиться коаллегированием,— с рабочим классом этого не может случиться".[118] Но для этого *пролетариат и должен сплотиться, как класс*, всей массой со всей массой в государственный руль, не доверяя его ни на минуту в бесконтрольное управление отдельных лиц, как бы высоко ни стояли они по своему уму, опыту, знанию и преданности. Те, которых он выдвинет из своей среды для осуществления государства, должны постоянно

*) Термин „сословие" как будто противоречит нашему времени. Но самый термин применен, конечно, правильно. („К. Маркс" К вопросу философии" Сб. 1908, стр. 142, примечание Ф. Энгельса).

вовать вокруг себя и над собой бдительный контроль народных масс, все шире и шире вовлекаемых в управление, в политику. И массы каждый час должны напоминать им, что государство пролетариата и его диктатура—временны и что *чем дольше тянется период пролетарской государственности, тем не лучше, а хуже.*

При соблюдении этих условий власти нам не страшно. Для исполнения же их у нас есть вполне соответствующий аппарат: Советы.

Глава восьмая.

Представительное правление в буржуазном государстве.

145. Статья первая Конституции определяет: „Россия об'является *Республикой Советов* Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам“ (I, 1). Статья девятая присовокупляет, что диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства осуществляется „в виде мощной *Всероссийской Советской власти*.“

Советы суть органы пролетарской диктатуры в России. Поэтому, нужно рассмотреть сначала, что, собственно, разумеется под словами „Республика Советов,“ и что **являют собой самые Советы.**

Советская Республика есть, по-видимому, новый вид государства. Этот вид возникал в процессе революции постепенно и с трудом; возникнув, он с каждым днем подтверждает свою жизненность: пролетарское государство может быть только республикой и диктатурой власти. Но чтобы понять это, нужно сравнить этот вид **государства с другими.**

146. Монархии и республики. Издавна принято в науке удобнее всего распределять и классифицировать государства с двух сторон: по форме правления и по государственному устройству. По форме правления государства распадаются на два основных разряда: монархии и республики. В первых глава государства — монарх, который свою власть, наследственную в его роде, основывает не только на „божьей воле“ или „божьей милости,“

но и на „в ле народа". Короли бельгийский и итальянский даже свои манифесты и торжественные об'явления начинают так: „Мы, божьей милостью и волею народа"... Господствующий класс в монархии, будь то родовитая знать или буржуазия, старается внушить подчиненным классам, что государственная диктатура в ей власть, власть общенациональной, всенародной, справедливой и беспристрастной. И в действительности, все, кроме так называемого пролетариата, хорошо знают, что *государь есть просто первый полицейский или первый капиталист.*

В республике же единственным источником власти называет народ. Тут уже нет „помазанника божия", и господствующий класс—об'явивши, что вся буржуазия—старается уверить подчиненные классы, что все должностные лица, начиная с президента и кончая мелким чиновником, только поверенные в народе, в обществе. И в их отношении трудящимся классам, как и в монархии так и в республике, подсовывает труха. Утешения ради в монархиях поясняют, что монарх властвует потому, что это угодно высшим силам, и до тех пор, пока эти силы угодны,*) а на известном расстоянии от Европы, в соседней стране, в республике, там же буржуа господа поучают, что президент правит потому, что это хочет народ, и до тех пор, пока того хочет народ. Конечно, и то и другое ложь. Но ложь первая уже и для тогдашнего „простолюдина" ясна, тогда как вторая еще сладостно манит своими ужасами.

IV. Абсолютизм. По государственному устройству их можно различать: 1. Абсолютизм, 2. Парламентаризм,

*) И в новейшее время идея божественности верховной власти далеко не умерла в буржуазных умах. Пример: ультрамонархическая Германия: так „при Вильгельме II парламентаризм резко выступил в тесной связи с искусственно раздутой идеей божественного происхождения власти" (К. Фромм. Монархия или республика. Изд. общ. Просв., стр. 135.)

3. Народоправство. В абсолютных или самодержавных монархиях государь—не только глава государства, но и единственный источник власти. Так, впрочем, бывает лишь по букве закона или, как иногда выражаются, юридически. На деле же неограниченных монархов нигде и нигде не было: всегда самодержавного государя окружает группа людей—придворная клика, которая, — которая отражает интересы известной части населения, и с этой группой монарх не только считается, но и очень часто служит простым орудием в ее руках. Старые дворяне говаривали: если король творит нашу волю, то пусть он называется хоть и самодержцем.*) Тем не менее, нигде в законе это ограничение власти монарха не закреплено.

149. Конституционное государство. Уже на парламентаризме руководящая роль принадлежит законодательному учреждению („парламент" в Англии и во Франции, „Конгресс"—в Америке). Это учреждение слагается обыкновенно из двух частей, называемых верхней и нижней (сенат и палата депутатов во Франции, Америке, Италии, палата лордов и палата общин—в Англии). Одно избирается. Избирается всем, якобы, населением, но, в действительности, только более или менее незначительной частью населения. Верхние палаты, кроме того, в монархиях замещаются и по назначению монарха.

Монархии, в которых источником власти, кроме монарха, считается еще парламент, называются, обыкновенно, монархиями конституционными. Существенный признак конституционного государства: необходимость согласия народных представителей на издание закона.

149. Дуализм и парламентаризм. Среди конституционных государств принято различать два типа; страны, где законодательная власть—парламент—преобладает над исполнительной—правительством с монархом или президентом во главе, называют обыкновенно парламентарными государствами; там же, где корона или президент больше

*) Und der Kaiser absolut, wenn er unseren Willen thut.

парламента, и министры перед ним не ответственны, на лицо дуалистический строй. Дуализм*) вовсе не является, как думают некоторые, переходным этапом на пути от самодержавия к парламентаризму. [128] Не надо забывать, что борьба идет не столько между короной и парламентом, сколько между министерством и парламентом. В Англии и Франции, бывшие до конца 90-х годов XIX столетия типичными странами, в конце XVIII ст. и начале XX-го дела в ряде случаев зрелище решительного перевеса кабинета министров над парламентом. В то же время С.-А. С. Ш., где власть президента весьма обширна, где министры (называемые секретарями) ответственны только перед ним, где конгресс давно превратился в весьма неуважаемое собрание болтунов и интриганов, сильно приближается к дуалистическому типу. Таким образом, парламентарными и дуалистическими могут быть не только монархии, но и республики. [129]

б) Непосредственная республика. Народоправство мыслимо лишь тогда, когда народ принадлежащую ему верховную власть осуществляет не через президента или представительное учреждение, а сам непосредственно. В условиях капиталистического строя с его классовыми противоречиями, централизацией и бюрократией, такая система вообще невозможна. Если она и держится, то лишь в крошечном уголке Европы, в деревенских патриархальных областях Швейцарии. Здесь в кантонах (так называются самоуправляющиеся части швейцарской союзной республики)**) все мужчины, достигшие 20 летнего возраста, сходятся в определенное время в определенное место. На народное собрание, где решают законодательные, административные и судебные дела и избирают некоторых должностных лиц на время (в отдельных кантонах годичное) обретают***).

Таким образом, по своему государственному устройству кантоны могут быть самодержавными и представи-

*) Этот термин введен, повидимому, Гнейстом.

**) Ури, Унтервальден, Аппенцель и Глярус.

***) В здесь это, конечно, пережиток прошлого, от которого другие кантоны уже освободились. (См. С. А. Котляревский. **Власть и право, М. 1915, стр. 249).**

тельными (конституционными), республики — представительными и непосредственными.

151. *Народ в представительном государстве.* В настоящее время самодержавных монархий не существует. Непосредственных республик, как целостных независимых государств, тоже нет. Остаются конституционные монархии и представительные республики. С какой стороны нам интереснее всего рассмотреть их? Конечно, со стороны участия так называемого народа в законодательстве и управлении. Всякое государство в наше время так или иначе опирается на массы. Народ в той или иной форме признается верховным, законным владыкой—„сувереном".

Принцип народного суверенитета, будучи раз выдвинут великой революцией, приобрел в дальнейшем огромное значение. Он, по замечанию Эмеля, „мало-по-малу обошел весь мир". „Своей силой он обязан тому, что представляет собой идею простую, отвечающую также коренящимся в глубине человеческой души инстинктам справедливости и равенства. В сущности, он сводится к очень простому положению: суверенитет у данного народа принадлежит всей нации, взятой как целое, и не может принадлежать кому-либо..."[121] „Нации, взятой как целое". Сила идеи конечно, не в ней самой и не в „инстинктах справедливости и равенства", а в экономическом значении того класса, который сумел отождествить себя с нацией и свой частичный интерес выставить интересом целого.

В Америке, в новой республике — Северо-Американских Соединенных Штатах — федеративной, т. е. союзной, конституция была издана в 1787 году от имени „Народа Соединенных Штатов". Отдельные конституции швейцарских кантонов определенно говорят о том, что суверенитет—верховная власть—принадлежит народу. Бельгийская конституция 1831 г., как и Женевская 1864 г., объявляет, что все власти исходят от народа.[122] В Англии, в случае прекращения династии—царствующего дома—новую королевскую власть может привести лишь народное представительство.[123] То же по конституциям Бельгии, Голландии, Испании, Сербии и Греции.[124] Одним словом, всюду господствующее меньшинство прикрывает свою власть

оженем народа. Властвовать одним именем бога, как это делалось раньше, стало невозможно уже с тех пор, как единый буржуазный мыслитель Гуссо разъяснил, что если всякая власть от бога, то от него и всякая болячка, а его младший современник в Германии Фихте объявил, что бог допускает власть государя так, как он вообще допускает козни дьявола. Поэтому, командующий класс счел более удобным властвовать от имени народа, и священное право королей было перенесено на народ.

162. *Распыление народа на отдельных личностей.* Что такое народ этот есть, по учению буржуазии, собрание неопределенных единиц, личностей, „равноценных индивидов". Эти равноценные индивиды* могут, желают, отличаться друг от друга по своему имуществу, или образованию, или развитию, но как люди, как „человеки", они все равны, и каждый зависит только от самого себя, своей способностей, своего труда и своей удачи. Иного условия не могло выставить буржуазия, когда вышла на арену общественной и политической господствующего класса. Рынок, базар, торжище—вот то место, где формируется общественное сознание буржуазии, где создаются ее идеалы. *Товар все место—настоящая родина свободного мыслителя.* На рынке все равны. Здесь не признаются ни кровные связи, ни дружеские скрепы, ни сословные, ни общественное положение. Здесь сталкиваются чужие, равные и свободные люди, стоящие друг перед другом в холодном и жадном расчете: дорого продать—дешево купить. Изобретенный капитализм молодой буржуазии основался на всеобщей хозяйственной связи всех, на соревновании, на свободной конкуренции. Человек был извлечен из рамок сословия, из тесных пут цеха, из многочисленных кровных союзов, которые обезличивали его, лишали индивидуальности и. Натуральное хозяйство с его неподвижными формами рассыпалось

* Латинское слово „индивидуум" можно перевести „неделимое".

и из него-то и вышли эти массы сов атольных и самостоятельных единиц, борющихся за экономическое счастье и личный успех.

153. *Индивиды—основа буржуазного государства.* И все государство буржуазии, как и ее хозяйство, целиком построилось на индивиде. К разумному, сознательному индивиду, к личности, сознающей свой долг перед обществом, воззвала буржуазия, когда ей для защиты ее экономических потребностей понадобилась вооруженная сила. Эту вооруженную силу дают не отдельные сословия города, местности, сословия и народы, уравненные индивиды, без различия происхождения, религии, национальности, состояния. Не чтобы властвовать, буржуазии чуждо и чин ванчество. Сложная и громоздкая система капиталистического хозяйства, полного внутренних противоречий, потребовала мудреного и запутанного государственного аппарата. Новые должности требовали самостоятельности и инициативы, для руководства администрацией и законодательством нужна была творческая личность, огромные средства централизованного государства могли быть использованы и направлены лишь с помощью массы специальных и особых знаний, индивидуального опыта и индивидуального почина—для всего этого понадобился непрерывный приток свежих сил, непрекращающаяся помощь самого населения, сгруппированного по отдельным самодовлеющим индивидам. С их помощью властвует экономически сильнейший.

154. *Необходимость представительства.* Хозяйственные нужды буржуазии породили идею народных прав и народного верховенства вместе с идеей личности. Те же экономические условия произвели на свет и народное представительство. Буржуазное государство стремится более или менее к централизации, к сосредоточению законодательства и управления в одном месте. Но буржуазная бюрократия хочет управлять страной так, чтобы нужды отдельных областей и наиболее важных го-

государственных вопросах урезать,—инициатива в этих вопросах должна исходить из центра. Вместе с тем, капиталистическое развитие характеризуется образованием больших государств: буржуазное государство стремится расширить свои пределы за счет ближайших соседей, или приобретая в лоно в отдаленных мал культурных странах. При этих двух условиях непосредственное народное управление в большинстве случаев невозможно: граждан какой—нибудь Франции или Америки нельзя от времени до времени собирать в одно место, где они сами все вместе решали бы дела законодательства, управления и суда; раздробить же эту Францию или Америку на ряд маленьких общин и собрание граждан каждой такой общины предоставить право разрешать вопросы не только местного характера, но и касающиеся всего государства, всех общин,—тоже нельзя: это значило бы уничтожить современное государство крупного капитализма с его растущей централизацией и концентрацией производства. Так как, следовательно, непосредственное народное законодательство недостижимо в буржуазном государстве, а народ все более вовлекается в сферу капиталистической хозяйственной деятельности, в экономическую сопряженность свободных индивидов, и признается главным хозяином своих судеб, то остается прибегнуть к представительству, как к единственному средству познать волю народа, знаменитую общую волю.

Представительство—наиболее распространенная форма участия народа в государственном управлении. Она состоит, как сказано выше, в том, что население страны непосредственно из своей среды избирает депутатов—народных представителей. Каждый из них считается представителем всей страны, всего общества, выразителем общих интересов целого. Они организуются в постоянные учреждения, известные под общим названием парламентов, через которые народ призван осуществлять свое право управлять собою.

155. *Народная воля и народное представительство. Руссо.* Она о, признав представительную систему и распространив ее по всему культурному миру буржуазия тем самым признала, что подлинную народную волю она в своих государственных учреждениях не в состоянии выявить. В признании и признании представительства заключается *основной подлог буржуазии*, обман, жертвой которого и здесь широкие массы. Этот подлог политически вовлекает эти массы в невыгодную сделку.

Ибо тот, кто еще полтора века назад возвел теорию народного верховенства, народного суверенитета, и провозгласил, что выражением этого суверенитета служит общая воля народа, был решительным противником представительства.

„Верховная власть", настаивал Ж.-Ж. Руссо, „не может быть представлена по той же причине, по которой она не может быть отчуждена. Ее существо состоит в общей воле, а воля не допускает представительства: она либо та же самая, либо другая, середины нет. Депутаты народа, следовательно, не его представители и не могут ими быть. Они только его приказчики: они ничего не могут решать окончательно. Всякий закон, не одобренный самим народом, не имеет значения. Это даже не закон. Английский народ воображает себя свободным, он сильно ошибается: он таков лишь во время выбора в членов парламента: как только они избраны, он раб, он ничто. В короткие время своей свободы, он делает из нее такое употребление, что заслуживает ее потерять"[125].

156. Кризис народного представительства. а) Монтескье. Тем не менее, все эти справедливые протесты и предупреждения остались втуне. Суверенитет народа и его воля буржуазии приняла беспрекословно, видя в них чудесную ширму, за которой можно будет обделывать все свои дела. Способы же применения этого суверенитета и этой воли она усвоила те, которые рекомендовал другой ее идеолог, оказавшийся более практичным и менее принципиальным. — За почти сто лет до „Общественного договора" (1762) появилось произведение Монтескье „Дух законов" (1748). Признавая верховное право народа управлять самим собою, Монтескье подчеркивал, однако, его неспособность делать это

ни в больших ни в малых государствах и настойчиво выдвигал систему представительства.

„В виду того, что в государстве свободном всякий человек, за которым признается свободная воля, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать всему народу. Но т-к. в больших государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, что он не может делать сам".[126]

157. б) Сийэс. Когда же буржуазия великой революцией была приведена к политической власти, то первым по времени хитрым фальсификатором, отражавшим затаенные нужды и стремления нового господствующего класса, выступил священник Сийэс, „отец теории народного представительства". Этот духовный отец в знаменитой речи, произнесенной 7 сент. 1789 года в Учредительном Собрании, благородно заявляет, „что нельзя отказать в звании гражданина и в гражданских правах этой толпе без образования, которая всецело поглощается вынужденной работой....", но это отнюдь не знаменует необходимости призвать к власти эту невежественную толпу непосредственно:„... граждане могут доверяться некоторым из своей среды; не отчуждая своих прав, они поручают другим осуществлять их; ради общей пользы они назначают представителей, гораздо более, чем они сами, способных знать общий интерес и сообразно с этим истолковать их собственную волю".

А в самом конце XIX ст. большой мастер этих дел, профессор права Эсмен уже во всеоружии опыта и науки воскрешает аргументацию аббата Сийэса: непосредственная демократия (по Сийэсу „истинная демократия"!) уже потому неприемлема, что огромное большинство граждан, будучи вполне способно выбирать представителей сообразно с их известными убеждениями и направлять, т. о. законодательство и управление, неспособно производить оценку законов или законопроектов, которые были бы подвергаемы его рассмотрению. Ему недостает для этого, как указывал Сийэс, двух необходимых условий: образования, чтобы понимать эти проекты, и досуга, чтобы их изучать"[127]. Подчиняться же законам, изданным командующим классом, массы—стадо баранов—могут и не зная их и не понимая. Такой неизбежный вывод.

158. *Таким образом, верховенство народа и его воля остались пустым звуком.* Разве могу я поручить другому осуществить мое право управлять собою? Это так же странно, как если бы я поручил кому-нибудь осуществление моего права дышать воздухом. Воля не допускает представительства. „Руссо совершенно прав,—говорит Еллинек,—нельзя желать за другого, столь же мало, прибавим мы от себя, как нельзя за другого есть или пить."[128] Но в течение всего XIX ст. все эти тонкости оставались, конечно, скрытыми для народных масс. Завороженное трудящееся большинство блестящей и великодушной формулой народного самодержавия, *правящее меньшинство захватило в позорный плен народную волю.* Предвидение Руссо оправдалось: народ стал рабом. Массам сказали, что законодательное собрание представляет их собственную, высокую и священную волю. Но в то же самое время уже Сийэс об'явил Национальному Собранию, что это оно *создает* народную волю. Представители народа должны были, по действительному замыслу буржуазии, отыскивать, находить народную волю личными стараниями за свой риск и страх.

159. *Как подделывалась народная воля.* Шаг был сделан, и тогда за первой и главной передержкой пошел ряд других: народные представители стали не избираться, а подбираться разнообразными хитрыми способами. Буржуазии нужно было обеспечить себе таких народных представителей, которые бы послушно искали и успешно находили потребную ей—буржуазии—народную волю. А это делается путем многочисленных и многоразличных ухищрений избирательного механизма. Для этого и провозглашено было, что „мы все одинаковые люди, но не одинаковые члены общества", и что, „у кого нет собственности, тот не гражданин"*. Уже эти откровенные за-

*) „Все могут пользоваться выгодами общества, но только содействующие общественному устройству суть как бы настоящие ак-

явления повели к таким ограничениям избирательного права, что Робеспьер по справедливости усовещивал зарвавшуюся буржуазию, говоря ей: сам Руссо не мог бы ни избирать ни быть избранным, живи он в наше время. В искусстве этих ухищрений, подлогов и передержек буржуазия с тех пор сделала великие успехи: даже всеобщее избирательное право сумела она превратить в орудие порабощения масс! Но об этом—в своем месте.

160. *Общественное мнение, как источник народной воли.* Допустим, все же, что это правильно и хорошо. Зачем слепо придерживаться невыполнимой теории? Руссо был утопист. Общая воля не обнаруживается так, как он думал. Она и не передается, т.-е., не представляется.

Что же делать! Народу этого сказать нельзя, его полезно держать в приятном заблуждении. А тем временем нужно поручить народным представителям угадывать волю народа. И если они угадают верно, то и задача решена. А для угадывания есть отличный путь, говорит буржуазия,—это общественное мнение. Именно, общественное мнение и подсовывается депутатам парламента в качестве той кофейной гущи или бобов, на которых так удобно гадать. Общественное мнение—это думы, чувства и речи народа. От Мирабо до Эсмена оно единогласно признается источником общей воли, „суверена законодателей". Стоит только депутату причаститься тайн из этого источника, и уж он вдохновится свыше и почует общую волю.

161. *Как оно создается.* Однако, общественное мнение, если присмотреться к делу, обладает такими чер-

---

ционеры общественного предприятия. Они одни суть подлинные активные граждане, подлинные члены общества". (Доклад Сийэса в конституционной комиссии национального собрания 20 июля 1789 г.)—„Страна, управляемая собственниками, живет в социальном строе; страна, в которой управляют не имеющие собственности, находится в естественном состоянии" (Доклад Буасси д'Англа в конвенте 5 мессидора III года).

тами, которые сводят на нет его благодетельную роль. Ведь в буржуазном обществе твердо действует то самое обстоятельство, которое, по Сиэсу, мешает водвориться непосредственному народному правлению: массы не имеют ни способности ни досуга вырабатывать собственные, самостоятельные взгляды на вещи. Поэтому, огромное большинство граждан механически усваивает те мнения и выводы, которые вокруг высказываются чаще и громче. Кто же громче и назойливее всех подает голос? Конечно, профессиональные политики, искушенные дельцы, ловкие журналисты, ученые профессора, опытные и неутомимые ораторы, те же депутаты парламентов, вообще — люди денег и власти, по указке которых выступают и наука, и пресса, и парламенты. Общественное мнение создается. Но создается оно *не на фабриках и заводах, не в мастерских, не в крестьянской избе, не в местах скопления трудовых масс*, а в кабинетах дельцов в редакциях газет, в глухих и тесных кружках правящего класса. Оттуда оно выносится на улицу, распространяется миллионами листков, провозглашается с ораторских трибун и ученых кафедр, снабжается рекламой авторитетов, и погуляв и покружившись, попадает в парламент в качестве „гласа народа", народной воли, общей воли!

162. Кем и как общественное мнение осуществляется. В образ е него общественного мнения трудовой народ не участвует вовсе. Но даже и имущие классы — средняя и мелкая буржуазия, рядовая интеллигенция — в массе своей повторяют лишь то, что им вдалбливается вожаками, так называемыми руководителями общественного мнения. Но если бы даже допустить, что в общественном мнении сказываются действительные желания народа, то ведь народ никогда „не в состоянии указать, каким способом и в какой форме должны быть исполнены эти желания"[129] Так-что проведение в жизнь этих желаний во всяком случае легало бы на командующих

классах или даже лицах, а уж они—то всегда нашли бы полную возможность изыскать такие средства и приемы достижения поставленной народом цели, которые исказили бы самую цель. Суть вовсе не та, что общественное мнение непрочно, неустойчиво, неясно, неполно, как думают буржуазные исследователи, решающиеся сказать правду об этом деле,[130] а та, во-1-х, что источник его не в массах, а в незванных руководителях масс, и та, во 2-х, что осуществление его заданий, во всяком случае, в руках этих же руководителей.

163. Что такое общественное мнение? Джемс Брайс—автор, по мнению которого в Сев.-Америк. Соед. Штатах существует настоящее народовластие. „Едва ли можно указать более точное практическое применение принципа, что народу принадлежит верховная власть. Эта власть принадлежит в С. Ш. всей совокупности граждан почти так же непосредственно, как она принадлежала народным сходкам в Афинах или в Сиракузах".[131] Нет, следовательно, основания заподозривать этого почтенного буржуа в предубеждении к буржуазному строю и в тенденциозном извращении фактов. Однако, не без сочувствия цитирует он Роберта Пиля, говорившего о той „густой смеси безрассудства, слабодушия, предрассудков, дурных чувств, хороших чувств, упорства и газетных заметок, которая называется общественным мнением".[132] В самом деле, „лишь небольшая часть убеждений, с которыми заурядный гражданин приближается к избирательной урне, выработана им самим..... При внимательном анализе этих воззрений окажется, что они состоят из двух или трех предрассудков, из двух или трех предубеждений в пользу какого-нибудь вождя или какой-нибудь фракции политической партии, из двух или трех фраз, которые повторяются без предварительной проверки". И если это не вполне верно по отношению к людям, специально занимающимся политикой, то не менее применимо „к людям занимающимся торговлей и различными профессиями, чем к рабочим классам, потому-что ни те ни другие не имеют ни достаточно свободного времени, ни достаточных познаний для того, чтобы вырабатывать самостоятельные убеждения".[133] В результате, по словам Брайса, девятнадцать человек из двадцати не создают, а только воспринимают и распространяют общественное мнение. По и относительно так называемых органов общественного мнения он придерживается достаточно нелюбезного взгляда: стоит лишь отметить его сравнения прессы с дворовой собакой и с флюгером.[134] „Органы общественного мнения чрезвычайно многочисленны, и каждый из них выдает свои собственные мнения за мнения народа. Подобно всем другим ценным

предметам, и общественное мнение подвергается различным поддел кам"[133]. К кому прислушиваться в этом хоре оглушительных голосов? Немудрено, что парламент, которому предлагают руководствоваться общественным мнением уподобляется царю Додону из „Золотого Петушка", решившемуся под гаянием бояр прибегнуть к гаданию. Но на чем гадать? „Гуща лучше!"—кричит одна партия. „Боб вернее! На бобах оно видней!"- перекрикивает другая. И парламент, махнув рукой на хаотическую гущу народных мнений, вверяется видным бобам крикунов и аферистов, делателей общественного мнения. За всеми напыщенными речами о народном верховенстве и народной воле, раздающимися в парламентах и вне их, скрывается то брезгливое мнение о народе, которое превосходно формулировал Бэджгот: в думы народа вникать бесполезно, ибо „он думает мало, но это малое—дурно".[136]

164 Не трудно видеть, что этот, в сущности, единственный источник народной воли—общественное мнение—никуда не годится. В представительных учреждениях народа *народная воля блистает отсутствием.* Прошел небольшой срок со времени распространения в Европе представительной системы, а уж Милль (в 1859 г.) принужден был с тихой грустью сознаться, что слова „самоуправление„ или „народное самоуправление" остаются только словами. „Народная воля, кроме того, представляет собой в действительности только волю более многочисленной или более деятельной части народа, волю большинства, или волю таких людей, которым удается заставить признать себя за большинство."[137] Понадобились, однако, еще пятьдесят лет, чтобы наиболее трезвые из буржуазных ученых оказались близки к сознанию, что *единой общей воли вообще не может быть в классовых обществах.* Простая азбучная истина, что „классы нельзя помирить, как нельзя помирить волков и овец", и что поэтому „общей овечье-волчьей воли быть не может"[138] становится ныне доступной и их пониманию*) и нас не это интересует. Важно видеть и знать, что если бы и существовала такая общая воля, то *не парламентам, не буржуазным представительным учрежде-*

*) См. § 125, выноску.

нялм воплощать ее. Они не в состоянии и открыть ее. Для этого у них нет ни средств ни желания, главное— средств.

165. Лишение народа власти. И в тесном кругу буржуазных государствоведов поняли и это. Народу еще продолжают твердить, что он суверен, владыка, что его непререкаемая воля чудесным образом переселилась в парламент и там безвыходно обитает, но в ученых трактатах, недоступных „черни непросвещенной", говорят уже о представительстве не воли, а власти.... „воля не передается. Эсмен и не утверждает, что воля передается; он говорит о передаче власти, а не воли"[139]. Пятьдесят лет тому Бэджгот, один из лучших знатоков английского государственного права, заявил, что сущность народного правления заключается именно в присвоении выборными людьми верховной власти, действительной власти.[140] Но определеннее всех выразился другой англичанин, современник Бэджгота, лорд Брум (Brougham). По его мнению, весь смысл народного представительства—в лишении народа власти. Эта передача власти, это разлучение народа с властью, и есть главная *цель и назначение* представительных учреждений.[141*])

166. Выводы. Это очень правдоподобно и очень важно. Итак, общей воли не существует. Если бы она суще-

*) Впрочем, Еллинек в своем курсе, написанном в 1900 г., признает подобного рода мнения ересью. По его свидетельству, господствующей в современной юридической литературе остается та конструкция, по которой „воля парламента есть непосредственная народная воля". „.....член палаты есть представитель всего народа. Это юридически означает не что иное, как только то, что он есть член коллегии, воля которой есть воля народа, что, стало быть, воля его должна быть рассматриваема исключительно как один из элементов, образующих народную волю". (Еллинек, общ. уч. о гос., стр. 386—388). Это не помешало тому же Еллинеку шесть лет спустя особо подчеркивать невозможность представления воли (см. выше. § 157). Впрочем, господа юристы делают тонкое различие между реальным положением дела и юридическими построениями....

ствовала, парламенты, все же, бессильны были бы ее выявить. Народный суверенитет сказывается побасенкой для усыпления масс. Власть берут себе депутаты и распоряжаются ею по своему усмотрению. Народ продает свое верховенство. Но получает ли он за это хоть чечевичную похлебку? Что дают народу его представительные учреждения в обмен за власть, которую у него выманили? Чем являются на практике те учреждения, которые теоретически, как мы видели, не имеют никакого права на существование?

167. *Парламентское правление.* Для этого полезно ознакомиться хотя бы сколько с состоянием представительных учреждений в государствах парламентарных. Здесь по общему правилу законодательная власть—палата—возвышается над исполнительной—министрами,—таким образом, что законодательной власти обеспечивается, как будто, возможность постоянного контроля над исполнительной. Достигается же это, якобы, тем, что признается ответственность министров перед палатой. Если в палате одерживает верх течение, враждебное политике данного министерства („вотум недоверия"), последнее, по общему правилу, должно уйти в отставку, и составляется новое из парламентского большинства, т. е., из представителей той *партии*, которая в данную минуту задает тон в парламенте. Казалось бы, что при таком устройстве палата, действительно, полновластна. Законодательство и контроль над управлением находятся, как будто, всецело в ее руках. Что же получается на деле?

Трудно перечислить все справедливые *упреки и обвинения, которые сыпятся на парламентское правление* со стороны буржуазных же ученых и политиков. Имеем ли мы дело с французской палатой депутатов, или с английской палатой общин, или с другим каким-нибудь парламентом, везде нарекания, в общем, одни и те же. Парламент не в состоянии ни законодательствовать, ни

контролировать управление, ни, вообще, заниматься чем-нибудь путным.

168. *Сложность задач современного государства.* Современное государство с каждым днем становится все сложнее. Хозяйственная жизнь требует от него все большего вмешательства. Все новые области общественной жизни захватываются государством с целью подчинить их своему руководству и наблюдению. Уже Маркс более полу-века назад, говоря о французском государстве, отметил его стремление все проникать собою, контролировать, регулировать, охранять и опекать,[142] делать предметом правительственной деятельности все „начиная с мостов, школьных зданий, коммунального имущества деревенских общин и кончая железными дорогами, национальными имуществами и университетами“[143]. С тех пор прошло много лет, и функции государства непрестанно росли с каждым годом. С одной стороны, расширялись те задачи, которые капиталистическое государство унаследовало от феодального, с другой—выросли новые из самого капиталистического способа производства. „Достаточно вспомнить все то, что в настоящее время входит в область политики только: банковая политика, колониальная политика, таможенная политика, железнодорожная политика, социальная политика, как охрана труда, страхование рабочих, попечение о бедных и т. д. и т. д.“[144] К этому надо присоединить исключительный рост с начала XX века государственных монополий, каковы табачная, соляная, винная, спичечная, и тогда будет ясно, что перечень, данный Марксом, следует продлить гораздо дальше.

169. Вот любопытный *опыт такого перечня,* заслуживающий того, чтобы его привести целиком. „Приходишь в замешательство, когда подумаешь о той массе интересов и людей, которые зависят от министров. В Франции они располагают, прежде всего, суммой в три миллиарда, превышающей кадастровый доход всех земель. Кроме того, они контролируют бюджеты общин, департаментов и благотворительных заведений, которые достигают еще доброго миллиарда. Они содержат ре

гламентируют и надзирают за общественными школами всех родов и степеней и держат, таким образом, в своих руках образование, т. е., будущность страны; они назначают епископов и одной рукой выдают жалованье служителям духовных дел, а другой—полуголым танцовщицам, упражняющим свою грацию в театре Оперы; они содержат институты, академии, обсерватории, лаборатории и поощряют литературу, искусства и науки; они определяют, сколько гектаров земли будет засеяно табаком, сколько каждый гектар будет иметь кустов и каждый куст сколько листьев, и с этой целью они назначают специальных инспекторов, обязанных считать все это; это одуряющее снадобье они продают в привиллегированных бюро, куда назначают 6 сочисленных агентов, рассеянных по всей стране; они пересылают письма, телеграммы и ценности, для чего требуется опять целый легион чиновников; они сооружают обыкновенные и железные дороги, роют каналы и гавани при помощи многочисленного штата инженеров; они эксплуатируют государственные леса, разводят леса на возвышенных местах и надзирают за лесами частных владельцев, содержа для этого целую администрацию; они заведуют фарфоровым производством в Севре и ковровым в Гобеленах; путем таможенных пошлин, акцизов и премий покровительствуемым ремеслам они определяют направление труда во всех отраслях производства, а для того, чтобы воспрепятствовать всякому продавать, покупать и производить, сообразуясь только с собственной выгодой, им нужны еще целые легионы чиновников; они выбирают директора центрального банка, который задает тон всему кредиту; они открывают библиотеки, архивы, консерватории, для которых нужны библиотекари, их помощники, архивариусы, их помощники, кандидаты, комми, привратники и пр.; от них зависят и с их разрешения действуют менялы, аптекари, нотарпусы, винооторговцы; они определяют, на каких условиях и по каким экзаменам можно сделаться адвокатом, доктором, профессором, учителем и инженером, береговым или заставным сторожем; они держат в своих руках весь суд, т. е., основу, на которой покоится собственность, семья, общественная безопасность, словом—все социальное здание, они содержат тюрьмы, пенитенциарные колонии, исправительные учреждения, для которых нужны опять целые батальоны должностных лиц, получающих жалованье от государства. Все ли я сказал? Нет. Но так как нельзя до бесконечности продолжать это, и без того весьма длинное, перечисление, то я укажу еще только на армию и флот.... Войдите в любую семью, и вы увидите, какое множество ее интересов зависят от решений публичных властей: отпуск или отставка ратника, экзамены, назначения, применение тарифа, открытие дороги, премии и всевозможные милости. Следовательно, то, что называется правительством, держит в своих руках настоящее или будущее большей части граждан"[163].

170. Неспособность парламентов. Перед такими многоразличными задачами, как общего, так и чисто специ-

ального характера, парламент—толпа людей, набранных с бору да с сосенки, оторванных от жизни и от избирателей—оказывается совершенно беспомощным. „Парламент обременен,—говорил Гладстон *),—парламент почти подавлен".[116] Он просто не в силах справиться с массой дел, подлежащих его ведению! В тех случаях, когда на палату найдет трудолюбивый стих, и она захочет выполнять свое назначение—законодательствовать, результаты ее трудов таковы, что лучше бы ей, по мнению буржуазных знатоков дела, бездействовать.[117]

171. *От деловой работы—к болтовне и интригам.* Разочарованный, усталый, чувствуя невозможность овладеть гигантским государственным механизмом, парламент после первых же попыток в этом направлении ставит крест над деловой работой и переходит к своей родной стихии—к бесконечным разговорам, прениям, речам, парламентским скандалам, а иногда и к парламентскому мордобою. А это, понятно, создает еще более твердую почву для того всеобщего недовольства, которое возбуждают на западе представительные учреждения. *Все зло, все неустройство буржуазного государства приписывается вине парламентов.* На них обрушиваются за то, что они, сами ничего не делая, мешают производительной работе министров, устраивая слишком частые смены правительства. Парламенты вносят смуту![118] Они повергают государство в анархию! Анархия,—говорит Шарль Бенуа,—вот зло современного государства. Анархия, которая чувствуется повсюду, глухая, всепроникающая, разлитая по улицам![119] Что же удивительного, что, „авторитет и сила парламентских учреждений *везде* падают?"[120 **].

*) Знаменитый английский министр XIX века.

**) Литература, посвященная кризису представительного правления, вообще, и парламентаризма,—в частности, почти необозрима. Перечень имен и сочинений занял бы непомерно много места. Довольно полную сводку можно найти в работах, на которые сделана ссылка в тексте.

172. Парламент в Англии. Эта общепризнанная никчемность парламентских учреждений, не просто бесполезных, а приносящих определенный вред народам и государствам, не остается, конечно, без важных последствий. Ближайшее и важнейшее из них—это переход фактической власти и силы от депутатов и парламентов к совсем другим лицам и учреждениям. Раньше и резче, чем где бы то ни было, переход этот совершился в Англии, стране, которая всегда служила образцом парламентарного правления и славилась своими примерными конституционными нравами, правами и обычаями. Как часто и теперь недобросовестными слугами буржуазии повторяется знаменитое изречение*) о всемогуществе британского парламента: парламент только одного не может—женщину в мужчину превратить!

На что уж солиден, светуч и учен был М. М. Ковалевский, а и у него читаем следующие строки: „Таким образом, все более и более оправдывается суждение елизаветинского судьи Кока о всемогуществе английского парламента в его трехчленном составе: короля, лордов и общин. Из этих трех участников в осуществлении государственного самодержавия наиболее сильным некогда был король, затем лорды, в настоящее время общины".[151]

173. Потеря власти. Между тем, ряд ученых и государственных деятелей конца XIX и начала XX веков подчеркивают характерную перемену, уже происшедшую в Англии: и лата „скорее походит на орган, регистрирующий декреты правительства, чем на законодательное собрание"![152] Один из новейших исследователей дела, англичанин Лоу, утверждает, что если бы по какому-нибудь чуду палата исчезла, то ничего бы в сущности не изменилось.[153] Оказывается, что главная функция палаты—законодательство—прекратилась. *Она уже не законодательствует.* Она лишь рассматривает законопроекты, предлагаемые ей со стороны, причем это рас-

*) Приписываемое то Коку (XVII в), то швейцарцу Делольму (кон. XVIII в.)

смотрение—чистая проформа: сколько бы в палате ни разговаривали, на действительное течение государственных дел парламентские разговоры не оказывают никакого полезного влияния. Но этого мало. Такое существенное право палаты, как распоряжение народным достоянием, финансовый контроль, тоже упразднено. Обсуждение расходов, напр., на армию и флот превращено в „известную комедию"![134] Неудивительно! Где же „народным избранникам" справиться с кучей технических подробностей, из которых состоит бюджет, государственная роспись доходов и расходов?

174. *В других странах дело обстоит не лучше, а хуже.* В „великой демократической республике" Америки парламент превратился в скопище „невежественных политиканов",[135] не пользующихся ничем, кроме полного неуважения.[136] В другой не менее „великой" республике уже в наши дни делаются решительные шаги по отнятию у палаты власти, которой она, по общему признанию, пользуется для смут и безобразий.

175. *Экономические перемены, обусловившие падение представительных учреждений.* К кому же, в чьи же руки переходят власть и сила представительных учреждений? На это дают определенный ответ те же практические наблюдения. Здесь надо напомнить прежде всего, что развитие капиталистического хозяйства в пределах данной страны состоит в неуклонном переходе от свободной конкуренции, т. е., анархии и дезорганизации, к монополизму, т. е., попыткам капиталистически организовать и систематизировать производство, сосредоточить его в руках немногих капиталистов, а беспутное соревнование индивидов—хозяйственных единиц—частью подавить, частью подчинить этим капиталистам и их об'единениям. В то же время и рабочие союзы стремятся к организации труда, к собиранию и сплачиванию трудящихся единиц в их растущей борьбе с об'единяющимся капиталом. Анархия производства не исчезает: она

принимает *мировой характер*. Конкуррируют уже не отдельные предприятия, более или менее крупные, а сталкиваются в смертельной схватке гигантские капиталистические машины огромных стран. *Руководство же в этой стадии капитализма берет на себя финансовый капитал.* Вступив уже в полосу неустанных боев за всемирное владычество и предвидя в будущем еще более колоссальные битвы, он торопится перестроить свою общественную организацию по—военному. Демократические учреждения, многолюдные, впечатлительные и переменчивые, ему не годятся. *Он хлопочет об открытой диктатуре отдельных выдающихся людей*, которые бы воплотили в себе всю коллективную силу, всю жадность, всю свирепость господствующего класса капиталистов. Одновременно с этим, капиталистическая организация хозяйства и труда все решительнее сводит на нет былое значение индивида. Всякое дело—созидательное или разрушительное—есть дело масс. Массами держится производство, массовыми силами ведутся войны,—*массы требуют себе действительного участия в законодательстве и управлении и ищут таких государственных форм, которые на деле обеспечили бы им это участие.* Под таким двусторонним натиском падают и разрушаются представительные учреждения: власть законодательных собраний сосредоточивается в руках министров, ставленников и орудий финансового капитала. Так „власть без фразы“ одерживает верх над „властью фразы“[137].

Отражение этого процесса в сознании господствующего класса любопытно проследить на кризисе индивидуализма и нарождении нового учения о солидаризме, об общественной солидарности, основанной на тесной общности и зависимости интересов без различия личностей и классов.

176. *Власть английских министров.* Исполнительная власть всюду обнаруживает стремление подчинить себе законодательную. И это ей повсюду удается. Власть английского министра в наши дни достигает таких размеров, какими не отличалась власть иного самодержав-

ного короля. Это само собою вытекает из сказанного выше: ведь палата беспомощна! Если она вздумает противиться администрации, та может просто оставить ее без своего руководства и этим повергнуть ее в самое горестное положение. Правда, палата может в иных случаях заставить уйти в отставку неугодное ей министерство. Но ведь и министерство может распустить палату до срока и обратиться таким путем непосредственно к суду избирателей. А на чьей стороне будет этот суд,—сомнений мало: в Англии глубоко вкоренилось чувство, „что палата общин есть учреждение, которое потеряло свой большой авторитет или репутацию, и если лучшее учреждение—кабинет—нарушает права худшего, то это очень мало огорчает страну“[158] В общем, нет уже не только парламентского управления, но нет и правления кабинета: есть управление через премьер—министра,[159] окружившего себя пятью—шестью доверенными лицами. Это своеобразная директория с диктаторской властью.[160]

177. *Власть дельцов в американской республике.* Так или иначе, хоть соблюдены приличия. Но о приличиях очень мало думают практичные и бесцеремонные американцы. В С.-А. С. Ш. конгрес поступился своей властью не в пользу президента и министров, которые и без того всегда располагали громадными правами, а в пользу совершенно нелегального учреждения, которого не знает конституция, которое носит веселое название корридора, и которое, тем не менее, вполне серьезно и открыто управляет „великой заокеанской республикой“. Дело в том, что по установившемуся обычаю всякий законопроект, вносимый в палату, поступает на предварительное рассмотрение одного из комитетов, образуемых из членов палаты. Решение комитета палата утверждает.[161] Но понятно, какие крупные интересы сплошь да рядом затрагивает тот или иной „билль“: вносится, напр., законопроект об учреждении частного железнодорожного общества; или об обложении пошлиной производства и

продажи спиртных напитков,—во всех таких случаях заинтересованному предпринимателю и всем другим, чей интерес затрагивается, важно заранее повлиять на решение комитета. Для этого-то „влияния“ и командируются в палату особые агенты—ходатаи, шарлатаны и проныры, задача которых надлежащим образом обрабатывать депутатов. Эти агенты приобретают огромные связи. В их руках перекрещиваются нити различных интересов. Они все знают, они все могут. Они то и образуют своеобразную „третью палату“ (сенат, палата депутатов и они) или „корридор“, где происходит горячая законодательная борьба, и где решается судьба законопроектов.

178. Законодатели—товар, который продается. Брайс хорошо изучил этот институт. Но тщетно было бы искать у этого корректного исследователя таких шокирующих но вполне отвечающих сути дела названий, как третья палата или корридор. Вообще, за этот деликатный вопрос он берется не иначе, как кончиками пальцев и предпочитает отсылать к другим авторам. Так, когда нужно рассмотреть ближе те средства, которыми орудуют агенты („lobby“), он цитирует: „под словом „lobbying“ не всегда подразумевается подкуп законодателей“[162]. Стоит отметить это „не всегда“ и сопоставить его, кстати, хотя бы с такими строчками: „Внутри Вашингтона член палаты играет ничтожную роль.... Уже тем, что он вступает в состав палаты, он возбуждает подозрение, что принадлежит к числу людей, падких на взятки. „[163] Оценить нужно и такое скромное и мимолетное замечание Брайса: „Женщины, как слышно, и принадлежат к числу самых деятельных и самых успешных ходатаев“[164].

Что же касается президента и министров, то они успешно делят государственную власть с жуликами из корридора и создают нечто вроде царского самодержавия, прикрыто о конституционной шелухой.[165]

179 Кто же властвует на деле? Но и министры, и короли, и президенты не могли бы, разумеется, безнаказанно и беспрепятственно седлать и взнуздывать парламенты, если бы за исполнительными властями современного буржуазного государства не стояли могущественные организации, обеспечивающие им всемерную поддержку. Америка в этом отношении лишь наиболее

ярний пример того, что совершается во всем буржуазном мире. Капиталистические об'единения, крупные хозяйственные предприятия, желтые профессиональные союзы, политические партии—вот те центры, те „специальные парламенты“, [166] в которые переносится и законодательство и управление *) А представители исполнительной власти—простые уполномоченные и доверенные этих организаций. Они простые проводники силы всех тех людей, кого Маркс, не различая ни национальностей ни религий, называл „евреями биржи“.

---

*) Конечно, буржуазная наука не проходит мимо этого явления. И в своей тенденциозной услужливости она спешит найти для него элегантное, успокаивающее название и так как [illegible] из двух выходит: все это гнилое тенденциозное мракобесие она называет в своих классовых интересах „внепарламентским [illegible] подлостью“! Можно оценить всю стыдливую скромность такого, напр., замечания: „Нечего говорить, например, что и в подготовке современных торговых договоров до обсуждения их в парламенте большое место занимает выяснение взглядов заинтересованных кругов и организаций, по отдельных отраслям, то тем или иным союзам и т. п.“ (С. А. Котляревский.—„Правовое государство и внешняя политика“ № 1909, стр. 423).

Глава девятая.

Общая характеристика советской системы.

180. Снятие власти с массами в Советской Республике. Буржуазные государственные формы властвования представляют, как видим, испытанное орудие народного обмана. Помощью их паразитические классы держат в узде глаза и руки трудящихся. Если бы в Советском государстве хотела властвовать, как угрожают классовые враги пролетариата, кучка насильников наперекор трудящимся массам, то худшей формы такого властвования,—такой олигархии, как была монтаризм, незачем было бы и искать. Но именно потому, что здесь народ в своем подавляющем рабочем большинстве, действительно, сам себе господин и хозяин—суверен,—он выбирает такую форму устройства своих государственных дел, которая совершенно исключает возможность узурпации—захвата власти—немногими, хотя бы эти немногие были во всех отношениях лучшими людьми. Но этом неошибающемся чутье масс быстро находит тот путь, который намечается всем предыдущим развитием производственных отношений. Цель та определенная и ближайшая: победить сопротивление имущих классов и слить с народом власть, которая была у него вырвана и поставлена над ним. А потом, по мере истребления граней между имущими и неимущими, владеющими и невладеющими будет исчезать и разница между управляющими и управляемыми.

151. *Советская Республика — общее дело.* Так что, если пролетарское государство именуется республикой, то это здесь уже не пустое, ничего не значащее слово. Ему возвращается его первоначальное содержание, забытое и искаженное: республика значит общее дело. Общенародным делом является государственное управление в России. Делом, в которое постепенно могут и должны быть втянуты трудящиеся граждане без различия своих основных профессий, навыков и специальностей. Но надо понимать, что путь такого приближения государственного аппарата к массам лежит через *крайнее упрощение этого аппарата.* Нужно свести его к простой счетно-учетной организации. Это превращение вполне подготовлено капитализмом, и если государственная машина буржуазии все-таки громоздка, сложна, скрипуча, то это потому, что властвующее меньшинство засоряет ее: ведь нужно угнетать и подавлять огромное трудящееся большинство! Когда же машина попадет в руки последнего, управление упрощается шаг за шагом с освобождением от ослабления напора бывших эксплуататоров и становится постепенно общим делом. А в такое общее дело государство может быть превращено только через советы.

Сущность Советов как государственного органа. Советы — это национальная форма пролетарской диктатуры. Они зародились и развились в России на почве специфических — собственно — русских условий.

Уже революция 1905 года опиралась на советы. Запутанная в подполье и придавленная реакцией, идея советов не прекратила, однако, так прочно жить в рабочей среде, что первым же шагом февральской революции было всеобщее избрание Петербургского Совета Рабочих (и Солдатских) Депутатов. 27 го февраля 1917 года, когда Государственная Дума еще принимала (или, вернее, уже принимала) меры к спасению „родины и династии" (что так и родина без династии?), рядом тем самым отмежевываясь от революции, Петроградский Совет уже был создан и уже действовал, как применимый зародыш революционной государственной власти. Дальнейшая — довольно запутанная — история отношений Совета и Временного Комитета Государственной Думы, а потом Совета и Временного Правительства представляет собой картину явной узурпации власти

Временным Правительством, власти, которую революция вручила Совету и никому другому, и от которой он боязливо отходил все дальше и дальше. Таким образом, октябрьский перевор, упразднивший Временное Правительство, которое свои суверенные права „преемственно" вело от Николая Романова через Михаила Романова, является скорее *поворотом к законному прошлому*, к источнику революционной власти, реставрацией народовластия. „Легальные" захватчики были свергнуты, Советы—законный хозяин—восстановлены в своих правах[167].

Но в наши дни все говорит уже за то, что этому русскому изобретению предстоит выйти за национальные границы и распространиться по всему революционному миру. *Где пролетариат восстает и строит свое государство, там это государство принимает непременно советские формы.**) Это значит, что Советы—не просто средство политической и экономической организации рабочего класса, заступившее место профессиональных, напр., союзов (федераций труда), которые бессильны бороться с современными капиталистическими об'единениями. Нет. Это значит, что Советы, собирая и строя в боевой порядок силы рабочего класса, пока он еще не у власти, могут после победы над капиталистами везде превращаться в государственные организации, организации законодательствующие и управляющие.

183. Тем не менее, *они остаются вполне классовыми, рабочими организациями*, такими же, как и профессиональные союзы. Разница между Советами и профессио-

*) Буржуазные правительства хорошо это знают. Потому то и торопятся они в тех странах, где рабочее движение приближается к пролетарской революции, предупредить события и овладеть их формой, создавая заблаговременно суррогаты советов. С проектом такого суррогата—уродливой буржуазной подделки под совет—выступил недавно Лабриола, итальянский министр труда: нужно, видите ли, создать „рабочий парламент" пропорциональный из предпринимателей и рабочих, который действовал бы в добром соседстве существующим парламентом на правах такого же законодательного учреждения. („Известия В. Ц. И. К." 29/X—1920 г.) Нет сомнения, что итальянские рабочие скорее воспользуются этим проектом, но с маленькими поправками: рабочий парламент, но без Лабриолы, без предпринимателей и без „добрых соседей".

нальными союзами не в том, что Советы об'единяют и рабочих и крестьян, а профессиональные союзы—только рабочих: как выяснено выше,*) у нас существует диктатура *рабочего* класса. Эта диктатура осуществляется через Советы, втягивающие в дело и приобщающие к строительству коммунистического общества все более широкие слои крестьянства. Советы являются, поэтому, прежде всего и главным образом, рабочими центрами. Разница и не в том, что Советы—организация политическая, а профессиональные союзы—экономическая. Такого противоположения не может быть, так как политика всегда есть выражение экономики, советское же государство, цель которого—по-социалистически построить хозяйство, служит по преимуществу экономической силой. Разница между Советами и профессиональными союзами, вообще, между Советами и иными рабочими образованиями только в том, что Советы более широкая, всеобъемлющая форма рабочей организации.[163] И, как таковая, она свои силы и соки черпает из других рабочих клеточек, ей органически подчиненных, более специального назначения и с менее широкими задачами.

184. *Их разносторонность.* Будучи непосредственным созданием рабочего класса, не выдумкой, не нарочитым осуществлением „идеи", а насущной потребностью, они обнаруживают удивительную способность и организовывать военные победы, и руководить хозяйственной деятельностью, и разрушать беспощадно пережитки старого, и творить новое, и регулировать массовые движения, и направлять работу отдельных работников. То, что именно эти *рабочие* организации берут *государственную* власть в пролетарском государстве, служит лучшим ручательством за то что власть эта никогда не оторвется от масс: напротив, все теснее будет сближаться с ними, пока не растворится в массах совсем.

*) Глава седьмая, § 125 и следующие.

185. Паразитический характер органов управления. Что это, действительно, совершится и совершится безболезненно и, притом, именно через советскую систему и с ее помощью,—об этом уже сейчас говорят некоторые наблюдения. Всякий аппарат государственного управления во всяком государстве имеет по необходимости паразитический характер: ни министерства, ни суды, ни армия ни органы местного управления не производят новых ценностей, а живут за счет прибавочного продукта, создаваемого трудовым классом. Паразитическая сущность учреждений буржуазного государства усугубляется еще их основным назначением: угнетать, давить и гнуть рабочие массы. Паразит, не просто питающийся живыми соками хозяина, а разбухший до размеров самодовлеющей величины, при котором и хозяин уже играет несамостоятельную, служебную роль. *Вот командующая вошь начальствующая* — вот современное капиталистическое государство.

186. И советские органы в первое время, пока в разгаре гражданская война, принуждены становиться над производством. Но несомненно, что *уже сейчас эти органы в большой своей части из непроизводительных в производственные*. Конечно, нельзя, конечно, сказать про органы военные или просто административные, но это вполне справедливо относительно большинства наших государственных учреждений. Таков Высший Совет Народного Хозяйства, таковы Наркомпути (ведомство путей сообщения, труда, промышленности, внешней торговли, земледелия—все они обслуживают, главным образом, производство и распределение). Даже такой по существу непроизводящий организм, как армия, и тот на почве трудовой и массовой советской республики перерождается в производственный аппарат: наша Красная Армия при первой же возможности стремится из боевой разрушительной силы превратиться в рабочую и созидательную, оставаясь, тем не менее, армией. Что же ка

сается непосредственно Советов, их пленумов, их отделов, их исполнительных комитетов, то уже в начале 1920 года не один вдумчивый советский рабочий отмечал растущую перемену в их характере: „Исполкомы в начальный период становления Советской власти были преимущественно органами политическими и административными...", но в настоящее время „*хозяйственная работа занимает все более важное место в работе Исполкомов*".[169] Это может означать только то, что Советы уже теперь стремятся отделаться от функций начальнических, командующих и, оставаясь органами государственного управления, „свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров".[170] Но ведь это и есть переход от управления людьми к управлению вещами! Переход, рассчитанный у Энгельса на неопределенно долгое время. Если же переход этот намечается,— конечно в самых общих и обрывистых очертаниях,— уже сейчас, в современных тяжких условиях, в стране разоренной и отсталой, то не значит ли это, что ближайший путь к социалистическому обществу лежит, вообще, через сохранение государственных форм?

187. *Советы — классовое представительство.* Кто хотел бы охарактеризовать Советы в одной фразе, тот мог бы сказать так: это представительные учреждения, лишенные всех недостатков и пороков представительных учреждений. „Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии".[171] Такое необходимое представительство и дают Советы. Но они дают его в совершенно иной обстановке и совсем иными способами, чем буржуазные парламенты. В самом деле. Капиталистическое государство хотело перенять — вернее, делало вид, что хочет перенять — общенародную волю, т. е. то, чего не существует. Эта затея была заранее обречена на крах. Советы ставят себе более скромную задачу: они имеют в виду не на-

род—туманную, неопределенную и разношерстную массу, а господствующий класс: пролетариат и неимущее крестьянство—и только. А здесь есть общая единая воля, потому—что есть единый общий интерес.

188. *Советы и классовый интерес.* Буржуазный парламент упустил из виду, что воля не передается. Поэтому ему и пришлось стать самостоятельным учреждением с своей собственной и особенной жизнью. „Здесь отыскивают народную волю". Депутаты систематически и преднамеренно отрывались от избирателей. Они превращались из слуг общества в его господ и повелителей. Воля нации была подменена волей парламента, а под волей парламента разумелась воля тех, кто правдами и неправдами сумел выдать себя за большинство. Роль народа, нации свелась к тому, чтобы один раз в три года или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте.[172] Даже та свобода, о которой с гордостью говорил Руссо,*) превратилась в свободу осужденного самому выбрать себе род смерти. Советы нисколько не заботятся о том, представлена в них воля класса или нет. Но они твердо знают, что должны представлять интерес класса, его хозяйственные нужды и потребности.

189. Советы и связь с массами. А для того, чтобы единый общий интерес действительно передавался депутатам и был ими представлен, нужно тесно связать депутатов с избирательскими массами. Наша конституция не воспрещает обязать избранника повелительным мандатом: от сих до сих, что сверх, то от лукавого.**) И благодаря этому, во власти избирателя сделать депутата, действительно, лишь приказчиком, подотчетным слугою

*) Глава VIII, § 155 (мелкий шрифт).

**) Это запрещают почти все конституции: ни инструкций, ни поручений! А действующая конституция Нидерландов возбраняет вообще сноситься с избирателями, т. е., давать им в какой бы то ни было форме отчет. (ст. 53 конституции 1887 года).

своим. Наша конституция устанавливает право отозвания депутата во всякое время—право, совершенно чуждое буржуазным конституциям,*) и этим она ставит члена Совета в такую зависимость от масс, что уже по одному этому можно было бы говорить о наличии у нас непосредственного строя.[173] „Парламентский режим живет дискуссией".[174] Речи, прения, пересуды, сплетни—бесплодная болтовня—вот область его. „Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией".[175] Советы уже осуществили полностью этот завет Маркса. Быть членом Совета не значит у нас отрываться от своей будничной работы, чтобы чудесным образом выскочить из натертой лямки и стать барином. Продолжать делать свое повседневное дело, общаясь с массами деловым общением, постоянно сознавать интерес твоей производственной организации, представлять его в Совете и проводить в жизнь, на себе самом испытывая плоды своей законодательной работы—таковы задачи советского народного представителя. А упразднение индивидуального избирателя, замена территориального округа выборами по производственным единицам—дали нам *совершеннейший вид народного представительства—представительство интересов*, о котором робко мечтают современные передовые умы буржуазной науки, и которое осуществить в рамках капиталистического государства нет и отдаленной возможности.

190. Разделение властей в буржуазной теории. Таким образом, Советская система, отсекая засохшие ветви парламентаризма, восстанавливает народное представительство в его наиболее разумных и жизненных чертах. Нелепая борьба между законодательной и исполнительной

*) Оно существует в некоторых штатах Американской республики, где пользование им, впрочем, затруднено разными формальностями.—Отозвание знают некоторые кантоны Швейцарии. Но здесь оно может быть применено ко всему кантональному парламенту в целом, а не к отдельному депутату.

властями, которая идет в буржуазных государствах, есть лишь признак—симптом—главного греха представительного правления: оторванности власти от масс. Со всех сторон кричат, что система управления не годится. Народы недовольны правителями, правители народами, законодательная власть во всем объявляет исполнительную, исполнительная горько сетует на законодательную, короли и президенты имеют свои веские причины ненавидеть и ту и другую и пытаются «сыграть» с народом в то время как парламенты и кабинеты в вечной распре друг с другом мы готовы их объединяются только из страха перед общим врагом: народом или королем. В восемнадцатом веке было признано, что соединение властей в руках одного или нескольких одного учреждения грозит гибелью свободе.[13] Чтобы общество (т. е., буржуазия) не погибло, нужно разъединить, обособить друг от друга власть издавать законы, власть приводит их в исполнение, власть судить. Эти разделенные власти должны взаимно сдерживать одна другую.[17] Достигается это тем, что законодательная власть вручается представительному собранию, исполнительная – президенту, которого избирает народ, и министрам, которых назначает президент, а судебная—особым чиновникам, судьям, которые, будучи раз выбраны или назначены, могут быть смещены либо по судебному приговору за уголовное преступление, либо по требованию законодательного учреждения.

Требование разделения властей исходило из экономических нужд буржуазии: следовало освободить личность от гнета феодального государства, а для этого нужно было упорядочить деятельность и отношения властей монархического феодального строя.*)

*) Идея разделения властей намечается, впрочем, уже у Аристотеля (см. „Политика", М. 1865, книга V, гл. XI и сл.) но свой боевой характер она приобрела лишь в эпоху капиталистической буржуазии, у Локка и Монтескье.

191. Разделение властей в буржуазной практике. Но на практике буржуазия не смогла, конечно, предупредить поглощение одной власти другой. Да она особенно и не стремилась к этому: ведь принципы, как простодушно выразился поп Сийэс, существуют для школы, государство же имеет дело с интересами. Борьба разделенных властей возгорелась с особенной силой, являясь выражением борьбы классовой, борьбы граждан, неравных экономически и политически. Там, где нет единого народного целого, и где самое государство есть признак отсутствия общего интереса, порождение классовой борьбы с ее победами и поражениями, не может быть и устойчивого сотрудничества государственных властей. Впрочем, во Франции буржуазия и не пыталась провести теорию в чистом виде: по конституции исполнительная власть—президент, избираемый палатами и назначающий министров *)—подчинена законодательной. Главная потребность французской буржуазии—поставить превыше всего волю „третьего сословия", т. е., парламент, была на время удовлетворена. В Северо-Американских Соединенных Штатах попытались теорию целиком вписать в жизнь: получилось великое засилие президента, избираемого народом, и министров, перед ним одним ответственных, при жалкой роли палаты депутатов.

192. Советская система построена на полном отрицании такого разделения властей. Политическая основа Советской Республики революция создавала таким образом, что в основу всей государственной организации легли исключительно городские и сельские советы, органы „всей власти на местах". Городские же и сельские Советы призваны были быть работающими учреждениями, одновременно и создающими правовые нормы и прилагающими их к жизни. Эти Советы объединяют рабочее население городов и деревенскую трудовую массу. Отра-

*) по обычаю (а не по закону!)- из парламентского большинства

жая, следовательно, единый классовый интерес, они не заботились, конечно, ни о каком противопоставлении разных властей друг другу для сдержки и ограничения, и это совершенное единство власти они передали и центральным органам, стройно и последовательно вырастающим из низов. Конституция совсем не отличает законодательных органов от исполнительных, она сообщает лишь *разным органам разный об'ем законодательной и исполнительной власти.* Термин „законодательная власть" вовсе отсутствует, когда речь идет о Всероссийском С'езде Советов, а между тем, нет сомнений, что он имеет эту власть. В то же время Всероссийский Центральный Исполнительный К митет Советов наделяется по букве конституции законодательной властью, но наряду с этим „распорядительной и контролирующей" (ст. 31.) Он вообще „согласует работы по законодательству и управлению" одновременно (ст. 32). Совет Народных Комиссаров имеет „общее управление делами" Республики, но вправе и издавать декреты, т. е., законодательствовать (ст. 38) Само название „исполнительная власть" в конституции отсутствует. Термин же „исполнительный комитет" нас не должен обманывать: исполнительные комитеты Советов имеют точно ту же область деятельности, что и Советы, они лишь перед Советами ответственны и в своих действиях перед ними отчитываются.

193. Советское разделение властей. Разделения или обособления властей в буржуазном смысле у нас нет и не может быть. Но есть чисто техническое распределение обязанностей и кругов деятельности, преследующее практически цели и проведенное очень последовательно и очень стройно. На вершине советской власти стоит Всероссийский С'езд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, составляющийся из делегатов городских Советов и губернских с'ездов Советов. (ст. ст 21 и 25). Он увенчивает собой эту вершину, но мы увидим ниже, что „верховность" его власти

надо понимать совсем не так, как понимают верховную власть в буржуазном государстве. Среди всех учреждений Республики ему одному принадлежит право устанавливать основы государственного строя, т. е., *учреждать конституцию* (ст. 51 а). *Он, значит, обладает преимущественно учредительной властью*, той властью, которой буржуазия наделяет свои учредительные собрания—органы чрезвычайные, стоящие вне общей государственной системы. Уже по этому признаку можно судить, что он, действительно, верховная власть. Но тут же бросается в глаза любопытная особенность: учредительные собрания буржуазии не ведут—по правилу—очередной законодательной работы, предоставляя ее палатам, тогда как С'езд законодательствует по целому ряду вопросов, имеющих крупное общее—государственное значение (ст. 49), и по всем, вообще вопросам, которые он признает необходимым разрешить (ст. 50). В этом отношении рядом с ним стоит Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (а не С'езда!). Избираемый С'ездом и обязанный ему отчетом, он в промежутках между С'ездами несет всю текущую законодательную работу. Очевидно, что и по букве конституции и по фактически создающемуся положению *его преимущественная область—законодательство*. Однако, он заместитель у С'езда и часть его учредительной власти: изменяет и дополняет Конституцию (ст. 49-а).* Но все это не мешает ему быть и распорядительным органом, принимать руководящее участие в управлении и наблюдать за осуществлением законов и постановлений, т. е., выполнять все то, что буржуазное государство вверяет кабинету министров, как отмежеванную, специальную и единственную область. Между тем, Совет Народных Комиссаров—вот учреждение, по виду приближающееся к кабинету министров:

*) Подробное рассмотрение ст. ст. 49-а и 51, находящихся в кажущемся противоречии, будет сделано в своем месте.

его преимущественная функция—правительственная, не совсем удачно названная в конституции „общим управлением делами" Республики. Но наряду с этим, он, назначаемый и смещаемый В. Ц. И. Комитетом (ст. ст. 35 и 49-п), заимствует от него часть его законодательных полномочий: „издает декреты" (ст. 38). Последнее достаточно резко отличает его по существу от исполнительной власти буржуазного государства. Но он отличается от нее и формальными чертами: почерпая свои полномочия от законодательного собрания—В. Ц. И. Комитета—и вполне ответственный перед ним, он не имеет по отношению к нему никаких прав,—С. Н. Комиссаров не может распустить В. Ц. И. Комитет, как кабинет министров парламент.*) В то же время он и не настолько связан с ним, чтобы смена В. Ц. И. Комитета необходимо влекла за собой тем самым смену С. Н. Комиссаров. Это явствует уже из того, что С. Н. К. в целом отвечает не только перед В. Ц. И. К., но и перед Съездом непосредственно (ст. 46), чего, однако, нельзя сказать про отдельных Народных Комиссаров и коллегии при них (ст. 47).

194. Законы и их сила. При таком положении, когда все три органа законодательствуют, два из них располагают учредительной властью, хотя и неравны по об'ему, и два—распорядительной (ст. 31 и 38), возможны, казалось бы, параллелизм в работе и противоречивость. В высшей степени трудно избежать и то и другого. Во всяком случае, наша конституция, определенно устанавливая право Народных Комиссаров законодательствовать, чем она только идет на встречу требованиям практики, тем самым устраняет одну из главных причин трений, существующих в буржуазном государстве между законодательной и исполнительной властями. Как показывает опыт старых конституционных стран, министры, не имея официального — узаконенного — права законодательство-

*) Распускает, собственно, не кабинет, а глава государства по представлению кабинета.

вать, тем не менее, усиленно соперничают в этом деле с парламентами. Создается какой-то второй сорт законов, какое-то нелегальное, контрабандное законодательство, с которым парламенты бессильны бороться. Во Франции президент и министры под видом административных постановлений издают законы, которые, если не совершенно уничтожают, то сводят почти к нулю действие „настоящих", парламентских законов.[175] В Италии министры своим правом издавать ордонансы пользуются иногда так широко, что „лишают всякой силы статьи какого нибудь закона".[176] Что может получить парламент с такого рода законодательством? Ведь это только административные распоряжения, которые в парламент на обсуждение не вносятся! У нас же опасность параллелизма и противоречий в значительной мере парализуется определенной и строгой централизацией, чтобы не сказать подчиненностью, В. Ц. И. Комитета перед С'ездом, а С. Н. К.— перед С'ездом и В. Ц. И. К. Законодательные акты С. Н. К.—декреты,—как и постановления, не имеют силы без утверждения В. Ц. И. К., если являются крупным общественно-политическим мероприятием и не требуют неотложного выполнения (ст. 41 и примечание к ней). Вообще, всякое постановление или решение Сов. Нар. Ком. может быть отменено или приостановлено В. Ц. И. Комитетом (ст. 40). Последний же, обретая полноту власти лишь в отсутствии С'езда, полностью теряет и учредительные и законодательные свои права подчас работы С'езда (ст. 40) и всецело перед ним ответствен (ст 29). Это значит, что все декреты, постановления и инструкции В. Ц. И. Комитета, все его законодательные и административные акты, действительны лишь постольку, поскольку они не опротестованы С'ездом в общей резолюции или в отдельности. В таком же отношении к С'езду находится и Сов. Нар. Ком.

195. *Центр и места у буржуазии.* Следовательно, все дороги в конечном счете ведут к С'езду, в котором

сливаются одинаково и нераздельно все полномочия—и учредительные, и законодательные, и административные. Но—и это самое важное в нашей системе—самый Съезд всю полноту своей власти почерпает не так, как почерпает ее учредительное собрание буржуазии. Там народ как бы отрекается от всех своих прав в пользу суверенного народного представительства. Знаменитое чудовище Жана Боденa*)—неограниченный, неделимый, непогрешимый суверенитет—целиком переносится на это учреждение. А уже оно милостиво сообщает частицы своего в лишь общего могущества тем или иным органам и установлениям, так что все они властвуют не по собственной силе и воле, а по соизволению этого нового бога.

Наиболее явственно сказывается это на противоположении так называемого центрального управления и местного самоуправления. Право отдельных местностей, отдельных территориальных единиц, самим решать некоторые вопросы, касающиеся их и только их, считается в Западной Европе даром, который эти местности получили от верховной власти, и которой власть эта может, следовательно, по произволу расширять, суживать или вовсе отнять.[180] Так давно уже поставили вопрос во Франции и Пруссии, так стремятся представить дело и в Англии, где местное самоуправление получило наибольшее развитие, и где оно очень старо. Там буржуазные государствоведы усиленно стремятся внушить местным выборным учреждениям, что они напрасно считают себя „сотрудниками, а не подчиненными государства", что они никаких таких собственных первоначальных прав не имеют, а являются лишь созданием законодателя.[181]

196. *Буржуазная боязнь городского самоуправления.* Зачем понадобились, спрашивается, господствующему классу, как феодальной знати раньше, так и буржуазии позже, все эти мудреные фикции мысль? Все эти речи о неограниченной верховной власти, как о чем-то в природе существующем, а не находящемся только в человеческих го-

*) Писатель XVI века, идеолог французских королей.

ловях? Разумеется, затем, чтобы вырвать эту власть у народа и поместить ее там, где ею господствующий класс сможет распоряжаться по своему усмотрению: в руках короля или парламента. Отсюда ураганная борьба городского самоуправления, которая во Франции, в по-мещ., прямо бросается в глаза наблюдателю: „с трех пор[ед] буйным характером и коммунистическими тенденциями") парижской демократии липнули столицу даже той доли свободы, какой пользуются другие города"[162]. Отсюда спор—правда, мирный—между центральной и местной властями в Англии, где местные органы в их утверждение и защиту своих прав ссылаются на седую древность своего существования, начало которого—в тех временах, когда и единой-то верховной власти не было, а им отвечают, что давнее *фактическое* положение ничего не значит: *юридически* их право всегда производное а не самостоятельное. Таким образом, воскрешается старая шутка Гоббса, спрашивавшего юриста: долгое время пользуюсь я моим носом для обоняния, но значит ли это, что я имею право на мой нос?

197 *Характер верховной власти в Советской Республике.* В Советской Республике как-то само собой выходит, что вещи, поставленные буржуазными ухищрениями на голову, вновь ставятся на ноги. Всероссийский С'езд Советов, как и В. Ц. И. К. С., как и С. Н. К., получает свою власть, конечно, от трудящихся масс. В частности, С'езд получает, действительно, огромную и абсолютную—совершенную—власть, у которой нет соперников. Но получает то он ее не от распыленного, неопределенного, туманного „народа", не от „самостоятельных" индивидов, которые пребывают господами (сомнительными господами!) пока выбирают, и превращаются в жалких нищих, рабов, когда выбрали, а от пролетариата, сплоченного в класс, который *организовался уже до выборов и продолжает быть организованным после выборов в своих городских и сельских советах***. Это имеет громадное, принципиальное и фактическое, значение. Так-как *периодически* существующий С'езд составляется из делегатов *постоянно* существующих Советов, то можно сказать

---

*) буйство и коммунизм! -в глазах буржуазного педанта разве это не одно и то же?

**) С'езд составляется из делегатов городских советов и губернских С'ездов, но основой губернского с'езда является сельский Совет.

с полным правом, что настоящими органами верховной власти являются, действительно местные Советы, т. е., организованный пролетариат. Делегаты Съезда из Советов выходят, депутатами Советов остаются все время краткой сессии Съезда и в Советы возвращаются по окончании сессии. Самый Съезд—не что иное, как экстракт—вытяжка, выжимка—Советов и представляет собой сжатую сосредоточенную энергию все тех же Советов. Это они сообщают свои права и свою власть Съезду, а не он им. Этим достигается наиболее правильная архитектура—построение—власти: *не сверху вниз, а снизу вверх.* Но тем самым дается и в высшей степени ценное внутреннее содержание власти: по существу тут и получается то непосредственное правление, народоправство, где народ ни на минуту никому не переуступает своей власти, а фактически осуществляет ее непрерывно, которое буржуазия об'являет недостижимым.

198. Выводы. При таком построении власти местные организации—городские и сельские Советы с их. съездами приобретают первенствующее значение. Села, города, уезды и губернии перестают быть просто административными единицами, подразделениями территории для удобства управления, а становятся *политическими образованиями.* Правило „вся власть—на местах" получает реальный смысл и жизненное содержание. Вопросы централизации, автономии и федерации, верховного и подчиненного, центрального и местного управления должны рассматриваться с особых точек зрения, чуждых буржуазной теории и буржуазной практики. В частности, из этих общих замечаний явствует, что исследование советской системы необходимо начинать с самого низу, с городских и сельских советов. К этому мы и перейдем.

Задачей предыдущих строк было показать, что система эта в общем и целом покоится на вполне разумных и жизненно правильных основаниях. И при дальнейшем изложении надлежит все время помнить, что все

шероховатости, изъяны и недостатки советской машины[6] порой очень большие, суть не органические—врожденные—пороки, а функциональные, т. е., временные и частичные расстройства, вполне оправдываемые условиями места, времени и обстоятельств. Это недуги детские, а не старческие, болезни роста и развития, а не вырождения.

199 Здесь не может быть отмечена еще одна характерная черта Советского государственного организма. Как бы стройно и пропорционально по внешности ни было построено Советское здание, оно не выдержало бы трехлетних тягчайших испытаний, *если бы не цементировалось изнутри единой пролетарской партией**). И опять таки, то, что на буржуазном западе считается язвой современности, в оздоровляющей атмосфере нашей Республики превращается в источник сил и свежести. Нами управляют партии!—в ужасе говорит буржуазный мыслитель,—причина несокрушимости, постоянной, бессилия парламентов, неумелости министров, бедствий народных—партийное правление!—Нами управляет партия—Говорим мы в спокойной уверенности.— И на российского пролетариата, окруженного врагами, и его партии. В партии, которая сражаясь, правя и работая, учится сражаться, править и работать. В партии, являющей собой стержень, становой хребет Советской системы или, вернее, сердце, главный орган кровообращения. В партии, о которой молчит наша конституция, но которая, тем не менее, есть юридическая и фактическая сущность этой конституции, как отметил тов. Ленин[183].

Но рассмотрение государственной роли нашей партии удобнее всего сделать в связи с выяснением характера и деятельности западноевропейских политических партий. Случай к этому встретится в дальнейшем изложении.

---

*) См. Главу VII, § 140 и сл.

Примечания.

1. *Георг Еллинек.*—Право современного государства —Т. I. Общее учение о государстве. Перев. под ред. Гессена и Шрланда 1903, стр. 334 след.

2 *Джемс Брайс.*—Американская республика.—Пер. Невядомского. 1889. Ч. I. Стр. 393.

3 *Фридрих Энгельс.*—Ludwig Feüerbach u. der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie.—5—te Auflage. Stuttgart. 1910. S. 52.

4. *A. V. Dicey* в ст. „The Referendum" в журнале „The Contemporary Review", London. 1890. v. 57. p 500. Цитировано по П. И. Новгородцеву, „Об Общественном идеале," вып. I, М. 1917, стр. 16.

5. *Франц Мерин.*—Об историческом материализме. —Изд. Библиот. Просвещения. стр. 10.

6. *Фердинанд Лассаль.*—О сущности конституции.— В собр. сочинений, изд. II, Глаголева.—В новейшее время точку зрения Лассаля усвоили проф. Зейдлер и Н. Иеллинек. См. у первого „Das juristische Kriterium der Staates" Tübingen, 1905, s. 71-72, а у второго „Die Staatsform als Gegenstand der Verfassungsgezetzgebung und Verfassungsänderung," Tübingen, 1901, s 49.

7. *Л. М. Магазинер.*—Самодержавие народа.—Спб., стр. 29. Его же. Лекции по государственному праву. Пгр. 1919, стр. 18.

8. *Шарль Борель* —„Учреждение и пересмотр конституций в Америке и Европе."—Изд. библ. Просв. Вып. I, стр. 37 в вып. II. стр. 28.

9. *Карл Маркс*—К критике гегелевской философии права.—Литературное наследие. 1908. Т. I, стр. 528.

10. *Его же* - Борьба классов во Франции 1848—1850 г. г.—В сборнике „Мысли и взгляды о жизни XX века.“ Спб. 1912, стр. 103.

11. *Н. Ленин (Вл. Ульянов)*—Пролетарская революция и ренегат Каутский.—1918. Стр. 97.

12. *Н Бухарин.*—Экономика переходного периода.—М. 1920, стр. 72.

13. *К. Маркс и Фр. Энгельс.*—Манифест коммунистической партии.—М. 1918, стр. 32.

14. *Н. Ленин (Вл Ульянов)*, ук. соч., стр. 93.

15. *Карл. Маркс.*—К еврейскому вопросу.—Литерат. Насл. 1908. Т. I, стр. 562.

16. *Г. Еллинек*, ук. соч. стр. 342.

17. *Олар.*—Великая французская революция.—М. 1906, стр. 76.

18. Речь судьи *Мильера*. См. Браво, ук соч., стр. 18 слл.

19. *Г. Еллинек.*—„Декларация прав человека и гражданина.“ Цех. III. М. 1906, стр. XIX

20. *Ш. Брюс*, ук. соч., вып. II, стр. 28.

21. *К. Маркс.*—18 Брюмера Луи Бонапарта.—В сборн. „Мысли и взгляды о жизни XX века,“ стр. 261.

22. *Фр. Энгельс.*—Происхождение семьи, частной собственности и государства.—Пгр. 1918, стр. 85.

23. Там же, стр. 79.

24. Там же, стр. 76.

25. См.: *Фр. Энгельс.*—Предисловие к „18 Брюмера Луи Бонапарта III изд. в сборн. „Мысли“.

26. *Ф. Коркунов.*—Русское государственное право.—В. п. I. М. 1908, стр. 4.

27. *Фр Энгельс.*—Ludwig Feuerbach, s. 50.

28. *К. Маркс.*—Капитал.—Т. III, часть II, кн. III, гл. 47, стр. 319—320, а также гл. 48, стр. 361, М. 1909.—О

этом *Н. И Бухарин*, „Экономика переходного периода", стр. 21—22.

29. *К. Маркс.*—Гражданская война во Франции.—Введение Фр. Энгельса. Харьков. 1917. стр 14.

30 *Лоренц ф.-Штейн.*—Verwaltungslehre.—Цитир. по *Гумпловичу*. Общее учение о государстве, Спб. 1910, стр. 46.

31. *Ферд. Лассаль*—Программа работников.—В собр. соч., изд. II, Глаголева, С.-б., т. II. стр. 31.—Ср.: *Г. Еллинек*, Право современ. госуд., стр. 111.

32. Там же. См. также Процесс Ф. Лассаля по обвинению в госуд. измене, в собр. соч., стр. 331.—По этому вопросу см. *К. Фроле*, Монархия или республика, Изд. биб. Просв., стр. 443.

33. *Эльцбахер*.—Анархизм.—М. 1917, изд. Солдат—гражданин, стр. 164.

34. *М. Бакунин.*—Бог и государство.—Полн. собр. соч., изд. Базилевича. т. I, стр. 17.

35 *Его же.*—Четвертое письмо о патриотизме,—там же, стр. 189.

36. *Эльцбахер*, ук. соч., стр. 71.

37. *М. А. Бакунин.*—Четвертое письмо о патр., стр. 139.

38. Цитировано по *А. Каремину*, Государство и анархисты М. 1918, *А. Боровому*, Анархизм, М. 1918.

39. *П. Кропоткин.*—Государство и его роль в истории—М. 1917, стр. 3.

40. *Его же.*—Речи бунтовщика.—Пб. 1906, стр. 61.

41. *Антон Менгер.*—Новое учение о государстве—2-ое изд. Скирмунта, стр. 295.—См. об этом: Ленин, Пролет. револ. и ренег. Каутский, стр. 133.

42. *К. Маркс.*—Критика Готской программы,—Пгр. 1919, стр. 36.

43. *Фр. Энгельс.*—Анти—Дюринг.—Пгр. 1918, стр. 243.

44. *В. Ильин (Н. Ленин).*—Государство и революция.—Пгр. 1918, стр. 70.

45. *Фр. Энгельс.*—Анти-Дюринг.—Стр. 243.

46. *К. Маркс и Ф. Энгельс.*—Манифест Комм. партии.—М. 1918, стр. 23.

47. *К. Маркс.* Гражд. война во Фр.—Стр. 14.

48. *Его же.*—Критические примечания к статье „Король пруссиан и социальная реформа".—Лит. Насл. 1908, Т. II, стр. 58, 60.

49. *П. П. Гуревич*, ук. соч. стр. 10—14.

50. *Л. Дюги.*—Основное право. Индивидуальное право. Преобразование государства.—Спб. 1909, стр. 24.

51. *Н. Ленин.*—Удержат ли большевики госуд. власть?

52. *Фр. Энгельс.*—Развитие социализма от утопии к науке.—Перев. В. И. Засулич. М. 1917, стр. 29.

53. *Проф. Л. И. Петражицкий.*—Теория права и государства в связи с теорией нравственности.—Спб. 1907. Т. II, стр. 494.

54. *Ф. Лассаль.* собр. соч., Т. I, стр. 28 слд.

55. *Карл Каутский.*—Этика и материалистическое понимание истории.—Изд. „Знание". 1906, стр. 129.

56. *Его же.*—Путь к власти.—М. 1918, стр. 73 слд.

57. (См. об этом: *К. Каутский.*—Социальная революция.—М. 1918, стр. 17, а также *И. Степанов.*—Экономическое развитие и диктатура пролетариата.—в сборн. „Октябрьский переворот и диктат. пролет.", М. 1919, стр. 59

57а. *К. Маркс.*—Капитал.—Т. III, ч. II, гл. 36, стр 128 М. 1908.

57б. Речь проф. *Шмоллера* на открытии в 1872 г. Союза социальной политики, приведена у *Чупрова*, История политич. экономии, М. 1918, стр. 220.

58. Слова *Жана Жореса*. Цитиров. у *Дюги*, ук. соч. стр. 25.

59. *С. А. Котляревский.*—Власть и право.—М. 1915, стр. 250.

60. *П. Н. Новгородцев.*—Об общественном идеале.—М. 1917, стр. 319.

61. *К. Маркс.*—18 Брюмера,—в сборнике „Мысль" стр. 253.

62. *Фр. Энгельс.*—Развитие социал. от утопии к науке,—стр. 27.

63 *Его же.*—Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft.—Stuttgart. 1894, s. 301.

64. *К. Маркс.*—Гражд. война во Фр., стр. 12.

65. *Его же.*—18 Брюмера,—в сборн. „Мысль", стр. 254 и также Гражд. война во Фр., стр. 53—ср.: Коммунист. Манифест, предисловие *Маркса и Энгельса* 24 июня 1872 г. М. 1918, стр. 15.

66. *К. Маркс.*—Гр. война во Фр.—стр. 60.

67. *П. Кропоткин.*—Государство и его роль в истории,—М. 1917, стр. 60.

68. Ср. также: *Еллинек.*—Право совр. госуд.,—стр. 281, 284.

69. Ср.: *Еллинек,*—Право совр. нар.—стр. 113.

70. *К. Маркс.*—Гр. войне во Фр.,—стр. 54.

71. Ср.: *В. Бэджгот.*—Государственный строй Англии,—М. 1905, стр. VII.

72. *Ф. Ф. Кокошкин,* ук. соч., вып. I, стр. 17.

73. *К. Каутский.*—Социальная революция,—стр. 42.

74. Там же, стр. 41.

75. *К. Маркс.*—Гражд. война во Фр.—стр. 56.

76. См.: *Н. Ленин (В.И. Ильин).*—Империализм, как новейший этап капитализма.—Пгр. 1919, стр. 36 слл., 40 слл.

77. *Иосиф Редлих.*—Английское местное управление.—Т. I. Спб. 1907, стр. 106 слл.

78. *Генри Доусфон.*—Плантагенеты, их возникновение и развитие в Англии. Спб. 1901. Т. I. стр. 207—208.

79. Там же стр. 222.

80. *И. Редлих,* ук. соч., стр. 106.

81. *Вальтер Набсон.* ук. соч., стр. 80, 98, в особенности 354.

82. *G. S. Maine.* Popular government.—London, 1885, p. 126.

83. *Сидней Лоу.*—Государственный строй Англии.—Спб. 1908, стр. 29—37, 60, 64—77.

84. *Н. Ленин (В. Ульянов).*—Пролет. рев. и ренег. Каутский.—Стр. 39.

85. *Б. Чичерин.* —О народном представительстве.—М. 1899, стр. 806.

86. *К. Маркс.*—Критика Готск. програм.—Стр. 32.

87. По этому в прозу см. также „Октябрьск. переворот и диктатура пролетариата" стр. 13.

88. *Карл Каутский.*—Путь к власти.—стр. 9.

89. *К. Маркс и Фр. Энгельс.*—Коммунист. манифест.—Стр. 31.

90. Там же, стр. 38.

91. *Карл Маркс.*—Борьба классов в Франции. В сбор. „Мысли", с. р. 33.

92. Там же стр. 109. См. также стр. 102 „...социал-демократическая партия в республике—это диктатура...".

93. *Его же.*—Революция и контр-революция в Германии.—В сб. „Мысли", стр. 279.

94. *К. Маркс.*—Гр. война в Фр.—Введение Ф. *Энгельса*, стр. 14.

95. Из „Neue Zeit", приведено в „Окт. рев. и дикт. прол.", стр. 13.

96. Там же.

97. *Письма Бакунина, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Бебелю и др.*—Спб., 1907, стр. 4-6.

98. *К. Маркс и Фр. Энгельс.*—Комм. Манифест. Предисловие *Каутского*, стр. 13.

99. *Г. В. Плеханов*, предисловие к Комм. Манифесту, приведено у *Н. М. Малянтовича*. Самодержавие царей, стр. 121.

100. *К. Маркс.*—Борьба классов во Франции.—Введение *Энгельса*, в сборн. „Мысли", стр. 428.
101. См.: *Каутский.*—Путь к власть,—стр. 29 слл.
102. *Н. Ленин (Вл. Ульянов).*—Пролет. рев. и ренег. Каутский.—Стр. 90
103. Там же, стр. 92.
104. „ „ „ 97.
105. „ „ „ 112 слл.
106. *Н. Бухарин и Е. Преображенский.*—Азбука коммунизма,—М. 1920, стр. 269 слл.
107. *Вестник* 2-го Конгресса Коммунистического Интернационала. № 5. Речь *т. Троцкого*
108. *К. Маркс.*—Борьба классов во Франции.—В ук. об. стр. 102.
109. Там же.
110. Окт. пер. и дикт. пролет., стр. 16.
111. Там же.
112. *Н. Бухарин*, ук. соч., стр. 142.
113. *К. Маркс.*—Коммунистический процесс коммунистов.—Спб. 1906, стр 28.
114. *Вестник* 2-го Конгресса Комм. Интернац. № 5.
115. *Вестник* 2-го Конгр. Комм Инт., № 4. Речь т. Зиновьева.
116. Там же.
117. *Ф. Лассаль.*—Программа рабочих.—Соб. соч., т. I, стр. 25.
118. *Карл Каутский.*—Представительное правление.—Спб. 1905, стр. 85.
119. См., напр. проф. *М. Я. Мазаинер.*—Лекции по государств. праву.—Пгр. 1918, стр. 151.
120. Прочно место *Д. А. Коняхревский.*—Власть и право.—М 1915, стр. 310.
121. *Проф. А. Эсмен.*—Общие основания конституционного права.—Спб. 1898, стр. 118.
122. См. напр. ст. 25 и 21 соответствующих конституций (Сборник „Современные Конституции", Спб. 1906).

123. *Вильям Энсон* —Английская корона.—Спб. 1914. Гл. IV. § 1.

124. См. ст. ст. 28, 71, 92, 75 и сл. соответств. конституций.

125. *J. J. Rousseau*—Du contrat social—Publié par G. Beaulavon. Paris 1914, стр. 271. (Кн. III, гл. XV).

126. *Монтескье*.—О духе законов.—Спб. 1900, стр. 159 (Кн. XI, гл. VI) Ср. стр. 13 (Кн. II, гл. II).

127. *Эсмен*.—Основания,—стр. 195.

128. *Еллинек*.—Конституция, их изменения и преобразования —Спб. 1907, стр. 73.

129. *Брайс*, ук. соч., III, 110.

130. *П. Н. Новгородцев*.—Кризис современного правосознания —М. 1909, стр. 129 и сл.

131. *Брайс*, ук. соч., III, 20.

132. „ „ „ III, 11.

133. „ „ „ III, 6—7.

134. „ „ „ III, 27—28.

135. „ „ „ III, 109.

136. *Бэджгот*, ук. соч., стр. 87.

137. *Джон Стюарт Милль*.—О свободе.—Спб. 1906, стр. 10—11.

138. *Н. Бухарин и П. Преображенский*, ук. соч., стр. 141.

139. *Новгородцев*.—Кризис совр. правосозн.—Стр. 94

140. *В. Бэджгот*, ук. соч., стр. 89.

141. Essay of the british constitution.—(За неимением под руками, цитирую по памяти).

142. *К. Маркс*. 18 Брюмера,— стр. 191.

143. Там же, стр. 254.

144. *К. Каутский* Эрфуртская программа.—М. 1918, стр. 122.

145. *Эмиль де-Лавеле*.—Парламентаризм и демократия.—М. 1906, стр. 29—31.—Для Англии см. перечень у *Лоу*, ук. соч., стр. 172—173.

146. *Сидней Лоу*, ук. соч., стр. 76

147. *Малонь-Жерье.*—Эволюция государств. власти. Спб. 1907, стр. 121.

148. *Paul Leroy Beaulieu.*—L'état moderne et ses fonctions—Paris, 1900, p. 119.

149. *Charles Benoist.*—La crisse de l'état moderne. (Заимствовано нами ранее прямо из памяти).

150. *Еллинек.*—Конституции, их изменения и преобразования,—стр. 80.

151. *М. М. Ковалевский.* Что такое парламент.... Спб. 1906, стр. 93.—Защиту парламентаризма см. у Котляревского, Прусское государство и внешняя политика, М. 1909, а также ук. соч.

152. *Новгородцев.*—Кризис совр. прав.—стр. 164.

153. *Лоу,* ук. соч., стр. 64.

154. *Лоу,* ук. соч., стр. 73.

155. *Лассаль,* ук. соч., стр. 7.

156. *Брайс,* ук. соч., I, 228.

157. *К. Маркс.*—18 Брюмера, стр. 252.

158. *Лоу,* ук. соч., стр. 69.

159. Там же, стр. 66.

160. *В. Черемисов.*—Англия и англичане.—Петерб. 1918, стр. 42.

161. О выборах президентов см.: *В. Вильсон.* Государство.—М. 1906, §§ 1282, 1293, 1298, также 1141, 1142.

162. *Брайс,* ук. соч. I, 464.

163. „ „ „ I, 223.

164. „ „ „ I, 467.

165. *Новгородцев.*—Кризис совр. прав.—стр. 166.

166. *М. А. Рейснер.*—Государство.—М. 1918, ч. I, стр. XLVI.

167. Весьма тонкий и остроумный анализ этого периода см. у *М. А. Рейснера,* „Окт. рев. и госуд. власть" в сб. „Окт. рев. и диктат. пролет."

168. IX Съезд Р. К. П. (б.), четвертый день, утреннее заседание, доклад *т. Бухарина* (Правда, № 72—1920 года).

169. *т. Ионова*, председатель Владимирского губисполкома.—Исполкомы в новой политической и хозяйственной обстановке.—(Правда, 30/I—1920 г.)

170. *Ленин.*—Гос. суд. и рев. ор.,—стр. 45—46.

171. Там же, стр. 45.

172. *К. Маркс.*—Гражд. война во Фр.,—стр. 53.

173. *С. А. Котляревский.*—Власть и право.—Стр. 251.

174. *К. Маркс.*—18 Брюмера —стр. 196.

175. *Его же.*—Гражд. война во Фр.—Стр. 56.

176. *Монтескье*, ук. соч., стр. 156 (Кн. XI, гл. VI).

177. *М. Неруа*, ук. соч., стр. 31, 33.

178. Там же, стр. 126.

179. *А. Л. Лоуэлль.*—Правительства и политические партии в государствах Западной Европы.—Изд. Сытрмунта, стр. 111.

180. *Перси Ашлей.*—Местное и центральное управление.—Спб. 1910, стр. 4.

181. Там же, стр. 3, 4 и примечание.

182. *А. Лоуэлль*, ук. с., стр. 28.

183. Речь *т. Ленина* на всероссийском совещании политпросветов (Правда № 248, 5/XI—1920 г.)

Приложение.

КОНСТИТУЦИЯ

10 июля 1918 года

с последующими изменениями и дополнениями.

КОНСТИТУЦИЯ

(ОСНОВНОЙ ЗАКОН)

Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 года.

Утвержденная 3-м Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 года Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа вместе с утвержденной 5-м Съездом Конституцией Советской Республики, составляют единый основной закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Этот основной закон вступает в действие с момента его опубликования в окончательной форме в „Известиях В. Ц. И. К." Он должен быть распубликован всеми местными органами Советской власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте.

5-й Съезд поручает Народному Комиссариату Просвещения ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование.

Раздел первый.

Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа

Глава первая.

1. Россия об'является Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2 Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик.

Глава вторая.

3. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, III Всероссийский Съезд Советов Р., С. и Кр. Деп. постановляет далее:

а) В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд об'является общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

б) Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместия и сельскохозяйственные предприятия об'являются национальным достоянием

в) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики, подтверждается Съезд

ский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

г) Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, III С'езд Советов рассматривает Советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

д) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из под ига капитала.

е) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства, вводится всеобщая трудовая повинность.

ж) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Глава третья.

4) Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III С'езд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без

вышений и контрибуций на основе свободного самоопределения наций.

5. В тех же целях III Съезд Советов настаивает на полном разрыве варварской политики буржуазной цивилизации, строящей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях, вообще, и в малых странах.

6. III Съезд Советов приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, об'явившего свободу самоопределения Армении.

Глава четвертая.

7. III Всероссийский Съезд Советов Р., С. и Кр Депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству—Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

8. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, III Съезд Советов ограничивается установлением коренных начал Федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях.

Раздел второй.

Общие положения конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Глава первая.

2. Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

10. Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах.

11. Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут об'единяться в автономные областные союзы, во главе которых, как во главе всяких могущих быть образовываемых областных об'единений вообще, стоят областные С'езды Советов и их исполнительные органы.

Эти областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

12. Верховная власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Всероссийскому С'езду Советов, а в период между с'ез-

дами—Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету.

13. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, и свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

14. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений, Р. С. Ф. С. Р. уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства для издания газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

15. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний, Р. С. Ф. С. Р., признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все принадлежащие для устройства народных собраний помещения с отоплением, освещением и мебелью.

16. В целях обеспечения за трудящимися действительной связи с сельскими союзами, Р. С. Ф. С. Р., сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам в этом содействие, материальное и иное, для их объединения и организации.

17. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, Р. С. Ф. С. Р. ставит своею задачею предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное и всестороннее бесплатное образование.

18. Г. С. Ф. С. Р. признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: „Не трудящийся, да не ест!“

19. В целях всемерной охраны завоеваний великой рабоче-крестьянской революции, Р. С. Ф. С. Р. признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках представляется только трудящимся, на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей.

20. Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Р. С. Ф. С. Р. предоставляет все политические права российским гражданам иностранным, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к использующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства.

21. Р. С. Ф. С. Р. предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

22. Р. С. Ф. С. Р., признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противозаконным всякий законом Республики установленное или фактически допускаемый какой-либо привилегий или преимущества на этой основе, а равно как и всякое ущемление национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

23. Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Р. С. Ф. С. Р. лишает отдельные лица и отдельные группы прав, которые использовали бы их в ущерб интересам социалистической революции.

Раздел третий.

Конструкция Советской власти.

А. Организация Центральной власти.

Глава шестая.

О Всероссийском Съезде Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов.

24. Всероссийский Съезд Советов является высшей властью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

25. Всероссийский Съезд Советов составляется из представителей городских Советов по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей, и представителей губернских съездов Советов по расчету 1 депутат на 125 тысяч жителей.

Примечание 1. В случае, если Губернский Съезд Советов не предшествует Всероссийскому Съезду, то делегаты от последних назначаются непосредственно Уездными Съездами.

Примечание 2. В случае, если Областной Съезд Советов непосредственно предшествует Всероссийскому Съезду, то делегаты от последних могут быть посланы Областным Съездом.

26. Всероссийский Съезд Советов созывается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом не реже двух раз в год.

27. Чрезвычайный Всероссийский Съезд созывается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом по собственному почину или по требованию Советов

местностей, насчитывающих не менее $^1/_5$ всего населения Республики.

28. Всероссийский Съезд Советов избирает В. Ц. И. К. в числе не свыше 200 человек.

29. Всероссийский Ц. И. К. всецело ответствен перед Всероссийским Съездом Советов.

30. В период между Съездами высшей властью Республики является Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Глава седьмая.

О Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

31. В. Ц. И. К. является высшим законодательным распорядительным и контролирующим органом Р. С. Ф. С. Р.

32. В. Ц. И. К. дает общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов Советской власти в стране, объединяет и согласует работы по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений Всероссийских Съездов Советов и центральных органов Советской власти.

33. В. Ц. И. К. рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предположения, внесенные Советом Народных Комиссаров или отдельными его членами, а также издает с обязательное для исполнения постановления.

34. В. Ц. И. К. созывает Всероссийский Съезд Советов, которому представляет отчет о своей деятельности и докладывает по общей политике и отдельным вопросам.

35. В. Ц. И. К. образует Совет Народных Комиссаров для общего управления делами Р. С. Ф. С. Р. и отделы (народные комиссариаты) для руководства отдельными отраслями управления.

33. Члены В. Ц. И. К. работают в отделах (народных комиссариатах) или выполняют особые поручения В. Ц. И. К.

[Постановление VII Всероссийского Съезда Советов: 1. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет созывается Президиумом В. Ц. И. К. ежегодно, не позднее 2. Внеочередные заседания: чрезвычайные созываются Президиумом В. Ц. И. К., по требованию Совета Народных Комиссаров, [illegible] членов В. Ц. И. К.

II. 1) Президиум В. Ц. И. К. руководит заседаниями В. Ц. И. К.

2) Он выдает [illegible] для заседаний В. Ц. И. К.

3) Он [illegible] и рассмотрение текущих дел В Ц. И. К.

4) Он наблюдает за исполнением постановлений В. Ц. И. К.

5) Он ведет сношения от имени В. Ц. И. К.

6. Он является органом для связи с центром по инструктированию всей работы как в центре, так и на местах].

Глава восьмая.

О Совете Народных Комиссаров.

37. Совету Нар. Ком. принадлежит общее управление делами Р. С. Ф. С. Р.

38. В осуществление этой задачи Сов. Нар. Ком. издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни.

39. О всех своих постановлениях и решениях Сов. Нар. Ком. немедленно сообщает В. Ц. И. К.

40. В. Ц. И. К. вправе отменить или приостановить всякое постановление или решение Сов. Нар. Ком.

41. Все постановления и решения Сов. Нар. Ком., имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение В. Ц. И. К.

Примечание. Мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Сов. Нар. Ком. непосредственно.

42. Члены Сов. Нар. Ком. стоят во главе отдельных народных комиссариатов

43 Народных комиссариатов образуется 17, а именно:
а) по иностранным делам;
б) по военным делам;
в) по морским делам;
г) внутренних дел;
д) юстиции;
е) труда;
ж) социального обеспечения;*)
з) народного просвещения;
и) почт и телеграфов;
к) по национальным делам;
л) финансов;
м) путей сообщения;
н) земледелия;
о) торговли и промышленности;**)
п) народного продовольствия;
р) государственного контроля;
с) Высшей Сов Нар Хозяйства;
т) здравоохранения.

44. При каждом Народном Комиссаре, под его председательством, образуется коллегия, члены которой утверждаются Советом Народных Комиссаров.

45. Народный Комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением Народного Комиссара, коллегия, не приостанавливая

*) Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов 1. Народный Комиссариат Труда и Народный Комиссариат социального обеспечения *временно* сливаются и образуют Народный Комиссариат Труда и социального обеспечения. 2. Народный Комиссариат Торговли и Промышленности *временно* и образуется в Народный Комиссариат Внешней Торговли. (Известия Всероссийского Цент. Испол. Ком Сов. от. 30/XII 1919 года).

**) Народный Комиссариат Внешней Торговли *временно* не образует Коллегии (ук. декр.)

наличная исполнения решения может обжаловать его в Совет Народных Комиссаров или в Президиум В. Ц. И. К.

То же право обжалования принадлежит и отдельным членам коллегии.

46. Совет Народных Комиссаров всецело ответствен перед Всероссийским Съездом Советов и В. Ц. И. К.

47. Народные Комиссары и коллегии при Народных Комиссариатах всецело ответственны перед Советом Народных Комиссаров и перед В. Ц. И. К.

48. Звание Народного Комиссара принадлежит исключительно членам Совета Народных Комиссаров, ведующего общими делами Р. С. Ф. С. Р., и никаким иным представителям Советской власти как в центре, так и на местах присваиваемо быть не может.

(Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов в I сессии 7-го созыва: (Новая, № 2-я, 8/II—1920 г.)

1. Реорганизовать Государственный Контроль, как в центре, так и на местах, в единый орган Социалистического Контроля на основе привлечения в органы бывшего Государственного Контроля рабочих и крестьян и присвоить ему наименование: „Рабоче-Крестьянская Инспекция".

2. Рабоче-Крестьянская Инспекция действует на основании декрета от 9 апр. 1919 года. Рабоче-Крестьянской Инспекции принадлежат все права и обязанности Народного Комиссариата. Во главе Рабоче-Крестьянской Инспекции стоит Народный Комиссар и под его председательством образуется коллегия, членов которой утверждает Совет Нар. Ком.)

Глава десятая.

О предметах ведения Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

49. Ведению Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центр. Исп. Ком. подлежат все вопросы общегосударственного значения как-то

а) Утверждение, изменение и дополнение конституции Р. С. Ф. С. Р.

б) Общее руководство всей внешней и внутренней политикой Р. С. Ф. С. Р.

в) Установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории Р. С. Ф. С. Р. или принадлежащих ей прав.

г) Установление границ и компетенции областных Советских союзов, входящих в состав Р. С. Ф. С. Р., а также разрешение споров между ними.

д) Принятие в состав Р. С. Ф. С. Р. новых сочленов Советских Республик и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее.

е) Общее административное разделение территории Р. С. Ф. С. Р. и утверждение областных об'единений.

ж) Установление и изменение системы мер, весов и денег на территории Р. С. Ф. С. Р.

з) Сношения с иностранными государствами, об'явление войны и заключение мира.

и) Заключение займов, таможенных и торговых договоров, а равно финансовых соглашений.

к) Установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей на территории Р. С. Ф. С. Р.

л) Утверждение бюджета Р. С. Ф. С. Р.

м) Установление общегосударственных налогов и повинностей.

н) Установление основ организации вооруженных сил Р. С. Ф. С. Р.

о) Общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.

п) Назначение и смещение как отдельных членов С. Н. К., так и всего С. Н. К. в целом, а также утверждение председателя С. Н. К.

р) Издание общих постановлений о приобретении и утрате прав российского гражданства и о правах иностранцев на территории Республики.

с) Право амнистии, общей и частичной.

50. Сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского С'езда Советов и Всероссийского Ц. И. К. подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению.

51. Исключительному ведению Всероссийского С'езда Советов подлежат:-

а) установление, дополнение и изменение основных начал Советской конституции;

б) ратификации мирных договоров

52. Разрешение вопросов, указанных в пункте в и в ст. 1, предоставляется Всероссийскому Ц. И. К. лишь при невозможности созыва Всероссийского С'езда Советов.

Б. Организация Советской власти на местах.

Глава десятая.

О с'е з д а х С о в е т о в.

53. С'езды Советов составляются следующим образом:

а) Областные—из представителей городских Советов и уездных с'ездов, по расчету 1 депутат на 25 тысяч жителей а от городов по 1 депутату на 5 тысяч избирателей, но не более 500 делегатов на всю область,—либо из представителей губернских с'ездов Советов, избираемых по той же норме, если этот с'езд собирается непосредственно перед областным с'ездом.

б) Губернские (окружные)—из представителей городских Советов и волостных с'ездов по расчету 1 депутат на 10 тысяч жителей, а от городов по 1 депутату на 2

тысячи избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию (округ), причем в случае созыва уездного съезда Советов непосредственно перед губернским выборы производятся по той же норме не волостными, а уездным съездом.

в) Уездные (районные)—из представителей сельских Советов, по расчету 1 депутат на 1 тысячу жителей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд (район).

г) Волостные—из представителей всех сельских Советов волости, по расчету 1 депутат на каждые 10 членов Совета.

Примечание 1. В уездных съездах участвуют представители Советов городов, население которых не превышает 10 тысяч человек; сельские Советы местностей, насчитывающих менее 1 тысячи человек населения, для избрания депутатов на уездный съезд объединяются.

Примечание 2. Сельские Советы, насчитывающие менее 10 членов, посылают на волостной Съезд по 1 представителю.

54. Съезды Советов созываются соответствующими по территории исполнительными органами Советской власти (Исполнительными Комитетами) по усмотрению последних или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее $^1/_3$ всего населения данного района, но во всяком случае, не реже двух раз в год по области, одного раза в три месяца по губернии и уездам и одного раза в месяц по волости.

55. Съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) избирает свой исполнительный орган—Исполнительный Комитет, число членов которого не должно превышать: а) по области и губернии—25, б) по уезду—20, в) по волости—10. Исполнительный Комитет всецело ответствен перед избравшим его Съездом Советов.

56. В границах своего ведения Съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) есть высшая и

пределах данной территории власть; в период же между с'ездами такой властью является Исполнительный Комитет.

[Постановление VII Всероссийского С'езда Советов. 1. В с'ездах Советов (губернских, уездных, волостных) должны принимать участие представители всех Советов, находящихся на территории данной административной единицы, а равно и тех местностей (селений, фабрик, заводов и т. д.) где вопросы управления решаются общим собранием избирателей (ст. 57 конституции), на следующих основаниях:

С'езды Советов составляются следующим образом:

а) Губернские—из представителей городских Советов, Советов фабрично-заводских поселков с населением свыше 5.000 жителей и от волостных С'ездов по расчету: от волостных С'ездов—1 депутат на 10.000 жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков, фабрик и заводов, стоящих вне поселений—1 депутат на 2.000 избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию, причем в случае созыва уездных С'ездов непосредственно перед Губернским С'ездом, выборы от волостей производятся не волостными С'ездами, а этими уездными С'ездами Советов.

Примечание. Губернские города, не имеющие Советов, посылают представителей на губернский С'езд по расчету: 1 депутат на 10.000 жителей.

б) Уездные—из представителей всех Советов, имеющихся на территории уезда (района), в том числе и Совета уездного города, по расчету: от сельских Советов—1 депутат на 1.000 жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков, а также от Советов фабрик и заводов, стоящих вне поселений, по 1 делегату на 200 избирателей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд.

в) Волостные—из представителей всех Советов, имеющихся на территории волости, по расчету: 1 депутат на каждые 100 жителей

Примечание. В тех поселениях и на тех фабриках и заводах, где вопросы управления, согласно примечания к ст. 57, разрешаются не Советами, а общим собранием избирателей, депутаты на уездный С'езд избираются на этих общих собраниях.

С'езды Советов созываются соответствующими по территории исполнительными органами Советской власти (Исполнительным Комитетом) по усмотрению последних или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее 1/3 всего населения данного района, но во всяком случае не реже двух раз в год по области, губернии и уезду и не реже, как через каждые три месяца, по волости].

Глава одиннадцатая.

О Советах Депутатов.

57. Советы Депутатов образуются:

а) В городах—по расчету 1 депутат на каждую 1.000 членов населения, но в числе не менее 50 и не более 1.000 членов.

б) В селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 10 000 человек, аулах, кутанах и пр.)—по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов из каждого селения.

Срок полномочий депутатов 3 месяца.

Примечание. В тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, волостным управлениям разрешается созыв общим собранием уполномоченных Советов непосредственно.

58. Для текущей работы Совет Депутатов избирает из своей среды исполнительный орган (Исполнительный Комитет). В городах не менее 5 членов в селениях, а в городах по расчету 1 на каждые 50 членов, но не менее 5 и не более 15 (в Петербурге и Москве не более 40). Исполнительный Комитет всецело ответствен перед общим собранием Совета.

59. Совет Депутатов созывается Исполнительным Комитетом по усмотрению последнего или по требованию не менее половины членов Совета, но не реже 1 раза в неделю в городах и 2 раз в месяц в селениях.

60. В городах свои заседания Совет, а в случае, предусмотренном в § 57 (примечание), общее собрание уполномоченных имеет право в пределах данной территории созывать.

Глава двенадцатая.

О предметах ведения органов Советской власти на местах.

61. Областные, губернские, уездные и волостные органы Советской власти, т. е. Советы Депутатов имеют предметом своей деятельности

а) проведение в жизнь мер к установлению соответствующих высших органов Советской власти;

б) принятие всех мер к осуществлению данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей Советской деятельности в пределах данной территории.

[Постановление VII Всероссийского Съезда Советов: На общих собраниях Советов не безплодно ставить все основные вопросы местной и общей жизни. Советы должны работать не только как аппарат агитации и осведомления, но и как деловой механизм. Каждый член Совета по возможности немедленно привлекается к выполнению определенной государственной работы.

В члены Совета обязаны: во что бы то ни стало давать отчеты своим избирателям не реже одного раза в две недели. Член Совета, не выполняющий два раза по неуважительным причинам данного постановления, считается лишенным мандата, и вместо него избирается новый депутат]

62. Съездам Советов и их Исполнительным Комитетам принадлежит право контроля и надзора деятельности всех местных Советов (т. е. областным—право контроля над всеми Советами данной области, губернским—над всеми Советами данной губернии, кроме городских, не входящих в состав уездных съездов, и т. д.), а областным и губернским съездам и их Исполнительным Комитетам—кроме того, право отмены решений действующих и их работу Советов, с извещением об этом в важнейших случаях Центральной Советской власти.

33 Для выполнения возложенных на органы Советской власти задач при Совете Депутатов (в сельских [illegible] Комитетах (в [illegible] районах) образуются отделы по соглашению с заведующими отделами.

Примечание VII Ревизионное Совещание Совета Депутатов, являющееся между Съездами высшим контрольным Советским учреждением на соответствующей территории и состоящим взаимоотношении Исполн. Комитету, В. Ц. И. К. и Сов. Нар. Ком.

2 Губернский Исполн. Комитет также контролирует и имеет все достальные виды чрезвычайных учреждений, его временного, так и постоянного характера, не входящих в состав отделов Испол. Комитета (по ликвидации учреждений действующих и особ), немедленно доводя об этом до сведения соответствующего центрального учреждения.

3. Для выполнения всей работы, подлежащей ведению местной власти, и для сношения с лицами, состоящими вышестоящими Центр. Комит. в специальной власти Испол. комитет образует отделы. При губ Исполн. Комитете образуются отделы: 1—управления, 2—военный, 3—внешний, 4—труда и социального обеспечения,—5 народного образования, 6—почт и телеграф и 7—финансов, 8—земледелия, 9—торгово-промышленный, 10—государственного контроля, 11 финансов, 12—здравоохранения, 13—статистики, 14—учета и распределения, 15—коммунальный. При уездном те же, кроме почт-телеграфов, юстиции и чрезв. комиссии.

Открытие существующих отделов, а равно и образование новых отделов Испол. Комитетом по соглашению с соответственными Центр. Комитетами и все утверждения Сов. Нар. Ком.

Примечание I Отделы в городских, сельских, [illegible] районах, создаются Губернским Исполнительным Комитетом.

Примечание II Все местные Губсовнархозы объединяются с Губисполкомами по одним руководством Губ. Нар. Комитета Рабочих—Крестьянским под общим руководством Высшего Нар. Комитета.

Примечание III Все местные (губ, уездные, районные и т. д.) специализирующиеся хозяйственные органы отделов Совнархозов и Центров вх зятся Губсовнархоз.

Примечание IV Подробная инструкция, какие могут иметь отделения от центральных и местных учреждений В С П Х по отношению к государственным заводам, фабрикам и предприятиям трестов и т. д., должна быть разработана В С П Х. и проведена через Сов. Нар. Ком. и В. Ц. И. К. Эта инструкция

должна безусловно сохранить подчинение всех предприятий и особо важных государственных предприятий с отраслевым управлением, а равно определить размеры и формы подчинения этих предприятий Губсовнархозам в целях наилучшего и быстрейшего удовлетворения местных потребностей.

4) Или заведующем образуется коллегия.

Примечание. В определенных случаях по постановлению Испол. Ком. коллегии может не образовываться. Членство в членами коллегии избираются Испол. Комитетом и Совнаркомом. Нар. Комиссар имеет право заявлять свой протест. В случае разногласия, разрешается Президиумом В. Ц. И. К.

5. За деятельностью Отдела и за исполнением постановлений расширенной коллегии отдела имеет наблюдение на заведующего отделом, как и по Испол. Ком. в целом.

6. Все вопросы, относящиеся к ведению Отдела как принципиального, так и практической важности, равно все дела отдела (по представлениям в Испол. Ком.) должны быть предварительно утверждены Испол. Ком.

7. Заведующий Отделом имеет право единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего отдела, докладывая о них до очередного заседания. В случае несогласия коллегии с ним или его решением заведующего, вопрос должен быть немедленно передан для исполнения решения, обжалуя его в Испол. Ком.

8. Отделы Испол. Ком. состоят в ведении Президиума Комитета, обязаны исполнять все постановления и распоряжения Испол. Ком. и соответствующего отдела Испол. Комитета и соответствующего Нар. Комиссариата.

9. В том случае, когда отдел Исполнительного Комитета по какому-либо вопросу, выходящему за пределы ведения Нар. Комиссариата, вынужден обратиться в Совнарком, Президиум Комитета и его отделы, обязаны немедленно сообщить об этом и известить Комиссариат, который по принципиальным вопросам должен дать заключение, если требование о необходимости этого предъявляют: Президиум Испол. Ком. – Совнарком, Совнарком или В. Ц. И. К., Президиум Испол. Ком. и т. д., уведомляя одновременно тот орган, коим рассмотрение отдано.

10. Президиум Комитета и отделы Испол. Ком. имеют право предоставлять распоряжения соответствующим отделам Нар. Комиссариатов, которые все распоряжения должны особо внимательно изучать, отдавая особые указания Президиуму Испол. Ком. Комитету, который следит за правильным и своевременным их исполнением.

11. Нар. Комиссариаты и отделы Испол. Ком. имеют право непосредственного сношения с соответствующими отделами низовых Испол. Комитетов. В тех случаях, когда Нар. Комиссариаты и отделы Исп. Ком. сносятся с нижестоящими органами, минуя промежуточные инстанции (напр., Нар. Комиссариат земледелия с отделом

[illegible] Пол. бок. [illegible] [illegible] [illegible]

б) Рабочие Советской армии и флота;

в) граждане, принадлежащие к категориям, перечисленным в статьях 4 и 6 статьи 64, потерявшие в значительной мере трудоспособность.

Примечание 1. Местные Советы вправе, с учетом местных условий, признать достаточной и иную, чем указанную в настоящей статье, норму.

Примечание 2. Из лиц, не пользующихся в отдельных местностях гражданскими правами, могут быть избирательными правами только лица, указанные в ст. 20 (Раздел второй, глава пятая).

65. Не избирают и не могут быть избираемыми, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, имеющие нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и другие служители религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также членов царствовавшего в России дома;

е) лица, признанные в установленном законом порядке душевно больными или умалишенными, а также лица, находящиеся под опекой;

ж) лица, осужденные за корыстные и позорящие преступления, на срок, установленный законом или судебным приговором.

Глава четырнадцатая.

О производстве выборов.

66. Выборы производятся, согласно установившимся обычаям и правилам, устанавливаемым местными Советами.

67. Выборы производятся в присутствии избирательной комиссии и представителя местного Совета.

68. В тех случаях, когда присутствие представителя Советской власти оказывается технически невозможным, его заменяет председатель избирательной комиссии, а за отсутствием такового, председатель избирательного собрания.

69. О ходе и результатах выборов составляется протокол за подписью членов избирательной комиссии и представителя Совета.

70. Порядок производства выборов, а равно участие в них профессиональных и иных рабочих организаций, определяется местными Советами согласно инструкций В. Ц. И. К.

Глава пятнадцатая.

О проверке и отмене выборов и об отзыве депутатов.

71. Весь материал по производству выборов поступает в соответственный Совет.

72. Совет для проверки выборов назначает мандатную комиссию.

73. О результатах проверки мандатная комиссия докладывает Совету.

74. Совет решает вопрос об утверждении спорных кандидатов.

75. В случае неутверждения того или иного кандидата, Совет назначает новые выборы.

76. В случае неправильности выборов в целом вопрос об отмене выборов разрешается вышним по порядку органом Советской власти.

77. Последней инстанцией по кассации Советских выборов является В. Ц. И. К.

78. Избиратели, послывшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы, согласно общему положению.

Раздел пятый.

Бюджетное право.

Глава [illegible]

79. Финансовая политика Р. С. Ф. С. Р. в настоящий переходный момент диктатуры пролетариата способствует основной цели экспроприации буржуазии и подготовления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств. В этих целях она ставит себе задачей продвижение в расширение органов Советской власти тех наиболее средств для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики по мере дальнейшего вторжения в плановую хозяйственность.

80. Государственные доходы и расходы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики объединяются в общегосударственном бюджете.

81. Всероссийский Совет Советов или Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет определяют, какие роды доходов и сборов входят в общегосударственный

Центральной власти.

постановления В. Ц. И. К. и С. Н. К.

дополнительные кредиты Советы испрашивают у подлежащих Народных Комиссариатов.

88. В случае недостаточности местных средств для удовлетворения местных потребностей, необходимые для покрытия последних расходы по сим, по суду не средств государственного казначейства местным Советам разрешаются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров.

Раздел шестой.

О гербе и флаге Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Глава семнадцатая.

89. Герб Р. С. Ф. С. Р. состоит из изображения на красном фоне в лучах [illegible] и молота, помещенных крест-на-крест и окаймленных венком из колосьев, и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

в ф) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

90. Торговый, морской и военный флаг Р. С. Ф. С. Р. состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого, у древка, вверху помещены золотые буквы Р. С. Ф. С. Р. или полные: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

(Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (Известия В. Ц. И. К. № 228—1920 г.): Во изменение ст. 96 конституции Р. С. Ф. С. Р. об установлении единообразного торгового, морского и военного флага Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Оставить существующий образец в качестве военного флага красный флаг с золотыми буквами Р. С. Ф. С. Р. в левом верхнем крыле).

2. Для торгового флота установить красный [illegible] буквами Р. С. Ф. С. Р. большого размера в середине флага.

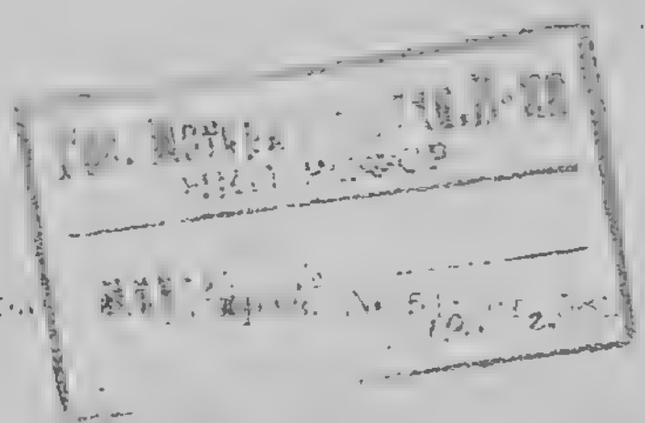
3. Для морского флота установить красный флаг с [illegible] звездой посредине его и белыми буквами Р. С. Ф. С. Р. в [illegible] части якоря].

Председатель Подписали: V Всеросс. Съезда С.-Р. и
В. Ц. И. К. *Я. М. Свердлов.*

Члены Президиума В. Ц. И. К. *Т. Н. Тимофеева, Ф. А. Розин, А. И. Розенгольц, Л. Х. Митлофанов, К. Г. Мо[illegible].*

Секретарь В. Ц. И. К. *В. А. [illegible]*

Республикована в № 151 „Известий В. Ц. И. К. С." от 19 июля 1918 года.


Собр. у[illegible]

1-52